

РИ
С 59

Михайль Соколовскій

КАДЕТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ПОЛЪ ВЪКА НАЗАДЪ

Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній,
какъ повременное изданіе

1836—1863

Журналистъ не есть дрягиль, чтобы не сказать хуже, который обязанъ только сваливать съ спины своей въ типографію чужіе тюки. Онъ долженъ и самъ мыслить, долженъ быть патріотомъ, наблюдателемъ, литераторомъ.

*Изъ письма А. Н. Тургенева къ князю
П. А. Вяземскому, 27 августа 1820 г.*

Историко-библіографическій очеркъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12
1905

Михаилъ Соколовскій

КАДЕТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ПОЛЪ ВЪКА НАЗАДЪ

Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній,
какъ повременное изданіе

1836—1863

Журналистъ не есть дрягиль, чтобы не сказать хуже, который обязанъ только сваливать съ спины своей въ типографію чужіе тюки. Онъ долженъ и самъ мыслить, долженъ быть патріотомъ, наблюдателемъ, литераторомъ.

*Изъ письма А. Н. Тургенева къ князю
П. А. Вяземскому, 27 августа 1820 г.*

Историко-библіографическій очеркъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12
1904

Напечатано по распоряженію Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній.

Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній издавался съ 15 іюля 1836 г. въ продолженіе почти тридцати лѣтъ и выходилъ книжками дважды въ мѣсяць. Исполнившееся въ 1902 г. столѣтіе Военнаго Министерства дало мнѣ поводъ напомнить читающей публикѣ объ этомъ весьма любопытномъ органѣ и хотя бы эпизодически обрисовать его характеръ и содержаніе. Желаніе удовлетворить строго-научнымъ требованіямъ остановило меня сперва на мысли о составленіи систематизированнаго указателя къ этому журналу, однако опасеніе чрезмѣрной сухости и академичности такого труда заставило пожертвовать наукою ради популярности и точностью ради наглядности и обратиться къ составленію популярнаго, общелитературнаго пересказа содержанія журнала, подобно тому, какъ это было сдѣлано мною же въ статьѣ о журналѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества (Вѣстникъ благотворительности, 1902 г., №№ 9, 10 и 11). Съ предложеніемъ взять на себя указанный трудъ я обратился къ Его Императорскому Высочеству Главному Начальнику военно-учебныхъ заведеній, который по своей просвѣщенности соизволилъ высококомилостиво отнестись къ моему скромному предпріятію.

Книжки журнала представляютъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, полный ихъ комплектъ отсутствуетъ даже въ спеціальныхъ библіотекахъ, и это обстоятельство представило весьма значительное затрудненіе въ моей работѣ. Однако при неослабѣвающей настойчивости мнѣ удалось познакомиться со всѣми безъ исключенія книжками, и результатомъ сего является настоящая брошюра.

Судя по объявленію, приложенному къ одной изъ книжекъ журнала, программа послѣдняго была предначертана въ слѣдующемъ видѣ.

I. Словесность. Оригинальныя и переводныя статьи, заимствуемыя изъ всѣхъ книгъ и журналовъ русскихъ и иностранныхъ. Преимущественно онѣ принадлежатъ къ слѣдующимъ родамъ: а) Слова и рѣчи духовныя. б) Описанія странъ, городовъ и мѣстностей, въ особенности русскихъ; отрывки изъ путешествій; вѣрные изображенія художественныхъ произведеній. в) Повѣсти вымышленныя, занимательныя по живости изложенія и по благороднымъ характерамъ лицъ дѣйствующихъ. д) Отрывки изъ драмъ и комедій.—По части стихотвореній, посредственность по содержанію и стихосложенію вообще не допускается.

II. Исторія. Этотъ отдѣлъ знакомитъ молодыхъ читателей съ великими людьми, въ особенности съ русскими, которые заслужили знаменитость на поприщѣ военномъ, гражданскомъ, или литературномъ. Первенство при выборѣ имѣютъ біографіи тѣхъ лицъ, которыя совершили блистательный подвигъ, или явили примѣръ самопожертвованія для славы Государя, для чести русскаго имени. Кромѣ біографій, въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются отрывки, отличные по изяществу слога и содержанію, изъ обширныхъ, по плану, историческихъ твореній, предварительно обсужденныхъ въ ихъ цѣлости.

III. Науки и искусства. Описанія достопримѣчательнѣйшихъ войнъ, движеній армій, генеральныхъ сраженій, авангардныхъ стычекъ, свѣдѣнія о достопримѣчательнѣйшихъ укрѣпленныхъ лагеряхъ, также описанія извѣстнѣйшихъ осадъ, особенно въ которыхъ участвовали отечественныя войска. Кромѣ сего, статьи по части естественныхъ наукъ, химіи, физики, технологии въ практическомъ примѣненіи, и проч.

IV. Смѣсь. Анекдоты, показывающіе благородство души и возвышенныя чувствованія, любовь къ правдѣ и справедливости, преданность Государю, мужество въ опасностяхъ и проч. Кромѣ анекдотовъ, это послѣднее отдѣленіе пополняется вообще мелкими статьями, состоящими въ связи съ цѣлію журнала.

Слѣдовательно, журналъ состоялъ изъ четырехъ отдѣловъ и повидимому мнѣ надлежало бы систематизировать матеріалъ именно по этимъ отдѣламъ, но подробное изученіе журнала привело меня къ заключенію о необходимости расположить свое изложеніе не по четыремъ, а по тремъ отдѣламъ, выдѣливъ въ самостоятельный отдѣлъ все, что касается военного быта и военной службы. При этомъ, въ виду особой на мой взглядъ цѣнности военного отдѣла, послѣдній помѣщенъ мною на первое мѣсто, и такимъ образомъ отдѣлы, по которымъ описывается мною журналъ, расположены въ слѣдующей постепенности:

I. Отдѣлъ военный.

II. Отдѣлъ историческій.

III. Отдѣлъ беллетристическій и научный.

Исчерпать вполне содержаніе журнала представилось немислимымъ по соображеніямъ экономіи времени; я останавливался на статьяхъ, которыя заслуживали, по моему мнѣнію, вниманія и характеризовали журналъ, хотя, конечно, такой способъ изложенія не исключаетъ элементовъ случайности и субъективности въ библіографической оцѣнкѣ журнальнаго матеріала. Съ цѣлью же сохранить хотя бы нѣкоторый справочный характеръ моего труда, я въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указываю римскими цифрами — томъ журнала, а арабскими — его нумеръ, присоединяя въ большинствѣ случаевъ наименованіе статьи и фамилію ея автора.

Признавая всю несовершенство своего настоящаго труда я все-таки позволяю думать, что при крайней бѣдности матеріаловъ по русской журналистики вообще и военной журналистики въ частности, моя настоящая брошюра можетъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ позволяю себѣ принести высокопочтительнѣйшую признательность Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу, безъ просвѣщеннаго содѣйствія коего мой скромный трудъ не былъ бы напечатанъ.

Михаилъ Соколовскій.

І

ВОЕННЫЙ ОТДѢЛЪ

Военное искусство содержитъ двѣ части: одну, которую можно узнать, не бывъ въ полѣ, а другую, не иначе, какъ бывъ въ полѣ. Первая есть военное устройство, а другая—полководительство.

*Изъ инстр. Императрицы Екатерины
Великой кн. Н. И. Салтыкову. Журн.,
XI, 43.*

Хочешь ли быть побѣдителемъ въ войнѣ?
Учись воевать во время мира.

Филоменъ. Журн., XXI, 83.

Значеніе военного отдѣла въ журналѣ.—Черты военного быта.—Суворовъ.—Кагулъ и Аустерлицъ.—Отечественная война и ея герои.—Скобелевъ.—Отдѣльные воинскіе подвиги.—Военные приказы.—Инвалиды.—Кадетская старина.—Военная старина.—Отставные.—Заключеніе.

Военный бытъ носитъ въ себѣ много специфическихъ чертъ. Отсюда понятны выраженія—военный духъ, военная выправка, даже полусутопливое двухсловіе—военная косточка. Тотъ, кто находился въ рядахъ арміи, конечно, знаетъ этотъ военный бытъ, но для того, кто только что вступаетъ въ военные ряды, этотъ своеобразный бытъ, съ его спеціальными идеалами, требованіями и условіями, совершенно не знакомъ, и здѣсь можетъ придти на помощь теоретическая подготовка и, какъ частный ея случай, разборъ военного быта въ журналахъ.

Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній не оставался чуждымъ желанію принести пользу своимъ читателямъ именно подготовкою ихъ къ вступленію въ войска и предварительнымъ знакомствомъ ихъ съ военнымъ бытомъ.

Капитальною статьею въ этомъ отношеніи являются „солдатскія замѣтки“¹.

Замѣтки писаны для солдатскаго досуга, и первымъ вопросомъ, ими разрѣшаемымъ, является вопросъ о томъ, существуетъ ли вообще досугъ у солдата въ его многосложныхъ занятіяхъ. Отвѣтъ дается въ полусутопливомъ тонѣ, въ каковомъ вообще написана вся статья. „Цѣпной песъ Кудлачъ просилъ бѣжавшую мимо Жучку—присядь, молъ, на хвостикъ, потолкуемъ маленько; а та говоритъ—охъ, недосугъ, дядя Кудлачъ! звала, вишь, меня Сѣрка въ гости, да какъ можно скорѣй; спѣшу, чтобъ не опоздать. — Чтожъ такое спѣшное у васъ?—Да хозяинъ будетъ навозъ возить, а мы будемъ бѣгать. И пустилась бочкомъ, что есть духу: вишь, и въ самомъ дѣлѣ недосугъ!“ Если бы поведеніе Жучки и ея поверхностное отношеніе къ окружающему потребовалось передать афоризмомъ, то, кажется, нельзя лучше сказать, чѣмъ перефразировкою выраженія о

¹ Журн., CXIII, 449.

недостаткъ денегъ на дѣло, съ замѣною денегъ временемъ: нѣтъ у насъ времени для дѣла, на безобразіе, или вѣрнѣе пустяки, есть...

Разбирая различныя положенія, въ которыхъ можетъ очутиться солдатъ, статья останавливается на тяжелыхъ условіяхъ походнаго передвиженія пѣхоты. „Нашему брату, пѣхтурѣ, приспособлено ничѣмъ не хуже сѣраго волка, на собственныхъ крѣпостныхъ ходуляхъ; за то ужъ маршируетъ навѣрняка, своя ступня не обманетъ; корабль о камень треснулся—мореходъ на дно; конь споткнулся—сѣдокъ на цѣпь головой; въ рыдванѣ пружина хряснула — баринъ прогуливайся на тонкость, а нашъ братъ-землемѣръ свой человѣкъ: съ сумой походной, знай, отмѣривай по аршину съ четвертью, пока теленокъ подъ барабанной палкой не замѣтитъ—ой, стой! не въ мотугу мнѣ!“ Здѣсь же подается и совѣтъ по сбереженію здоровья на походѣ: „большихъ попеченій и ремонту нога не требуетъ; просторный крѣпкій сапогъ, плотно навернутая на ногу мягкая портянка, вотъ и все, что нужно, да еще если, роскоши ради, свѣчнымъ огарочкомъ смахнуть ступню—маршъ“!

Говоря о „знаніи и ремеслѣ“ и о раздѣленіи чиновъ на строевыхъ и нестроевыхъ, статья замѣчаетъ: „если Господь надѣлитъ тебя красотой, пригожествомъ и ростомъ, и дородствомъ, и постановкой молодецкой, да къ тому-жъ ты и не глупъ, такъ держись одного знанія, ремесла, мастерства—ефрейторскаго; съѣшь собаку цѣликомъ по фронтовой части, да постарайся и о грамотѣ; поклонись писарю чайкомъ, аль травничкомъ и попроси азы, молъ, растолковать. Если же, не тая грѣха безвиннаго, самъ видишь ты въ натурѣ своей какую-нибудь закорючину, то есть, породился ты не больно казистъ и глядишь маленько мухрышкой, купи, братъ, тавлинку берестяную, да на грошъ зеленчака мозговертнаго попотчуй ротнаго закройщика или пригонщика аммуниціи и бей челомъ его милости о наученіи тебя премудрости ковырянія иглой, не то шиломъ“. Справедливость, однако, требуетъ признать, что всякій нестроевой, стоящій за верстакомъ, не можетъ идти въ ровень со строевымъ; всякій нестроевой—почти мастеровой; на нестроевыхъ „и взыску нѣтъ, и на смотрахъ каждый начальникъ самъ видитъ, что стоитъ профессоръ такой, весь вытянувшись, какъ дуга; каблуки столь плотно, сколь можно, а между колѣнъ собака пролѣзетъ, и грудь на выкатѣ, хотя и не въ сторону, а седьмое ребро съ лѣваго боку, какъ изъ мѣшка сапожная колодка, торчитъ, и всего на все въ лицѣ у него красоты—двѣ дырки въ носу, что зеленчакомъ разстравлены, а прочее схоронено все подъ фаброй“.

Бываютъ войсковыя части, заслуживающія полной похвалы, хотя „похвала, что солнышко: хороша въ пору, да въ мѣру, а иногда и дождикъ не помѣха“. Но семья не безъ уroda, и „уродомъ“ явля-ются въ войскахъ бѣглецы.

Останавливается еще журналъ на пьянствѣ, этомъ ужасномъ военномъ пороку, вѣчномъ спутникѣ чутъ ли не всѣхъ поголовно воинскихъ преступленій. Статья устанавливаетъ три степени „хмѣля“: увеселенія, опьяненія и осатаненія или свиненія; человѣкъ, находя-щійся во второй степени, похожъ „на воронье чучело въ горохѣ и даже на заштатную швабру“, и „аммуниція и прическа на такомъ кавалерѣ, какъ соломенная крыша въ пожарѣ“; про третью степень не стоитъ даже и говорить. Пьянство—ужасный порокъ; не даромъ говорится: „хмѣльнымъ ложиться—вставать дуракомъ“ и „безъ мѣры и вода одолѣетъ“.

Далѣе статья останавливается на необходимости солдату быть усерднымъ: „что искра въ камнѣ твердомъ, что закалѣ въ булатѣ добромъ, тоже самое и усердіе въ солдатѣ; человѣкъ безъ усердія—та же деревяшка“.

Другая статья, касающаяся военного быта ¹, говоритъ о значе-ніи военной пѣсни. „На походѣ пѣсня—сказочная вода живая; по-вело маленько спину непривычному и корчится онъ подъ тяжелымъ ранцемъ, отмѣривая третій десятокъ верстъ; попридавило грудь рем-нями, начинаютъ пылать ноги—и вотъ въ головѣ колоны гаркнули—сизъ голубчикъ—радость мой, вострепелась душа и что рукой сняло всю истому ненужную; орломъ встрѣчаетъ онъ заспаннаго квартир-гера—а хороша-ли у меня хозяйка?—какъ же, три дня умывалась, тебя дожидаячи; ведите его прямо на батарею; да, половину груза солдатскаго похода выносить пѣсня; половину горя всякаго несе-тъ она же“. Достойно отмѣтить, что это признаніе значенія пѣсни въ военномъ быту было своего рода откровеніемъ въ тогдашнемъ экс-церцргаузномъ режимѣ, когда одинъ иностранный генералъ, присут-ствовавшій при прохожденіи войскъ не могъ сдѣлать другого упрека, какъ выразить сожалѣніе, что эти войска дышатъ и только тѣмъ отличаются отъ машины.

Россія—держава военная. Древняя Русь боролась съ татарами, хозарами, печенѣгами; новая Россія воевала со шведами, турками,

¹ Журн., CXVIII, № 470. Чужое знамя. Последній подвигъ Камня Кремневича. Камнями Кремневичами остроумно и образно окрещены храбрые севастопольцы, въ которыхъ невольно усматриваются истинные преемники суворовскихъ чудо-бога-тырей.

французами, и исторія Россіи—это исторія войнъ. Муравьевъ эту характерную черту русской исторіи удачно переложилъ въ стихи ¹:

„предъ цареградскими стѣнами
на грековъ Игорь двинуль рать,
Олегъ по сушѣ ладіями
спѣшитъ коварныхъ мечъ попрасть,
спасался болгаръ съ печенѣгомъ
отъ Святослава скорымъ бѣгомъ
и царь Цимисхій Іоаннъ,
гремя въ Владиміръ за Дунаемъ
и колебалъ окреснымъ краемъ
премногихъ побѣдителей странъ.

Вождей тамъ вижу ополченье,
Румянцевъ рати сей главой!
Лунъ навелъ онъ помраченье
и на Дунаѣ сталъ пятой.
За нимъ какіе исполины
съ егидою Екатерины
на турокъ вержуть тучи стрѣлъ?
Готовитъ Панинъ стѣнъ проломы,
Репнинъ, Каменскій—бранны громы.
Суворовъ, быстротой орелъ“.

Конечно, обиліе войнъ повлекло и обиліе героевъ.

Суворовъ... Но это—сказочный богатырь, личность полуанекдотическая. Отсюда и обиліе всяческихъ анекдотовъ исто-суворовскихъ и а-la-суворовскихъ, всяческихъ выходокъ во вкусѣ Суворова.

Журналъ, конечно, отводитъ мѣсто суворовскимъ анекдотамъ.

Однажды Суворовъ ѣхалъ съ присланнымъ отъ князя Н. В. Репнина маіоромъ. „Сколько рыбъ въ водѣ?“ былъ вопросъ Суворова. Маіоръ сказалъ первое пришедшее въ умъ число. „А сколько звѣздъ на небѣ?“ снова спросилъ Суворовъ. — 700.546.083 звѣзды, отвѣчалъ маіоръ. Наконецъ, отправляя отъ себя маіора, Суворовъ его спросилъ о различіи, по мнѣнію маіора, между нимъ, Суворовымъ, и Репнинымъ. „Такое различіе, Ваше Сіятельство“, отвѣчалъ ловкій маіоръ, „что князь Николай Васильевичъ и хотѣлъ бы сдѣлать меня подполковникомъ, но не можетъ, а Вашему Сіятельству стоитъ только захотѣть!“—Помилуй Богъ, хорошо,—вскричалъ Суворовъ,—помилуй Богъ, умный человекъ, могузнайка, подполковникъ, право, подполковникъ! ²

Тайна успѣха каждаго военачальника зиждется на психическомъ воздѣйствіи на подчиненныхъ. Каждый талантливый полко-

¹ Журн., XIV, 54. Храмъ марсовъ.

² Журн., LXXXII, 327.

водецъ долженъ быть и психологомъ. На языкъ большой публики эта проникновенность въ психологическіе тайники называется умѣньемъ вліять на толпу и способностью „ловить моментъ“. Насколько умѣлъ пользоваться минутой Суворовъ, доказываетъ анекдотъ о немъ изъ эпохи 1799 г.¹ Одна войсковая часть, тѣснимая непріятелемъ, стала отступать, но Суворовъ, не терявшій присутствія духа, съумѣлъ повернуть колесо счастья; онъ приказалъ влить въ отступающія войска резервы и, представаясь, что онъ принялъ отступление за своего рода военный хитроумный маневръ, крикнулъ: „заманивайте, заманивайте ихъ, ребята, и наша денежка не щербата; скоро пробѣтъ и нашъ часъ“; послѣ этого Суворовъ внезапно скомандовалъ: „стой! впередъ! ура! наша взяла!“

Суворовъ не любилъ терять напраснаго времени и поэтому не признавалъ цѣлесообразности визитовъ. Разъ какъ-то пріѣхалъ къ Суворову съ визитомъ вице-канцлеръ Остерманъ; Суворовъ, провожая его, „выпрыгнулъ“ въ его карету и, проѣхавъ вмѣстѣ съ Остерманомъ нѣкоторое время, довольный, возвратился, причемъ обратившись къ Державину, сказалъ: „этотъ контрвизитъ самый скорый, лучший и взаимнонеотягчительный“².

Суворовъ—общепризнанный военный геній. Его памятью до сихъ поръ жива русская армія. Его образъ до сихъ поръ дорогъ каждому русскому воину. И самая личность Суворова, сквозь даль столѣтій, облекается въ какую-то дымку сверхъестественности и обращается въ образъ мифическаго небожителя. Журналъ даетъ Суворову прозвище величайшаго трагика: „если война есть трагедія, то Суворовъ былъ величайшій трагикъ, особливо въ единствѣ времени, ибо онъ сбивалъ годы въ мѣсяцы, и дѣла мѣсяцевъ представлялъ намъ въ нѣсколько часовъ; впрочемъ, онъ былъ не классическій трагикъ, ибо единства мѣста у него вовсе не было, и его трагедія шла то на берегахъ Дуная, то на берегахъ Вислы и Буга, то на утесистыхъ хребтахъ скалъ и горъ“³.

И муза не могла оставить въ покоѣ Суворова, какъ любимаго сына Марса.

Журналъ приводитъ, напримѣръ, отрывокъ изъ оды Державина „На взятіе Измаила“, въ которой, между прочимъ, приводится такая строфа:

¹ Журн., I, 3. Рѣдкая находчивость Суворова.

² Журн., XXXVI, 141. Матеріалы для исторіи вѣка Екатерины. Изъ записокъ о Суворовѣ.

³ Журн., XXIX, 161. Мысли и отмѣтки.

„представь послѣдній день природы,
 что пролилася звѣздъ рѣка,
 на огонь пошли стѣною воды,
 бугры взвились за облака,
 что вихри тучи къ тучамъ гнали,
 что мракъ лишь молнии освѣщали,
 что громъ потрясъ всемірну ось,
 что солнце, мглою покровенно,
 ядро казалось раскаленно,—
 се видъ, какъ вшелъ въ Измаилъ Россъ“ ¹

Тотъ же пѣвецъ Фелицы, въ другомъ стихотвореніи, живописуя итальянскій походъ Суворова, выражается:

„гради спасать царей, Суворовъ!
 „избавить царства отъ раздоровъ
 „и власть въ порфиру облещи;

 „слухъ пройдетъ въ позднее потомство,
 „тобой стеръ Павелъ вѣроломство
 „и скитры возвратилъ царямъ“ ².

Имя Суворова—общеизвѣстно и говоритъ само за себя. Это подмѣчаютъ поэты, и Шишковъ пишетъ:

„для обращенія всея Европы взоровъ
 „на образъ сей, въ мѣди блистающій межъ насъ,
 „не нуженъ стихотворства гласъ;
 „довольно молвить—се Суворовъ!“ ³

Гнѣдичъ пишетъ еще болѣе короткую эпитафію:

„ты ищешь монумента?
 „Суворовъ здѣсь лежитъ!“ ⁴

Суворовъ былъ особенный человѣкъ, съ отпечаткомъ своеобразности, оригинальности. Капитанъ Таубринъ, служившій въ Суздальскомъ пѣхотномъ полку, 3 февраля 1767 г., писалъ своимъ прежнимъ товарищамъ про Суворова: „онъ и говоритъ, и ходитъ, и смотритъ, и ѣстъ, и пьетъ, и спитъ не такъ, какъ другіе люди; нашъ вахтпарадъ—настоящая баталія; въ жилахъ нашего полковника течетъ не кровь, а пламя“; почти чрезъ два года, 3 октября 1768 г., Таубринъ пишетъ своему отцу про Суворова: „пока онъ въ службѣ, я готовъ служить при немъ простымъ солдатомъ“ ⁵. Этой же вѣрой

¹ Журн., XXVIII, 109.

² Журн., XLIX, 194.

³ Журн., XLIX, 196. Къ монументу Суворова.

⁴ Журн., LIII, 211.

⁵ Журн., XLIX, 195.

въ Суворова и признаніемъ исключительной обаятельности его личности дышетъ передаваемая Столыпинымъ рѣчь генералъ-адъютанта Баратынскаго объ отношеніяхъ Императора Павла къ Суворову; „Боже мой, какое несчастье“, сказалъ Баратынскій, „что Государю графа такъ оклеветали; я больше ничего не желалъ, какъ того, что бы Государь хоть съ часъ пробылъ бы съ нимъ вмѣстѣ въ кабинетѣ, для блага Государя и Отечества“¹. Кто знаетъ, быть можетъ, въ этой черной и позорной клеветѣ кроется ключъ къ разгадкѣ довольно продолжительной опалы Суворова передъ итальянскимъ походомъ, на вѣкъ покрывшимъ немеркнуущею славою русскія знамена.

Суворовъ—авторъ „науки побѣждать“, и поистинѣ нѣтъ и тѣни бахвальства въ его выраженіи: „надобно, чтобъ меня какъ можно скорѣе послали противу генерала Бонапарта, а безъ этого онъ кончитъ тѣмъ, что побьетъ нѣмцевъ и, наконецъ, придетъ даже въ Россію“. ² Не было ли здѣсь чего пророческаго, и не обратился ли здѣсь гениальный полководецъ въ вѣщаго кудесника?

Экономія времени—необходимый элементъ во всякой работѣ, и желаніе достиженія извѣстной цѣли путемъ меньшей затраты времени является насущнымъ условіемъ въ любомъ трудѣ. На этомъ зиждется воспитательное и даже утилитарное значеніе лаконизма. Военное дѣло безспорно требуетъ тоже сбереженія времени, и военные приказы и распоряженія должны, при точности, отличаться сжатостью. Суворовъ и въ этомъ отношеніи могъ бы быть поставленъ въ образецъ. 7 декабря 1790 г. Суворовъ послалъ краткій ультиматумъ „сераскиру, старшинамъ и всему обществу“: „я съ войсками сюда прибылъ; 24 часа на размышленіе и воля; мои первые выстрѣлы уже неволя; штурмъ—смерть, что оставляю вамъ на размышленіе“³. Невольно припоминается при этомъ нашъ лѣтописный герой Святославъ, посылавшій врагамъ краткое предварительное извѣщеніе—иду на васъ. Однако, детали не всегда могли умѣститься въ короткія строчки, и въ диспозиціи къ штурму Очакова Суворовъ добавлялъ: „завтра въ полдни прошу весь генералитетъ, назначенный къ дѣлу, пожаловать прійти ко мнѣ, для словеснаго объясненія, ибо всего написать не можно“⁴.

Служебныя неудачи, постигшія Суворова въ началѣ царствованія Павла I, сдѣлали тѣмъ отраднѣе для великаго полководца ми-

¹ Журн., LVI, 222. Воспоминанія объ Ал. Вас. Суворовѣ. Столыпинъ.

² Журн., IX, 33. Очеркъ характера Суворова.

³ Журн., VI, 22.

⁴ Журн., XLI, 162.

лости, посыпавшіяся послѣ удачныхъ операцій безсмертнаго альпійскаго похода. Съ чувствомъ особаго нравственнаго удовлетворенія писалъ Суворовъ 27 іюля 1799 г. графу А. К. Разумовскому: „сардинскій король пожаловалъ мнѣ дипломъ своего грандмаршала, князя и кузина“¹. Журналъ приводилъ современный переводъ королевской грамоты, которой король „установилъ“ Суворова „фельдмаршаломъ и главнымъ начальникомъ всѣхъ сухопутныхъ войскъ своихъ и вельможею его наслѣдственной короны, съ титуломъ и преимуществами принца, брата королевскаго, распространяя сіе на все мужское потомство старшему изъ его фамилій во вѣки вѣковъ, желая чрезъ то присоединить и установить сношеніе между родами его, генераль-фельдмаршала, и августѣйшаго своего дома и дать знаки своей благодарности“².

Милости коснулись и сына Суворова, который, не взирая на свои юношескіе годы, былъ назначенъ генераль-адъютантомъ Государя и отправленъ въ дѣйствующую армію къ фельдмаршалу. Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ по этому поводу послѣднему: „при отправленіи графа Аркадія Александровича въ числѣ тѣхъ свидѣтелей, ожидающихъ отъ васъ побѣдъ, почитаю долгомъ сообщить вамъ видѣнное мною. Имѣю самъ дѣтей и желаю весьма, дабы съ лѣтами найти мнѣ въ нихъ подобныя сына вашего чувства. Вчера, когда при многолѣтніи въ концѣ молебна провозгласилъ діаконъ и высокоповелительному фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому многая лѣта, сынъ вашъ, весь въ слезахъ, преисполненный радостью и въ восхищеніи, бросился къ Государю, и поцѣловалъ его руку; хотѣлъ что-то говорить, но слезы и радость помѣшали. Сіе похвальное для него и лестное для васъ выраженіе его чувствъ столь пріятно было Государю, что Онъ изволилъ передо всѣми похвалить сыновнюю его любовь, и въ кабинетѣ, когда позволено ему было ѣхать къ вамъ, сказалъ при мнѣ (я для того къ вашему сіятельству о семъ пишу, что молодой графъ можетъ быть не выслушался); вотъ Государевы слова: похваляю весьма привязанность къ отцу; поѣзжай и учись у него: лучше примѣра тебѣ дать, и въ лучшія руки отдать не могу.

Примите чистосердечное поздравленіе о первомъ успѣхѣ дѣйствій вашихъ противъ враговъ благоденствія міра. Я истинный есмь Россіянинъ, приверженный къ Особѣ Государя, моего благодѣтеля, и горжусь подвигами героя моего отечества. Благодать Господня съ Христолюбивымъ воиномъ да пребудетъ на вѣки, и да

¹ Журн., XXXVII, 145. Письма Суворова во время итальянской кампаніи.

² Журн., XLVII, 186.

расточатся врази его. Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государь, Вашъ всепокорнѣйшій слуга“, и проч. ¹.

Сынъ Суворова погибъ въ Рымникѣ, откуда идетъ и историческій афоризмъ о томъ, что рѣка, послужившая колыбелью славы для отца, явилась въ послѣдствіи могилою для сына. Внукъ великаго Суворова, князь Константинъ Аркадьевичъ Суворовъ про чувства, возбуждающіяся въ немъ при названіи Рымникъ, выразился: „въ исторіи громокъ Рымникъ славою моего дѣда, но въ душѣ моей воспоминаніе о тѣхъ лаврахъ, кои возросли на берегу его и осѣнили мое имя, ничто предъ зрѣлищемъ той гибельной гробницы, которая поглотила въ волнахъ его злополучнаго моего отца“ ².

Журналъ приводитъ еще любопытное письмо фельдмаршала графа Бутурлина о А. В. Суворовѣ, тогда еще подполковникѣ, къ его отцу В. И. Суворову. Въ письмѣ фельдмаршалъ писалъ: я не могу умолчать, по преданности моей къ вамъ, чтобъ не объявить моего удовольствія о похвальныхъ и храбрыхъ сына вашего поступкахъ противъ непріятели. Ваше Превосходительство повѣрить можете, что онъ тѣмъ у всѣхъ командировъ особливую пріобрѣлъ любовь и похвалу. Я не преминулъ Ея Императорскому Величеству Нашей Всемиловитѣйшей Государынѣ донести, что онъ себя передъ прочими въ служеніяхъ гораздо отличилъ и всемиловитѣйшаго благоволенія достойнымъ учинилъ. Итакъ, иного не остается, какъ ожидать отъ щедрости нашей монархини воздаянія за заслуги для Вашего порадованія“ ³.

Останавливается журналъ на войнахъ, которыя вела Россія, и на выдающихся сраженіяхъ.

Къ славнымъ страницамъ русской военной исторіи принадлежитъ Кагульская битва. Это—„истинно баснословное событіе, которое, случись нѣсколькими вѣками раньше, единогласно было бы отнесено въ область мифовъ; 17 тысячъ русскихъ попались между полтораста-тысячною арміею турокъ и стотысячною ордою татаръ; и что же? турки разбиты въ прахъ; татары сами разсѣялись прахомъ“ ⁴.

Бой подъ Аустерлицемъ, котораго солнце вспоминалъ Наполеонъ предъ Бородинскимъ сраженіемъ, былъ колыбелью славы гвардейской кавалеріи, и въ этомъ отношеніи журналъ сравниваетъ битву

¹ Журн., XII, 49.

² Журн., LI, 202. Извлеченіе изъ путев. запис. изъ Одессы въ Іерусалимъ и обратно кн. Конст. Арк. Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго.

³ Журн., XXI, 81.

⁴ Журн., XXVI, 101. Прогулка по Бессарабіи. Надежинъ.

подъ Аустерлицемъ съ битвою подъ Нарвою и отмѣчаетъ, что въ обоихъ сраженіяхъ отличились головные полки русской гвардіи, подъ Нарвой—пѣхотные (Преображенскій и Семеновскій), подъ Аустерлицемъ—кавалерійскіе (Конногвардейскій и Кавалергардскій); любопытно, что Нарвская битва произошла 19 ноября, а Аустерлицкая—20 ноября. Отличились подъ Аустерлицемъ кавалергардскіе офицеры и между ними будущій свѣтлѣйшій князь, а въ то время поручикъ Чернышевъ, развозившій приказанія генераль-адъютанта Уварова „подъ картечными и ружейными выстрѣлами“ и во всѣхъ атакахъ бывшій съ нимъ впереди ¹.

Раззоренный годъ отечественной войны, какъ уколъ острымъ ланцетомъ, заставилъ встрепенуться Русь. Раненый медвѣдь, съ чувствомъ ярости, всталъ на заднія лапы и открылъ свою пасть. Была борьба лютая, великая, эпическая... Въ этой борьбѣ было что-то стихійное, грозное.

И авторъ статьи „Третья достославная эпоха въ борьбѣ Александра I съ Наполеономъ 1812 г.“ справедливо пишетъ: „почти въ теченіе всей жизни слышу отъ людей, что времена чудесъ миновали; я совершенно противнаго мнѣнія; чудеса проявляются во всякое время, но ихъ не замѣчаютъ; въ 1812 г. чудеса были явственны для каждаго“ ².

Чудомъ было отвѣтное взятіе Парижа, отвѣтное за взятіе Москвы. Русский офицеръ передаетъ въ своихъ походныхъ запискахъ о 1814 г. въ такихъ выраженіяхъ настроеніе тогдашняго русскаго общества „что сказали бы вы, почтенные Капеты, вы, основатели французскаго царства, и ты, Генрихъ, отецъ своего народа, и ты, великолѣпный Людовикъ XIV? какое чувство проявили бы вы, Сюлли, Кольберты, Тюрени, Расины и Вольтеры, подпора и слава отечества своего? что рекли бы вы, когда, страхнувъ съ себя сонъ смерти, услышали бы радостное ура славянъ на высотахъ Монмартра? прилетай, Великій Петръ, и увѣнчай улыбкою своею достойнаго твоей славы правнука!“ ³. Иначе говоря, свершилось то, что не снилось мудрецамъ.

Двѣнадцатый годъ—тяжелый годъ, годъ слезъ, смертей и испытанія. Послѣдующія коалиціонныя войны 1813—14 гг., по сравненію съ кампаніей 1812 г., „не что иное, какъ прогулка, предпринимаемая для удовольствія“ ⁴. Конечно, это уподобленіе войны 1813 г.

¹ Журн., CV, 418. Кавалергардскій полкъ подъ Аустерлицемъ.

² Журн., CXXXVII, 545.

³ Журн., IX, 36.

⁴ Журн., XIII, 52. Кн. Н. Голицынъ. Очерки военныхъ сценъ 1812—1814 г. г.

прогулкѣ—явная натяжка, допустимая только въ сравненіи. И война 1813 г. сопровождалась грозами, а громъ пушечныхъ выстрѣловъ съ полей Лейпцига и Дрездена долеталъ эхомъ до самыхъ отдаленныхъ уголковъ русскаго государства. Золотыя слова Высочайшаго приказа отъ 25 декабря 1813 г., въ годовщину изгнанія галловъ, были вѣщими словами: „воины! мужество и храбрость ваши привели васъ отъ Оки на Рейнъ“¹; для простой же прогулки, очевидно, не нужно ни мужества, ни храбрости.

Въ „письма русскаго офицера“ Глинка подробно заноситъ всю любопытную и трагическую эпопею борьбы Россіи съ Наполеономъ². Письмо отъ 10 мая 1812 г. уже предчувствуетъ надвигающуюся опасность: „Наполеонъ, разгромивъ большую часть Европы, стоитъ, какъ туча, и хмурится надъ Нѣманомъ; онъ подобенъ бурной рѣкѣ, надменной тысячею поглощенныхъ источниковъ; грудь русскихъ есть плотина, удерживающая стремленіе прорваться, и наводненіе будетъ неслыханно“. Плотина прорвалась, потокъ двенадцати языковъ, пролагая себѣ ложбину къ сердцу Россіи, сталъ течь кровавой рѣкой. Но покорялась только земля, что и отмѣчаетъ Глинка въ письмѣ отъ 16 іюля: „кажется, въ Россіи, равно какъ и въ Испаніи, будетъ онъ покорять землю, а не людей“. Шестіе вражеской арміи продолжалось, и послѣ смоленскаго боя, 8 августа, Глинка писалъ: „я видѣлъ ужаснѣйшую картину; я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска; погубленіе Лиссабона не могло быть ужаснѣе“. Наступали знаменитые бородинскіе дни, и 23 августа Глинка писалъ: „тутъ остановимся мы и будемъ сражаться! думалъ каждый, увидѣвъ издали высоты бородинскія“. Приближалась генеральная битва; въ ночь, въ „глубокую“ ночь съ 25 на 26 августа, онъ писалъ: „все безмолвствуетъ! русскіе, съ чистою безупречною совѣстью, тихо дремлютъ, облегли дымящіеся огни“. Предбородинское безмолвіе—роковое затишье предъ бурей, ибо, по словамъ Глинки въ письмѣ отъ 29 августа изъ окрестностей Москвы, „надобно имѣть кисть Микель Анджело, изобразившую страшный судъ, чтобъ осмѣлиться представить сіе ужасное побоище“.

Русскіе нашли союзника въ природѣ. Не говоря про громадность русскихъ разстояній, про тотъ океанъ земли, который, по общему выраженію Соловьева поглотилъ великую армію, нужно вспомнить морозъ, крѣпкій, трескучій морозъ. Этотъ „коренной русакъ, морозъ, выглянулъ изъ своей норы. Забавная штука!—сказалъ онъ,—всесвѣтныя побѣдители, тѣ, чьего имени все трепетало и покорялось,

¹ Журн., I, 1. Н. Гречъ. Біографія Императора Александра I.

² Журн., I, 2.

бѣгутъ отъ побѣжденныхъ ими, какъ они разглашали; семъ-ка по-привѣтствую и я съ своей стороны, поднесу имъ по одной за пиры и веселья... Сказалъ, вышелъ навстрѣчу и, не обтерши своихъ обмерзшихъ, инеемъ покрытыхъ, широкихъ и толстыхъ усовъ, почалъ чмокаться съ встрѣчными безъ разбора. Чмокъ, да чмокъ, не разбирая, кто ни есть, генералъ ли, солдатъ,—ему, какое дѣло! знай цѣлуетъ, куда и какъ на бѣгу попало, въ щеку, въ носъ, въ ухо, уже и не почитай своимъ, все морозова добыча! А захочетъ кого отъ большей любви приголубить, за руку хватить—рука окостенѣла, ногой столкнулся—нога отвалилась, а послѣднюю ласку окажетъ, обниметъ, вострепнется чужакъ, не успѣетъ иной вскрикнуть *fait froid*, захрипитъ, упалъ—и какъ не бывало“¹.

Появился также голодъ. „Очнулся отъ столѣтняго сна голодъ, горе-богатырь. Животъ ему втянуло, щеки запали, глаза вывалились, едва шевелится, отощалъ, ослабѣлъ, приподнялся и едва могъ проговорить—перекусить бы чего, со вчерашней сотни лѣтъ маковой росинки во рту не было у меня! нѣтъ-ли гдѣ позавтракать?—приподнялся и поползъ. По слѣдамъ его идутъ выморозки французскія, увернувшіяся какъ-то отъласкъ и приголубленія русака-мороза; хлѣба! хлѣба! кричатъ они на свою голову, но нѣтъ его! Впереди прошедшій голодъ устроилъ имъ знатный путь, все стѣлъ, а имъ пришлось питаться воздухомъ; голодъ хохочетъ, знай, идетъ впередъ и все пожираетъ“²...

Центральной фигурой на исторической картинѣ войны 12-го года является безспорно Бородинская битва. Это была могила славы Наполеона, залогъ будущей славы Кутузова и Барклая-де-Толли. Не даромъ пророчествовалъ митрополитъ Платонъ, что съ перенесеніемъ Наполеономъ военныхъ дѣйствій за Днѣпръ онъ проведетъ, помимо Двины и Днѣпра, третью рѣку, „рѣку крови человѣческой“³. Кровавая сѣча при Бородинѣ была страшной, грандіозной искупительной жертвой кровавому Богу войны предъ стѣнами Москвы.

„Полки пошли стѣна на стѣну,
И смертью брызнула картечь,
какъ бы на праздникъ Одеону
священно дѣйствовалъ твой мечъ.

.....
гори, Москва! пылай пожаромъ,
врагу надгробный факель будь!“⁴.

¹ Журн., XLIII, 170. 1812 годъ въ провинціи.

² Ib.

³ Журн., XXIII, 89. Бородино. Изъ очерка „Бородинское сраженіе“, Ѳ. Глинки.

⁴ Журн. XXI, 84. Якубовичъ. Старому воину.

Бородинское поле стало знаменитымъ, чуть ли не сказочнымъ полемъ Руслана.

„Поле, поле, что явило
на разсвѣтъ ты очамъ?
за день ты такое ль было?
гдѣ граница симъ тѣламъ?
будто ангелъ истребитель
Божій громъ тутъ прокатилъ!“ ¹.

И „слава Бородина угаснетъ только съ солнцемъ“ ².

Обращаясь къ участнику въ Бородинской битвѣ, поэтъ Милонъ говоритъ ³:

„участникъ въ избавленьи свѣта,
скажи, какъ въ утренній туманъ,
съ лучемъ мерцающимъ разсвѣта
враги ударили въ вашъ станъ,
какъ ты леталъ, впереди и съ тыла,
съ мечомъ, который изострила
святая къ родинѣ любовь,
такъ тихла брань, ярилась вновь,
какъ зрѣлъ ты въ мглѣ, сквозь царь кровавый,
передъ тобой побѣду съ славой,
и лица блѣдныя враговъ“.

Подробно описывается въ журналѣ памятникъ, воздвигнутый на бородинскихъ поляхъ ⁴. На восьми сторонахъ памятника сдѣланы соотвѣтствующія великому событію надписи. На одной сторонѣ помѣщенъ образъ Спасителя, съ надписью „въ немъ спасеніе“ и да-той сраженія, на второй сторонѣ значится посвященіе памятника— „благодарное отечество положившимъ животъ на полѣ чести“ и списокъ русскихъ потерь ⁵, на третьей—помѣщены фамиліи трехъ ге-роевъ: Кутузова, Барклая-де-Толли и Багратіона и численность рус-скихъ войскъ („пѣхоты 85.000, конницы 18.000, казаковъ 7.000, ополченія 10.000, орудій 640“); на четвертой—приведено изреченіе „отступили съ честію, чтобы вѣрнѣе побѣдить“ и увѣковѣченъ раз-мѣръ непріятельскихъ потерь („вторгнулось въ Россію... 554.000,

¹ Журн., XXXI, 124. Бородинскій инвалидъ. Гогіева.

² Журн., LV, 217. Эпиграфъ къ статьѣ Л.-Гв. Измайловскій и Литовскій полки въ Бородинской битвѣ.

³ Журн., XXVIII, 112.

⁴ Журн., II, 194. Историческое описаніе картины, помѣщенной въ рекреацион-ныхъ ротныхъ залахъ 1 Московскаго Кадетскаго Корпуса.

⁵ Русскихъ Убито. Ранено.
Генераловъ 3 12
Воиновъ до 15.000 30.000

возвратилось... 79.000"); на пятой—помѣщены фамилии Багратіона, Тучкова 1, Тучкова 4 и графа Кутайсова съ надписью—„умерли за отечество полководцы“ и „всѣмъ прочимъ слава“. Шестая сторона памятника посвящена вражескимъ войскамъ: „Франція, Италія, Австрія, Баварія, Вюртембергія, Саксонія, Вестфалія, Пруссія, Голландія, Испанія, Португалія, Польша, Швейцарія и Германскій союзъ, всѣхъ 20 языковъ, вывели въ строй пѣхоты—145.000, конницы 40.000, орудій 1.000“. Слѣдующая сторона перечисляетъ непріятельскую убыль¹; наконецъ, послѣдняя—ясодержитъ даты занятія непріятелемъ Москвы и вступленія Императора Александра I въ Парижъ, а также изреченіе—„властолюбіе неограниченное изумило Европу и успокоилось посреди пустынь океана“.

Откуда въ Россіи явилось столько войска для борьбы съ огромнѣйшей наполеоновской арміей? На это отвѣчалъ гр. Ростопчинъ одному французу: „у насъ въ Россіи все возможно и самымъ легкимъ образомъ—двумя словами—Государю угодно“².

И сколько героевъ родила Отечественная война! Какое богатство именъ, дорогихъ русскому сердцу, оставила она потомству! Общей характеристикѣ этихъ лицъ были посвящены многія стихотворенія, съ которыми знакомитъ Журналъ своихъ читателей.

Первое мѣсто среди пѣснопѣвцевъ 12-го года принадлежитъ Жуковскому. Въ своей „пѣсни во станѣ русскихъ воиновъ“ онъ даетъ изображенія многихъ героевъ войны³. Про Кутузова, онъ поетъ:

„герой подъ сѣдинами!
какъ юный ратникъ, вихрь и дождь,
и трудъ онъ дѣлитъ съ нами;
съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ,
ему знакомъ побѣды слѣдъ!“

Ермолова онъ характеризуетъ словами—„ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ“, Витгенштейна—„Петрополя спаситель“, Платова—„вихорь-атаманъ“, Остермана—„въ часъ битвы ратникъ смѣлый“. Коновницынъ, по его выраженію,

„примѣръ и ратнымъ, и вождамъ,
и смѣлымъ удивленье“,

	Убито.	Ранено.
¹ Генераловъ	9	30
Воиновъ	20.000	40.000

² Журн., II, 195.

³ Журн., II, 7.

а гдѣ Милорадовичъ

...„промчался съ бранью,
тамъ, мнится, смерть сама прошла
съ губительною дланью“.

Маститый Бенигсенъ получаетъ эпитетъ Нестора, вождя и мужа со-
вѣта. Не забыты и партизаны. Про неутомимость Фигнера онъ поетъ:

„какъ тѣнь прокрался вокругъ шатровъ,
все зрѣли быстры очи,
и станъ еще въ глубокомъ снѣ,
день свѣтлый не проглянулъ,
а онъ ужъ, витязь, на конѣ!“

а про Сеславина, что, гдѣ онъ

...„ни пролетитъ
съ крылатыми полками,
тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
и устланъ путь врагами“.

Первый герой Отечественной войны—Кутузовъ. Подробности его жизни передаетъ Журналъ особенно часто. Затрагивается даже вопросъ о томъ, какія минуты были особо „счастливыми“ въ жизни этого „великаго мужа“¹. Такихъ „минутъ“ Журналъ насчитываетъ шесть: первая—та, когда Кутузовъ, раненый въ голову пулею на вылетъ, узналъ о Высочайшемъ повелѣніи Императрицы Екатерины II запретить на цѣлый годъ барабанный бой тамъ, гдѣ онъ будетъ находиться при войскахъ; вторая—при назначеніи Суворовымъ Кутузова въ день взятія Очакова комендантомъ города, до его взятія; третья—при выходѣ изъ Казанскаго собора въ 1812 г. предъ отправленіемъ къ арміи, когда нѣсколько сотъ тысячъ голосовъ повторяли: спаси Россію; четвертая—при отзывѣ о немъ Наполеона, узнавшемъ о его прибытіи къ русской арміи,—„с'est donc le vieux general“; пятая—при милостивомъ полученіи въ Вильнѣ ордена св. Георгія 1 ст. при преслѣдованіи отступающихъ непріятельскихъ войскъ; наконецъ, шестая—та, когда Кутузовъ „съ рубежей Россіи“ смотрѣлъ, „какъ бѣгутъ послѣдніе остатки французской арміи“. Уваженіемъ пользовался Кутузовъ даже у непріятеля. Въ Бунцлау, гдѣ 13 мая 1813 г. „смежилъ очи“ Кутузовъ, пришлось ночевать Наполеону, котораго первымъ вопросомъ бургомистру была фраза: „есть ли памятникъ Кутузову?“; на отрицательный отвѣтъ Наполеонъ возразилъ: „я готовъ самъ поставить памятникъ въ честь генералиссимуса русскихъ войскъ“².

¹ Журн., Л, 196.

² Журн., СХХХVІІ, 547.

Закаленный въ бояхъ, прошедшій Суворовскую школу, Кутузовъ рисуется и съ другой точки зрѣнія. Это былъ добрый, отзывчивый человѣкъ. Такъ, подъ Аустерлицемъ былъ смертельно раненъ зять Кутузова, графъ Тизенгаузенъ. Кутузовъ цѣлый день оставался спокойнымъ по внѣшности, но на другой день онъ горько оплакивалъ потерю, говоря: „вчера я былъ начальникъ, а сегодня—отецъ“¹. Упоминается письмо де-Линя къ Императору Іосифу, который писалъ о Кутузовѣ при полученіи имъ раны въ голову въ турецкую войну, что у него „въ прошлую войну голова была насквозь прострѣлена пулею позади глазъ; вчера этотъ генералъ получилъ другую, подобную той рану въ голову же, пониже глазъ, и умереть сегодня или завтра“; предсказаніе оказалось черезчуръ поспѣшнымъ: чрезъ двадцать лѣтъ Кутузовъ успѣшно боролся съ Наполеономъ. Приводится фраза, съ которою Кутузовъ обратился къ Коновницину²: „ты видалъ, когда осенью вставляютъ зимнія оконныя рамы? обыкновенно между рамами попадаютъ мухи; пожужжавъ и повертятся немного, онѣ околѣваютъ; то же будетъ и съ французами, всѣ они скоро издохнутъ“.

Встрѣчаются также и анекдоты о Кутузовѣ, составляющіе неотъемлемую принадлежность каждаго историческаго лица. Послѣ взятія Дрездена Кутузовъ поручилъ Данилевскому составить всеподданнѣйшее донесеніе; Данилевскій представилъ проектъ реляціи, но Кутузовъ его забраковалъ и сказалъ: „ты написалъ оду, какъ Петровъ и Державинъ; скажи просто—повергаю ключи Дрездена къ стопамъ Вашего Величества; тутъ больше краснорѣчія, нежели въ твоей одѣ“. Въ другой разъ, когда раненый подъ Тарутинымъ Данилевскій лежалъ въ постели, его навѣстилъ Кутузовъ и, вручая ему орденъ св. Владиміра, сказалъ: „вотъ тебѣ, какъ родильницѣ, на зубокъ“³.

Наконецъ, очередь за музами, которыя тоже не оставляли безъ вниманія Кутузова. Великолѣпный языкъ Пушкина, обращаясь къ гробу Кутузова, низалъ великолѣпныя строфы⁴:

„подъ ними спитъ сей властелинъ,
сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
маститый стражъ страны державной,
смиритель всѣхъ ея враговъ,
сей остальной изъ стаи славной
екатерининскихъ орловъ“.

¹ Журн., I, 3. Чувствительность Кутузова.

² Журн., LXXXIII, 332. Гр. П. П. Коновницинъ.

³ Журн., XLI, 164. Анекдоты о Кутузовѣ.

⁴ Журн., XLV, 178.

Другой герой Отечественной войны—Витгенштейнъ, защитникъ Полоцка, воспѣвается въ „солдатской пѣснѣ про Полоцкъ“: ¹

„Витгенштейнъ—другой Суворовъ,
Полоцкъ—новый Измаилъ.
Изъ-за рововъ и изъ окоповъ
Сень-Сиръ лыжи наострилъ.

.....

Намъ вошло уже въ привычку
бить французовъ бѣглецовъ,
но что скажемъ мы про стычку
ополченія молодцовъ?
будто звѣри разъяренны,
съ грудью грудь и штыкъ съ штыкомъ,
лѣзли черезъ рвы на стѣны“.

Журналъ отмѣчаетъ скромность Витгенштейна: послѣ Клястицкаго сраженія онъ скромно выражался, что онъ надѣется въ будущемъ „что-нибудь еще сдѣлать“. А Витгенштейнъ—былъ народный герой, и въ журнальномъ его некрологѣ справедливо говорится: „могила человека великаго должна быть алтаремъ, предъ коимъ даемъ мы наши обѣты любви къ отечеству, обѣты чести народной“ ², и сраженіе при Клястицахъ есть „одно изъ превосходѣйшихъ военныхъ дѣйствій, которое дѣлаетъ величайшую честь и полководцу, и участвовавшимъ въ немъ русскимъ войскамъ, оно есть плодъ отважности, генія и храбрости примѣрной; audaces fortune juvat“ (счастье покровительствуетъ отважности) ³.

Графъ П. В. Кутузовъ, тоже сподвижникъ Александра I, былъ посланъ Государемъ въ Петербургъ послѣ лейпцигскаго сраженія. „Поѣзжай“, сказалъ ему Государь, „какъ можно скорѣе въ Петербургъ, отдай матушкѣ это письмо и доложи ей подробно о дарованной намъ Богомъ побѣдѣ“. Кутузовъ поѣхалъ и былъ милостиво встрѣченъ Государыней-матерью, пожаловавшей ему перстень съ датами лейпцигскаго сраженія. Возвратясь къ арміи, Кутузовъ снова былъ посланъ въ Россію съ вѣстью о вступленіи русскихъ въ Парижъ. На этотъ разъ его привѣтствовалъ стихами Лобановъ ⁴:

„о, вѣстникъ побѣды и подвиговъ славныхъ,
о гость вождѣнный..

.....

¹ Журн., СХХVIII, 510.

² Журн., XLIV, 175. Памяти героя гр. П. X. Витгенштейна.

³ Журн., XIV, 53. О дѣйствіяхъ корпуса графа Витгенштейна. Изъ соч. Окунева о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ при вторженіи въ Россію въ 1812 г.

⁴ Журн., LXXX, 316. Гр. П. В. Голенищевъ-Кутузовъ.

ретивые вихремъ ко граду несутся,
лишь звонъ отъ копытъ ихъ, лишь паръ отъ ноздрей,
се храбрый Кутузовъ, се вѣстникъ желанный!
въ Парижъ мы! слава Тебѣ, Александръ!“

Приводится также біографія графа К. Ѳ. Толя, который выражался ¹: „не горжусь своими походами въ Германіи, во Франціи, Турціи и Польшѣ, хотя всѣ знаютъ, что безъ меня тамъ ничего не дѣлалось важнаго, но горжусь тѣмъ, что въ двѣнадцатомъ году пользовался я неограниченною довѣренностью Кутузова“.

Упоминается и А. С. Шишковъ, авторъ Высочайшихъ манифестовъ въ Отечественную войну. Дѣятельность его въ этомъ направленіи должна вызвать благодарность потомства, и еще Пушкинъ, въ двуступишіи къ его бюсту, писалъ:

„сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа
священной памятью двѣнадцатаго года“ ².

Эти манифесты, писанные, правда, въ повышенномъ тонѣ, все же имѣли большое значеніе: они „дѣйствовали электрически на цѣлую Русь; не смотря на книжныя, иногда нѣсколько напыщенные выраженія, русское чувство, которымъ они были проникнуты, сильно отзывалось въ сердцахъ русскихъ людей“ ³.

Сообщается рѣчь, которую держалъ Наполеонъ генераль-адъютанту Балашову ⁴: „у Александра собственно три генерала—Кутузовъ, который его, Бонапарта, нисколько не беспокоитъ, потому что онъ русский, Бенигсенъ, который назадъ тому шесть лѣтъ былъ слишкомъ старъ, а теперь пришелъ въ состояніе дѣтства, Барклай, умѣющій только отступать“.

Далѣе упомянемъ князя Д. И. Лобанова-Ростовскаго. 3 мая 1812 г., изъ Вильны, Государь сообщалъ ему свои предположенія объ оборонѣ Риги и писалъ, между прочимъ: „хотя Я учился фортификаціи, однако-жъ, счелъ не бесполезнымъ еще вновь ее пройти въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, что прошу и васъ равномѣрно сдѣлать; рекомендую вамъ книгу *Traité sur la fortification, par Boomard*, какъ одну изъ лучшихъ; Я приказалъ доставить ее къ вамъ изъ Петербурга съ нарочнымъ“. Дѣятельность князя Лобанова-Ростовскаго вообще высоко цѣнилась Императоромъ Александромъ I, который въ 1822 г. предложилъ ему портфель военнаго министра. Но

¹ Журн., LXII, 245. Графъ К. Ф. Толь. Михайловскаго-Данилевскаго.

² Журн., CXXV, 497. Воспоминаніе объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ.

³ Ib.

⁴ Журн., XC, 358. Походъ Наполеона въ Россію въ 1812 г.

это предложеніе Лобановъ-Ростовскій не считалъ себя въ правѣ принять и 25 марта писалъ Государю: „привыкнуи исполнять всегда свои обязанности со всею точностію, съ душевнымъ прискорбіемъ осмѣливаюсь представить Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что, при всей готовности пожертвовать для Васъ и самую жизнь, нынѣ, отъ совершеннаго истощенія, при старости, силъ и болѣзненныхъ припадкахъ, лишень я возможности дѣйствовать съ прежнею напряженною неутомимостію, а всякое упущеніе по должности и могущее произойти отъ него справедливое нареканіе были бы для меня смертельнымъ ударомъ“¹. Приведенное письмо иллюстрируетъ съ достаточною ясностію добросовѣстность князя Лобанова и сознаніе имъ долга.

И. В. Васильчиковъ, впоследствии графъ, а затѣмъ князь, въ незабвенные дни Лейпцигской битвы содѣйствовалъ блистательнымъ образомъ славѣ нашего оружія. 5 октября Васильчиковъ повелъ кавалерійскую атаку и опрокинулъ непріятеля. По словамъ иностраннаго писателя Плото, эта блистательная атака можетъ быть причислена къ прекраснѣйшимъ подвигамъ всей кампаніи. Въ сраженіи при Ла-Ротьерѣ Васильчиковымъ была произведена, въ присутствіи Императора Александра, успѣшная кавалерійская атака 16-ю эскадронами гусаръ и 12-ю эскадронами драгунъ. Послѣ пожалованія Васильчикову графскаго достоинства, онъ выбралъ девизомъ для своего герба изреченіе—жизнь царю, честь никому. И. В. Васильчиковъ былъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и пользовался большимъ расположеніемъ Императора Александра I.

Доблестный Константинъ Бенкендорфъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ регулярныхъ генераловъ, оцѣнившихъ значеніе казаковъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, авторъ помѣщавшихся въ „Сѣверной пчелѣ“ „Писемъ изъ Персіи“ и мемуара „О казакахъ и вообще о службѣ легкихъ войскъ“², также имѣетъ въ журналѣ свою біографію. На памятникѣ, воздвигнутомъ Константину Бенкендорфу его братомъ Александромъ, краткая надпись сообщаетъ о его душевныхъ качествахъ и служебныхъ достоинствахъ: „любезному брату моему Константину; онъ былъ храбръ и возвышенъ духомъ; исполненный любви къ царю и къ отечеству, онъ окончилъ службу, кончивъ жизнь 5-го августа 1828 г., въ турецкомъ градѣ Проводахъ“³.

¹ Журн., XXIII, 90.

² Журн., CL, 600 и CLI, 601.

³ Журн., IX, 34. Фаль, имение А. X. Бенкендорфа.

Посвящаетъ журналъ нѣсколько страницъ и флигель-адъютанту Мишо. Относительно посылки Мишо къ Государю съ донесеніемъ о побѣдѣ при Тарутино, журналъ приводитъ слѣдующія любопытныя строки.

Выборъ офицера, съ кѣмъ отправить въ Петербургъ донесеніе о побѣдѣ (при Тарутинѣ), былъ уже за нѣсколько недѣль указанъ князю Кутузову самимъ Императоромъ въ слѣдующемъ рескриптѣ: „Извѣстный ревностною службою полковникъ Мишо былъ присланъ съ печальнымъ извѣстіемъ о впущеніи непріятеля въ первопрестольный градъ Москву. Грусть сего достойнаго офицера быть вручителемъ подобнаго донесенія была очевидна. Я нахожу справедливымъ, въ утѣшеніе ему, предписать вамъ прислать его съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ, послѣ его пріѣзда послѣдующимъ“. Этотъ рескриптъ проливаетъ новый лучъ свѣта на благодѣяніе Императора Александра. Видимъ Монарха, въ тяжкій часъ своего державства, при вторженіи непріятеля въ столицу, помышляющаго даже о томъ, какъ усладить участь офицера, на котораго палъ жребій возвѣститъ ему, что Москва, вѣнецъ царства русскаго, опозорена присутствіемъ ино-племенныхъ.

Изобразивъ Государю подробности тарутинскаго сраженія, Мишо просилъ позволенія доложить Его Величеству о желаніи арміи. „Что такое?“—спросилъ Государь.—„Одержанная нами побѣда“,—отвѣчалъ Мишо,—„прекрасное состояніе войскъ, оживляющій ихъ духъ, преданность ихъ къ особѣ Вашей, отсюду прибывающія къ арміи подкрѣпленія, бѣдственное положеніе Наполеона, присланныя Вашимъ Величествомъ повелѣнія затруднить ему отступленіе, словомъ, все подаетъ несомнѣнную надежду, что Наполеонъ будетъ со срамомъ изгнанъ изъ Россіи. Войска увѣрены, что настанетъ самый счастливый походъ, но знаютъ также, что всѣмъ обязаны усиліямъ Вашего Величества. Имъ извѣстно, сколь много до сихъ поръ претерпѣвала душа Ваша, и теперь просятъ единственной милости, чтобы Ваше Величество лично приняли начальство надъ арміею: присутствіе Ваше содѣлаетъ ее непобѣдимою“. Съ примѣтнымъ удовольствіемъ отвѣчалъ Государь: „Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и Я не менѣе другихъ, и если бы теперь внялъ только этому одному чувству, то сѣлъ бы съ вами въ коляску и поѣхалъ въ армію. Разсчитывая невыгодное положеніе, въ которое мы вовлекли непріятеля, отличный духъ арміи, неисчерпаемые источники Имперіи, приготовленные Мною многочисленныя запасныя войска, распоряженія, посланныя Мною въ Дунайскую армію, Я несомнѣнно увѣренъ, что

побѣда у насъ неотъемлема и что остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если Я буду при арміи, то вся слава отнесется ко Мнѣ, и что Я займу мѣсто въ исторіи. Но когда подумаю, какъ мало опытенъ Я въ военномъ искусствѣ въ сравненіи съ Наполеономъ, и что, не взирая на добрую волю Мою, Я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется драгоцѣнная кровь Моихъ дѣтей, то, не взирая на Мое самолюбіе, охотно жертвую личною славою для благополучія арміи. Пусть пожинаетъ лавры тотъ, кто болѣе Меня достоинъ ихъ. Возвратитесь къ фельдмаршалу, поздравьте его съ побѣдою и скажите ему, чтобы онъ выгналъ непріятеля изъ Россіи“. Государь награди́лъ князя Кутузова золотою шпагою, съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ, и удостоилъ его слѣдующимъ собственноручнымъ рескриптомъ: „Побѣда, одержанная Вами надъ Мюратомъ, обрадовала несказанно Меня: Я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, долженствующее имѣть за собою еще важнѣйшія послѣдствія. Слава Россіи нераздѣльна съ вашею собственною и съ спасеніемъ Европы“¹.

Этотъ же эпизодъ разсказанъ самимъ Мишо въ письмѣ на имя Данилевскаго².

Въ другой разъ А. Ф. Мишо пришлось ѣхать къ сардинскому королю. Предъ этимъ порученіемъ Государь обратился къ нему со словами: „помните ли, что говорилъ Я, когда вы привезли мнѣ извѣстіе о вступленіи Наполеона въ Москву? Теперь съ удовольствіемъ можемъ возвратиться въ ту ужасную эпоху; помню вашу скорбь при донесеніи Мнѣ объ уступкѣ Москвы и хочу вознаградить васъ за тогдашнюю печаль; поѣзжайте въ Сардинію, объявите королю, вашему Монарху, рѣшеніе Мое и союзниковъ возвратитъ ему Піемонтъ и сопровождайте его изъ Кальяри въ Туринъ“. Мишо исполнилъ лестное порученіе и получилъ отъ сардинскаго короля графское званіе съ присовокупленіемъ къ прежней фамиліи, въ ознаменованіе этого событія, званія Beauretour'a³.

Графъ В. В. Орловъ-Денисовъ—„добылъ саблею графство“: его дѣдъ былъ простымъ зауряднымъ казакомъ. В. В. Орловъ несъ сторожевую службу на Нѣманѣ предъ переходомъ французской арміи въ 1812 г., и честь первыхъ выстрѣловъ отечественной войны принадлежитъ ему; онъ также первымъ донесъ Государю извѣстіе о

¹ Журн., XXII, 88. Описаніе отечественной войны въ 1812 году. Сраженіе при Тарутинѣ.

² Журн., XLVI, 182. Письмо полковника Мишо къ А. И. Данилевскому.

³ Ib. Нѣсколько словъ о жизни и заслугахъ гр. А. Ф. Мишо-де-Боретуръ.

переходѣ непріятеля ¹. Въ концѣ 1812 года, по прибытіи Государя въ Вильну, на Орлова-Денисова выпала почетная обязанность начальника охранной стражи при особѣ Его Величества ². Особою храбростію отличились предводимые имъ казаки подъ Лейпцигомъ 4 октября 1813 года. Уже Наполеонъ поздравлялъ съ побѣдою короля саксонскаго фразою „le monde tourne encore pour nous“, но побѣду вырвали русскіе лейбъ-казаки, въ память чего, въ 1832 г., установленъ полковой праздникъ лейбъ-казаковъ въ день этой битвы. Какъ пишетъ его біографъ, Орловъ-Денисовъ, „иногда скучая бездѣйствіемъ въ Главной Квартирѣ, отправлялся, никого не предупредя, въ передовую цѣпь и взявъ съ собою двухъ-трехъ донцовъ, съ обнаженною саблею или пикою въ рукѣ, приближался къ непріятельской цѣпи, вызывалъ французовъ испытать съ нимъ силы одинъ на одинъ; натѣшась боевымъ удалствомъ, веселый и довольный, онъ возвращался въ Главную Квартирѣ, не говоря никому ни слова о своихъ наѣздахъ; но Государю все было извѣстно. Нѣсколько разъ Императоръ Александръ отечески журилъ его за рыцарскія проказы; одолеваемый страстію гарцованія, при первомъ удобномъ случаѣ, тайкомъ, ходилъ онъ рѣзаться съ ненавистными ему французами. Участникъ величайшаго, блистательнѣйшаго въ лѣтописяхъ Россіи дня вступленія Александра въ Парижъ, Орловъ-Денисовъ ѣхалъ въ самой близи Благословеннаго Монарха, не спуская съ него глазъ и свирѣпо глядя на французовъ. Когда вскорѣ потомъ велѣно было надѣть фраки и адъютанты Государя явились къ нему въ одеждѣ мирныхъ гражданъ, Александръ захохоталъ, увидя Орлова-Денисова. „Много видѣли мы чудесъ въ послѣдніе годы“, сказалъ онъ, указывая на Орлова, „но, признаюсь, ничего не видалъ я удивительнѣе, какъ нашего графа во фракѣ“. При вторичномъ путешествіи въ Парижъ, въ 1815 г., „въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сень-Дизье, подлѣ коляски Императора Александра, появился вооруженный всадникъ, на рыномъ конѣ; то былъ Орловъ-Денисовъ. „Ты зачѣмъ, графъ?“—спросилъ Государь.—Мой долгъ охранять Васъ,—отвѣчалъ Орловъ; Государь улыбнулся, а Орловъ-Денисовъ продолжалъ скакать, не отставая отъ быстрыхъ почтовыхъ коней, появляясь то справа, то слѣва дороги, сопровождаемый лейбъ-казацкимъ урядникомъ, роста исполинскаго. Наконецъ, графъ скрылся изъ виду и, обогнавъ окольнымъ путемъ Монарховъ, встрѣтилъ ихъ у первой станціи“. При перевезеніи праха Александра I изъ Таганрога въ С.-Петербургъ,

¹ Журн., LXXXI, 322. В. В. Орловъ-Денисовъ.

² Журн., LIX, 236. Графъ В. В. Орловъ-Денисовъ.

графъ Орловъ-Денисовъ былъ главнымъ распорядителемъ въ этой печальной церемоніи. Иннокентій про это обстоятельство въ жизни Орлова-Денисова, въ надгробной рѣчи сказалъ¹: „увы! суждено было еще разъ обнажиться мечу сему и блеснуть, но уже блескомъ не молніи военной, а факела надгробнаго; любимый Монархъ еще разъ потребовалъ для себя охраны и сопровожденія, охраны не отъ стрѣлъ вражескихъ, а отъ чрезмѣрности любви народной, сопровожденія не въ столицу Франціи, а въ могилу“.

Говорить объ оставленіи Москвы и о московскомъ пожарѣ, это значитъ говорить о графѣ Ѳ. В. Ростопчинѣ. Журналъ приводитъ иногда его письма, относящіеся къ этому знаменательному времени, его извѣстныя „афиши“.

6-августа 1812 г. Ростопчинъ писалъ кн. Багратіону: „ну-ка мой отецъ—генералъ по образцу и подобію Суворова; поговоримъ съ глазу на глазъ, а поговорить есть о чемъ; мнѣ все кажется, что это—дурной сонъ, но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“; чрезъ 6 дней ему же онъ писалъ, что народъ „обратитъ городъ въ пепелъ, и Наполеонъ получитъ вмѣсто добычи мѣсто, гдѣ была столица; о семъ недурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазинны хлѣба, ибо онъ найдетъ уголь и золу“².

Въ Ростопчинскихъ же „афишахъ“, составляющихъ во всякомъ случаѣ любопытный историческій памятникъ, проглядываетъ то же чувство ненависти къ французамъ. Нѣкоторые усматриваютъ въ нихъ признаки квасного патріотизма и дешеваго остроумія. Однако, эпоха, переживавшаяся тогдашней Россіей, требовала нѣсколько ходульной, приподнятой морали. И афиши имѣли огромный успѣхъ.

Въ одной изъ нихъ читаемъ:

„Слава Богу! все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно, хлѣбъ не дорожаетъ и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобы злодѣя побить,—и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять! а за насъ передъ Богомъ заступники: Божія Матерь и Московскіе Чудотворцы, передъ свѣтомъ—милосердный Государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостатами — Христолюбивое воинство. А чтобы скорѣе дѣло рѣшить, Государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно

¹ Журн., XLIV, 176. Слово, произнесенное преосвященнымъ Иннокентіемъ, епископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, при погребеніи генерала-отъ-кавалеріи графа Василія Васильевича Орлова-Денисова, въ Харьковѣ, 1843 г. января 27 дня.

² Журн., XXXVI, 143. Два письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ кн. П. Багратіону.

имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ. Они рады съ вами и жить, и умереть. Когда дѣло дѣлать — я съ вами; на войну идти—предъ вами, а отъѣхать — за вами. Не бойтесь ничего! Нашла туча, да мы ее отдуемъ. Все перемелится, мука будетъ; а берегись одного—пьяницъ да дураковъ. Они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши въ распахъ надуваютъ: иной подумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ, а его дѣло кожу драть. Общаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулить фельдмаршалство, нищимъ золотыя горы, народу свободу; а всѣхъ ловить за виски, въ тиски, да и пошлетъ на смерть. Убьютъ либо тамъ, либо тутъ. Для сего я прошу, ежели кто изъ нашихъ, или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то, и другое, то, какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да на съѣзжую. Тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣляюсь, хотя пяти пядей будь во лбу: мнѣ на то и власть дана, и Государь изволилъ приказать беречь матушку Москву; а кому же беречь мать, какъ не дѣткамъ? Ей Богу! братцы, Государь на васъ, какъ на Кремль надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не выдайте въ слово! а я вѣрный слуга Царскій, Русскій баринъ и Православный Христіанинъ. Вотъ моя и молитва: Господи Царю Небесный, продли дни благочестиваго земнаго Царя нашего; продли мужество Христолюбиваго воинства; продли вѣрность и любовь къ отечеству Православнаго Русскаго народа; направь стопы воиновъ на гибель враговъ; просвѣти и укрѣпи ихъ силою Животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиша“¹. Афиша озаглавлена „дружескимъ посланіемъ отъ главнокомандующаго въ Москвѣ къ жителямъ ея“.

Въ другой афишѣ, отъ 16 августа 1812 г. читаемъ:

„Здѣсь есть слухъ и есть люди, кои ему вѣрятъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Ежели бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы, и по нѣсколько тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. Я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ; и родню, которые при женщинахъ въ будущихъ отправились безъ возврата. Ежели по ихъ есть опасность, то непристойно; а ежели нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнию отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему: въ арміяхъ 130 тысячъ войска славнаго, 1800 пушекъ и Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ, истинно Государевъ

¹ Журн., LXVII, 267. Три прокламаціи гр. Ростопчина въ 1812 г.

избранный Воевода Русскихъ силъ и надъ всѣми начальникъ. У него сзади непріятеля Генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 35 тысячъ славнаго войска. Генералъ Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 30 тысячами пѣхоты, 3800 кавалеріи и 84 пушками пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ 3 дня придетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей военной силы, а остальные 7 тысячъ въ слѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ 14 тысячъ пѣхоты. А ежели мало этого для гибели злодѣя, тогда уже я скажу: ну дружина Московская! пойдемъ и мы! и выйдетъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію Матерь, да 150 пушекъ, и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150,000 человѣкъ, кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ что я думаю—и вамъ это объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и Государь Императоръ на дняхъ изволить прибыть въ вѣрную свою столицу. Прочитайте: понять можно все, а толковать ничего“.

Наконецъ, третья афиша, отъ 18 августа, гласила:

„По положеннымъ мною извѣстіямъ авангардъ стоитъ 13 верстъ передъ Вязьмой, главная квартира въ Вязьмѣ. Непріятель стоитъ на одномъ мѣстѣ, отрядовъ отъ него нѣтъ. Корпусъ генерала Милорадовича весь на походѣ. Авангардъ его, изъ 8000 человѣкъ составленный, пошелъ сегодня изъ Можайска къ Гжати, подъ командою Г. М. Вадковскаго. Прочія войска сего корпуса идутъ изъ Боровска и Верей. Ополченіе Тверское готово, и 13,000 человѣкъ съ кавалеріею подъ командою Генералъ-Маіора Тыртова идутъ въ Клинь. Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ прибылъ вчера въ Вязьму, Графъ Витгенштейнъ занялъ Полоцкъ и дѣйствуетъ далѣе.—Весь тотъ край очищенъ отъ проказы и французовъ нѣтъ.

Многіе изъ жителей желаютъ вооружиться, а оружія тысячъ на десять есть въ арсеналѣ, которое куплено на Макарьевской ярмаркѣ. Всякое утро желающіе могутъ покупать въ Арсеналѣ ружья, пистолеты и сабли. Цѣны тутъ означены. За это мнѣ скажутъ спасибо, а осердятся одни изъ ружейнаго ряда; на волѣ ихъ, Богъ ихъ проститъ“.

Съ особою любовью занимался журналъ біографическими свѣдѣніями о Кульневѣ, тоже героѣ отечественной войны.

На надгробной ему надписи было написано ¹: „на семь мѣстѣ палъ, увѣнчанный побѣдою, храбрый Кульневъ, какъ вѣрный сынъ

¹ Журн., ХLI, 161. Надгробная надпись Кульневу.

за любезное отечество сражаясь; славный конецъ его былъ подобенъ славной жизни; оттоманъ, сарматъ, галлъ, германецъ и шведъ зрѣли его мужество и неустрашимость на полѣ чести; стой, прохожій, кто бы ты ни былъ, гражданинъ или воинъ, и почти память его слезою". Журналъ со своей стороны высказывалъ „почтеніе" рядомъ замѣтокъ о Кульневѣ. Это былъ глубокий знатокъ военнаго быта и психологін солдата. Въ Финляндской кампаніи 1808 г. Кульневъ очень заботился о солдатахъ, и въ приказѣ 9 іюня 1808 г. онъ высказываетъ воинскую аксіому: „кормленный солдатъ лучше десяти тощихъ; предполагать маршу нельзя; пойдемъ за тридцать верстъ, а очутимся за сто". Письмомъ отъ 15 іюля 1809 г. онъ отдавалъ распоряженіе: „вести въ эскадронахъ ежедневную записку, что солдаты ѣли, какого роду было варево, а когда кашицы поспѣли, то давать повѣстку къ кашамъ, и тогда всѣ бросаютъ свою работу, о чемъ вынужденнымъ нахожусь напомнить, ибо замѣчено мною неоднократно, что одни ѣдятъ, а другіе работаютъ, а начальникъ, глядя на то равнодушно, съ сытымъ желудкомъ курить трубку, не думая о томъ, что одни стѣдятъ вдвое больше, а другимъ ничего не останется" ¹.

Въ 1812 г., подъ Клястицами, отрядъ Кульнева потерялъ нѣсколько орудій. Кульневъ сорвалъ съ себя Георгіевскій крестъ, со словами ²: „пока не отобью назадъ моихъ орудій, я не достоинъ этого ордена!" По другой версіи, это произошло не такъ: Кульневу оторвало ядромъ обѣ ноги выше колѣна; онъ сорвалъ съ себя Георгіевскій крестъ, произнесъ: „возьмите, пусть непріятель, увидя трупъ мой, почтетъ его трупомъ простаго рядового солдата и не тщеславится гибелью русскаго генерала" ³.

Всякая война родитъ героевъ. Всякая война родитъ точно также поэтовъ. Отечественная война имѣетъ такого героя, который былъ въ одно и то же время поэтомъ. Это—Денисъ Давыдовъ. По выраженію поэта, онъ—вихрь въ кровавомъ бою. Самъ про себя Давыдовъ, чувствуя свое военное призваніе, пѣлъ ⁴:

„пусть грянетъ Русь военною грозою,—
я въ этой пѣсни запѣваю!"

Это—герой 12 года, жаждавшій боя съ французами и жаловавшійся на стратегическія ошибки русскихъ въ письмѣ къ князю Ба-

¹ Журн., XV, 59. Воспоминанія о Кульневѣ въ Финляндіи.

² Журн. IV, 15. Последнія минуты Кульнева.

³ Журн., LVIII, 231. Я. П. Кульневъ.

⁴ Журн., LXXIX, 315. Генералъ-лейтенантъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

гратіону: „душа болитъ отъ всеневныхъ параллельныхъ позицій, пора видѣть, что онѣ не закрываютъ нѣдра Россіи“. Давыдовъ—пѣвецъ гусарской жизни на бездомовную, безсемейную ногу:

„нѣтъ, братцы, нѣтъ, полусолдатъ —
тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
жена, полдюжины ребятъ,
да щи, да чарка съ запеканкой!“

Мои выписки о герояхъ 12-го года становятся черезчуръ длинными. Но я не виноватъ: причина кроется въ Журналѣ, который часто отводилъ на своихъ страницахъ мѣсто этимъ героямъ. Это—благодарная память потомства, являющаяся показателемъ культурности народа и залогъ ея дальнѣйшаго процвѣтанія. Не будь этой признательности, быть можетъ, иногда слишкомъ поздней, нужно вмѣстѣ съ журналомъ повторить справедливыя слова ¹: „да забудетъ (насъ) слава, да грянетъ на насъ гнѣвъ Божій, да изгладится имя русское изъ преданій міра, и степи необозримыя да скажутъ уstraшенному путнику—здѣсь жилъ народъ неблагодарный“.

Помимо однако, именъ, ставшихъ достояніемъ исторіи и вписанныхъ большими буквами въ грессъ-бухъ русской исторіи, сколько есть еще другихъ именъ, большинство коихъ безслѣдно исчезло въ волнахъ былого, безъ какой-либо надежды когда нибудь вынырнуть; еще счастливы тѣ имена, которыя если и не сохранились въ народной памяти, то все же, набранныя самымъ мелкимъ петитомъ, разбираются чрезъ историческій, архивный микроскопъ.

Въ „анекдотическихъ запискахъ о событіяхъ въ 1812 г.“ ² встрѣчается, на примѣръ, письмо отъ виленскаго коменданта Раппа къ Эртелю, послѣ занятія Вильны непріателемъ. Въ письмѣ читаемъ: „отецъ, мать, сестра ваша, старшій братъ съ женою и тремя дѣтьми и двое другихъ вашихъ братьевъ захвачены въ плѣнъ и находятся въ Виленской крѣпости. Судьба ихъ зависитъ отъ васъ. Если вы сдадите Мозырь — они будутъ освобождены; въ противномъ случаѣ они будутъ разстрѣляны. P. S. Если вамъ угодно будетъ перемѣнить службу, то вы займете самое почетное мѣсто въ арміи моего Императора“. На послѣднее предложеніе Эртель отвѣчалъ исполненнымъ достоинства отказомъ: „за извѣщеніе ваше о родныхъ моихъ свидѣтельству благодарность; вы можете дѣлать съ плѣнными что хотите, но если намѣрены разстрѣлять невинныхъ, это не принесетъ вамъ никакой пользы, а удвоитъ только славу Эртеля“.

¹ Журн., XLIII, 171. Черты Императора Александра I. Иванчинъ-Писаревъ.

² Журн., LXXXIX, 355.

Все имена и имена. Пестрить отъ именъ, но они приходятъ, одно за другимъ, одно смѣняя другое, все увѣнчанныя нетлѣнной славой и занесенныя золотыми буквами въ списокъ „выдающихся“. М. Д. Скобелевъ, бѣлый генералъ,—кто его не знаетъ? Онъ—„герой нашего времени“, однако, и его фамилія попала въ Журналъ: тому причиною его дѣдъ, Иванъ Никитичъ Скобелевъ.

Горячи и пламены его „наставленія молодымъ новобранцамъ о томъ, какъ служить должно и о томъ, что такое служба“¹. Въ нихъ ярко свѣтятся русская душа, чуткое военное сердце, любовь къ военной службѣ, тонкое знаніе военного быта и вообще человѣческой психологіи.

Военная служба—тяжелая служба, и Скобелевъ правъ, выражаясь: „кто вступаетъ въ военную службу по расчету, чтобъ дослужиться знатнаго чина, разбогатѣть и сдѣлаться со временемъ вельможею, тотъ, торжественно говорю, никогда не будетъ у цѣли; и невозможно! по этому расчету въ первомъ же боевомъ дѣлѣ прійдется или спрятаться, или попытаться; трусь! гаркнуть товарищи; трусь! шопотомъ повторять солдаты, и довольно! заслужившій такой постыдный титулъ дѣло свое кончилъ; смѣло, пріятель, отправляйся на подножный кормъ“. Вызываетъ неудовольствіе Скобелева карьера, дѣлаемая способомъ, который на избитомъ языкѣ мелко-юмористической прессы называется—за хвостикъ тетеньки держаться, и Скобелевъ пишетъ: „искренно желаю, чтобъ извѣстное и весьма частое въ настоящій вѣкъ выраженіе бабушекъ и тетушекъ—какую славную карьеру сдѣлалъ племянничекъ, какъ счастливо втерся въ адъютанты внучекъ! не соблазнили добраго солдата, вѣрнаго слугу царя; на галопъ этотъ должно смотрѣть равнодушно; конецъ дѣло вѣнчается; кто и тихо, но безъ остановки ѣдетъ, тотъ далеко будетъ“. Частная собственность солдата должна быть неприкосновенной: „если начальникъ коснулся пылинки, солдату принадлежащей, это значитъ, что онъ святотатственною рукою поразилъ утробу службы“. Наконецъ, генералъ Скобелевъ требуетъ отъ всякаго военнослужащаго полной неприхотливости: „въ эпоху славы, въ бою съ врагомъ, за грибами не ходить и не разнюхивать, гдѣ жарко, гдѣ холодно, гдѣ сытно, гдѣ голодно, гдѣ скудно, гдѣ роскошно, но идти съ удовольствіемъ и съ доброю волею, куда позовутъ обязанности службы и исполнять ихъ свято“.

¹ Журн., VI, 22. Наставленіе генерала Скобелева молодымъ новобранцамъ о томъ, какъ служить должно и о томъ, что такое служба.

Въ другой книжкѣ Журнала ¹ помѣщено письмо Скобелева къ своему двѣнадцатилѣтнему сыну: „совѣтую не забывать, что ты не болѣе, какъ сынъ русскаго солдата и что въ родословной твоей первый, свинцомъ означенный, кружокъ вмѣщаетъ порохомъ закопченную фигуру отца твоего, который потому только не носилъ лаптей, что босикомъ бѣгать ему было легче“. Описывая Бородинское сраженіе, боевой Скобелевъ говоритъ: „какъ бы тебѣ разсказать бородинское сраженіе? сравнить, право, не съ чѣмъ: что наши Стары Сицы и р. Спаржа“, называя такъ аустерлицкую битву и р. Посарже. Далѣе онъ продолжаетъ: „мы, бывало, хвастали, что въ Швеціи перешли черезъ море по льду; большая диковина, если русскій солдатъ сдѣлаетъ то же, что дѣлаетъ и всякая ворона! нѣтъ, братъ, милости просимъ сюда, съ колдуномъ (т. е. съ Наполеономъ) поразвѣдаться; этотъ грѣховникъ такіа штуки выкидываетъ, что поневолѣ умъ за разумъ зайдетъ! не успѣешь одному французу брюхо распороть, а двое передъ тобою какъ будто изъ земли выскочили; съ утра и до глубокой ночи работали мы безъ отдыху и не сдѣлали назадъ шагу! вдоволь было и горя, и радости! не разъ сердце кровью обливалось, глядя на нашихъ храбрыхъ командировъ, какъ падали голубчики, а все впереди; досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ!“

Во всѣхъ этихъ строчкахъ чувствуется истинно боевое сердце воина. Это былъ воинъ по призванію; достаточно привести хотя бы заключительную фразу его приказа отъ 14 апрѣля 1831 г. ²: „съ такими отличнѣйшими товарищами, для пораженія враговъ отечества и трехъ оставшихся у меня пальцевъ съ избыткомъ достаточно“.

Обращаясь къ перечисленію подвиговъ отдѣльныхъ лицъ или войсковыхъ частей, нужно прежде всего замѣтить, что перечень подобныхъ подвиговъ былъ бы нескончаемымъ, если бы остановиться даже на выдающихся случаяхъ. Однако приведеніе хотя бы случайныхъ примѣровъ воинской доблести имѣетъ большое воспитательное значеніе, и въ этомъ отношеніи Журналъ, останавливая вниманіе своихъ читателей на эпизодахъ героизма, поступалъ вполне разумно.

Подвигъ рядового Архипа Осипова былъ запечатлѣнъ даже самостоятельнымъ „драматическимъ представленіемъ въ двухъ картинахъ“ ³, причемъ авторъ, между прочимъ, говоритъ: „вотъ двадцать лѣтъ, какъ на службѣ царской, вотъ двадцать лѣтъ, какъ дано мнѣ это ружье, и съ тѣхъ поръ мы неразлучны. Нѣтъ у меня ни отца,

¹ Журн., XCIV, 373.

² Журн., VII, 25. Мужество и присутствіе духа.

³ Журн., XXXIII, 129.

ни матери, безроденъ въ цѣломъ свѣтѣ, за то полюбилъ я тебя, какъ брата. Бывало, въ жаркой схваткѣ, пули, какъ пчелы жужжали вокругъ меня и смерть летала на каждомъ шагу, но я тогда не раздумывалъ о жизни, потому что любо сложить голову за родимую землю; одна думушка надрывала ретивое: кому ты достанешься, ружье мое, когда меня въ живыхъ не будетъ; такъ ли полюбить и привыкнуть къ тебѣ тотъ, кому ты достанешься, какъ полюбилъ и привыкъ къ тебѣ Архипъ Осиповъ?“ Подвигъ же Осипова заключался въ томъ, что онъ взорвалъ Михайловское укрѣпленіе, чтобы не сдаться горцамъ; въ память этого событія было установлено, чтобы на перекличкѣ 1 роты Тенгинскаго полка одинъ рядовой отзывался на фамилію Осипова—„погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи“.

Въ одномъ морскомъ сраженіи со шведами, въ 1790 г., у русскаго матроса оторвало правую руку въ то время, какъ онъ поджигалъ фитилемъ зарядъ; спокойно онъ перенесъ фитиль въ лѣвую руку со словами: „шведы думаютъ, что у русскихъ только по одной рукѣ“¹.

Во время военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 г., послѣ взятія Ахалцыха, графъ Паскевичъ спросилъ одного изъ солдатъ своего полка: „вы много потеряли, ребята?“—Еще крѣпости на двѣ станеть, Ваше Сіятельство! былъ бравый отвѣтъ. Во время же самаго боя, Паскевичъ, увидѣвъ нижняго чина, посланнаго съ приказаніемъ, спросилъ его: „что, каково тамъ?“—Жарко, Ваше Сіятельство!—„Что дѣлаютъ турки?“—Да трудно съ ними сладить, упрямятся, Ваше Сіятельство. — „Знаю, они молодцы; не поддавайтесь, ребята!“—Молодцы-то, молодцы, грѣхъ на нихъ солгать, да съ чего они бьются? вѣдь они знаютъ, что мы назадъ не попятимъ²! Подъ Варной, 16 сентября 1828 г., егеръ Чепыженко вынулъ изъ груди пулю, которой онъ былъ раненъ, зарядилъ ею свое ружье и выстрѣлилъ въ непріятеля³.

Крымская кампанія также наполнена подвигами мужества. Въ битвѣ на Кадыкойскихъ высотахъ, 13 октября 1854 г., раненый въ руку егеръ говоритъ офицеру: „позвольте мнѣ сбѣгать завязать руку, а пока не угодно ли самимъ пострѣлять изъ моего штуцера; знатно попадаетъ“⁴.—При дѣйствіи подъ Ахалцыхомъ, на позицію выѣхала

¹ Журн., II, 6, Рѣдкое присутствіе духа.

² Журн., LIII, 209. Изъ соч. Лукьяновича. Также Журн. VII, 27.

³ Журн., XLI, 164.

⁴ Журн., CXII, 445.

горная батарея съ однимъ турецкимъ орудіемъ; одинъ изъ канонировъ былъ раненъ, но онъ просилъ начальство оставить его на батарее, чтобы „посмотрѣть, какъ эта турецкая пушка будетъ стрѣлять по своимъ землякамъ“¹.—За дѣло на островѣ Радоманѣ рота присудила георгіевскій крестъ рядовому Соловьеву; но онъ отказался отъ креста; „надѣньте крестъ на другого“, просилъ онъ роту, „Богъ дастъ жизнь, такъ крестъ отъ меня не уйдетъ, онъ самъ меня същещетъ!“²—Подъ Силистріею русскія войска бросали обратно ручныя гранаты туркамъ: „такихъ подарковъ мы не принимаемъ, ловите свою чиненку, вамъ пригодится на черный день“³.

При переправѣ черезъ Дунай, 11 марта 1854 г., рядовой изъ отряда генерала Ушакова, будучи раненъ въ животъ, растѣгиваетъ мундиръ, вынимаетъ изъ раны непріятельскую пулю и, зарядивъ ею ружье, стрѣляетъ во врага со словами: „ступай, дура, назадъ!“ Въ этомъ же дѣлѣ былъ раненъ прапорщикъ Протопоповъ, причемъ пуля попала въ лѣвый глазъ и прошла насквозь въ затылокъ; Протопоповъ радостно кричитъ окружающимъ: „поздравьте меня, господа, рана вѣдь кутузовская!“. Подъ Одессой, 10 апрѣля 1854 г., ядромъ оторвало голову у одной лошади; съ присутіемъ каждому русскому юморомъ одинъ изъ нижнихъ чиновъ промолвилъ: „эхъ, братъ, видно лошадь то плохо кормилъ, спотыкаться сердечная стала“⁴. Непріятельскіе выстрѣлы стали наносить вредъ ротѣ, построившейся для разсчета; недовольный фельдфебель Щепановскій выразилъ порицаніе туркамъ: „постойте, басурманы, дайте разсчитать то кончить“⁵.

Наконецъ, упомяну о подвигѣ прапорщика Щеголева. Правда, весьма недавно, въ виду полувѣкового юбилея, повременная пресса вспомнила о Щеголевѣ, но вслѣдствіе исключительности отличія съ одной стороны и исключительности награды—съ другой, напомнимъ обстоятельства дѣла. Генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ доносилъ, что 9 апрѣля 1854 г. непріятельская эскадра бомбардировала Одессу, и при этомъ батарея прапорщика Щеголева своими сперва четырьмя орудіями, а затѣмъ двумя, удачно вела бой болѣе чѣмъ съ 350 непріятельскими орудіями. Щеголевъ за этотъ артиллерійскій подвигъ былъ произведенъ сразу въ подпоручики, поручики и штабсъ-капитаны. Наслѣдникъ Престола, впослѣдствіи Царь-Освободитель,

¹ Журн., CX, 438.

² Журн., CX, 439.

³ Журн., CX, 440.

⁴ Журн., CXI, 442. Хладнокровіе и неустрашимость.

⁵ Журн., CXV, 420. Извѣстія съ Дуная.

22 апрѣля удостоилъ Щеголева особо-милостивымъ письмомъ. „Любезный Щеголевъ. Поздравляю тебя съ славнымъ твоимъ подвигомъ и съ Царскою за него наградою. Посылаю тебѣ Высочайшій приказъ о производствѣ тебя въ подпоручики, въ поручики и въ штабсъ-капитаны, грамоту со статутомъ на Всемилоствѣйше пожалованный тебѣ орденъ св. Георгія и самый орденъ. Прилагаю при семъ же и Георгіевскій крестъ съ Моей груди; прими его, какъ подарокъ признательнаго отца почтенному сыну. Благодарю тебя за твою мужественную, стойко-уставную заслугу, благодарю тебя отъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, въ которыхъ отнынѣ имя твое будетъ произноситься съ уваженіемъ и подвигъ твой будетъ служить примѣромъ воинской доблести. Запечатываю еще въ Мой конвертъ два на имя твое письма, оба тебѣ поздравительныя и оба тебѣ благодарственные; одно отъ всего Дворянскаго полка, другое—отъ оставшихся еще въ этомъ полку однолѣтнихъ твоихъ ротныхъ совоспитанниковъ. Спасибо, голубчикъ Щеголевъ; наградишь тебя Государь—наградить тебя и Богъ. Обнимаю тебя“¹.

Каждый полководецъ долженъ быть, строго говоря, хорошимъ „писателемъ“. Конечно, эту роль съ успѣхомъ можетъ замѣнить начальникъ штаба, но во всякомъ случаѣ военные приказы должны составляться особымъ „военно-приказнымъ“ слогомъ, способнымъ сжато передать волю начальника и воодушевить войска.

Древніе полководцы были въ то же время отличными ораторами. Извѣстна, напримѣръ, фраза Силлы, увидавшего отступленіе своего войска при Орхоменѣ: „если спросятъ, гдѣ вы оставили своего полководца, отвѣчайте—при Орхоменѣ“²! Лаконизмъ древнихъ донесеній и приказовъ—общезвѣстенъ. Цезарь доносилъ римскому сенату о побѣдѣ надъ Фарнакомъ: „veni, vidi, vici“. Приведу еще рѣчи Александра Македонскаго, предъ сраженіемъ при Иссъ, и Юлія Цезаря, послѣ неудачи, испытанной его войсками при Диррахіумѣ. „Вспомните“³, говорилъ Александръ Македонскій, „ваши подвиги и удвойте самоувѣренность; вы снова идете побѣждать тѣхъ, кого побѣдили недавно. Боги намъ покровительствуютъ;—они внушили Дарію мысль оставить равнины и запереться въ ущельяхъ, гдѣ многочисленность его арміи сдѣлалась бесполезною, а наша фаланга можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать. Персы не могутъ сравняться съ нами ни силою, ни мужествомъ. Вы, Македоняне, закаленные въ трудахъ и

¹ Журн., CVIII, 429. Извѣстія съ Чернаго моря.

² Журн., LXIX, 276. Нѣсколько словъ о военномъ краснорѣчій. Лебедевъ.

³ Журн. ib.

лишеніяхъ войны, вы будете сражаться съ изнѣженными покоемъ и роскошью Персами; свободные, вы сразитесь съ рабами; греки той и другой стороны такъ же не похожи другъ на друга: находящіеся въ войскахъ Дарія продаютъ свою кровь за деньги, а товарищи Македонянъ сражаются за оскорбленное отечество; взгляните и на союзниковъ: у насъ Фракіане, Пеоны, Иллиріане, Агріане, сильнѣйшія и воинственнѣйшія племена въ Европѣ: тамъ ослабленные и женоподобные Азіатцы; наконецъ, у васъ Александръ, тамъ Дарій. Вотъ наши выгоды, еще большія общаетъ намъ успѣхъ. Теперь вы будете имѣть дѣло не съ какимъ-нибудь корпусомъ Сатраповъ, какъ при Граникѣ, но со всеми силами Персовъ, Мидянъ и народовъ Азій, предводимыхъ самимъ царемъ своимъ. Побѣда отдастъ вамъ всю Азію и благородные труды ваши достигнутъ желаннаго конца“. Цезарь же обратился къ войскамъ съ такою рѣчью: „Несчастіе, испытанное вчера, не должно устрашать васъ: прежде этой неудачи счастье послало вамъ столько побѣдъ, что надобно еще быть ему благодарнымъ. Вы покорили Италію, не проливъ капли крови; умили Испанію, защищаемую храбрыми войсками и опытными полководцами; завоевали хлѣбородныя области, счастливо переплыли море между флотами непріятельскими, и если теперь фортуна измѣняетъ вамъ, то отъ васъ зависитъ пріобрѣсти ея благосклонность дѣятельностью и мужествомъ. Приписывайте испытанную вами неудачу непостоянству жребія, но отнюдь не ошибкѣ вашего предводителя: я указалъ вамъ возможность побѣды—вы устремились на лагерь непріятельскій, овладѣли имъ, и если, по своей неосторожности, ошибкѣ, или несчастію, были разбиты, обращены въ бѣгство и упустили изъ рукъ вѣрную побѣду, то не вамъ ли и должно употребить все усилія, чтобы загладить неудачу новымъ мужествомъ. Спросите у тѣхъ, кто былъ при Герговіи, и они скажутъ, что могутъ сдѣлать постоянство и твердая воля“.

Лаконизмъ присущъ и позднѣйшимъ приказамъ. Если трибунъ Седигій, идя на вѣрную смерть, говорилъ—„вотъ куда нужно намъ идти, возвращаться же оттуда не будетъ надобности“, то точно также кратко и Суворовъ, предъ штурмомъ Измаила, выражался: „сегодня молиться, завтра учиться, послѣ завтра побѣда или смерть“. На вопросъ одного изъ полковыхъ командировъ о томъ, что ему слѣдуетъ дѣлать далѣе, графъ Остерманъ кратко отвѣчалъ: „стоять и умирать“. Генрихъ IV предъ Иврійскимъ сраженіемъ говорилъ: „я вашъ король, вы—французы, вотъ непріятель, нападёмъ!“¹. Кульневъ, при

¹ Журн., XXV, 97. Качество военного слога.

выступленіи на завоеваніе Аландскихъ острововъ въ 1809 г., объявилъ: „съ нами Богъ! я предъ вами! князь Багратіонъ за нами!“¹. Въ образецъ краткости выставляется не рѣдко письмо Императора Павла къ Суворову: „графъ Александръ Васильевичъ! спокойствіе Европы требуетъ присутствія Вашего въ Нашей арміи; пріѣзжайте къ Намъ поскорѣ!“

Военное счастье—капризное счастье. Иногда мѣткое выраженіе, удачно приноровленное къ данной минутѣ, поворачиваетъ колебавшуюся было чашу вѣсовъ, наклоняя ее въ благопріятную сторону. Но здѣсь нужно острое слово, способное ожечь своимъ жаромъ. Маршалъ Шатильонъ, видя отступленіе своего войска, вскрикиваетъ: „оставьте, оставьте ихъ, они бѣгутъ собираться вотъ у этого дерева“; онъ самъ спѣшитъ къ этому дереву, выстраиваетъ войска и выигрываетъ побѣду. Образно писалъ Кульневъ: „на маршъ быть бодрѣ и веселѣ; уныніе свойственно однѣмъ старымъ бабамъ; по прибытіи на Кутлингенъ чарка водки, каша съ мясомъ, щитъ и ложе изъ ельнику; покойная ночь!“

Остроумно поступилъ Морицъ Саксонскій предъ Лауффельдтскимъ сраженіемъ съ трупною находившихся при его войскахъ актеровъ. Съ его вѣдома, одинъ изъ актеровъ, наканунѣ сраженія, съ театральныхъ подмостковъ, произнесъ: „господа, завтра театръ закрытъ по случаю сраженія, а послѣ завтра, для торжества Вашей побѣды, мы будемъ имѣть честь представить“...

Изъ приказовъ приведу для примѣра приказы Фридриха Великаго предъ Росбахскимъ сраженіемъ, Наполеона предъ Бородинской битвой и графа Паскевича по кавказскому корпусу. Фридрихъ Великій писалъ: „друзья мои, вотъ минута, въ которую участь всего, что намъ дорого на свѣтѣ, должна рѣшиться остріемъ нашего боевого меча. Мнѣ нѣтъ ни времени, ни надобности долго говорить съ вами; вы знаете, что до сихъ поръ дружно дѣлилъ я всѣ труды, лишенія и опасности ваши, и еще сегодня готовъ погибнуть съ вами и за васъ. Я прошу только, друзья мои, заплатить мнѣ усердіемъ за усердіе и любовью за любовь. Прибавлю еще нѣсколько словъ, но это будетъ не для ободренія вашего, а знакомъ моей признательности за ваши будущіе успѣхи: съ этой минуты и до вступленія на зимнія квартиры, вся армія будетъ получать двойное жалованье. Впередъ, товарищи, деритесь молодцами и надѣйтесь только на одного Бога!“

¹ Журн., XV, 59. Воспоминаніе о Кульневѣ въ Финляндіи.

Знаменитый приказъ Наполеона, правда, отдающій большимъ самовосхваленіемъ, но, конечно, бывшій по нервамъ каждого участника великой битвы подъ стѣнами Москвы, гласилъ: „солдаты! вотъ сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда въ рукахъ вашихъ, она нужна намъ. Она доставитъ намъ изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ же, какъ вы дѣйствовали подъ Аустерлицемъ, при Фридландѣ, Витебскѣ и подъ Смоленскомъ, и позднее потомство вспомнитъ съ гордостью о вашихъ всегдашнихъ подвигахъ и скажетъ о каждомъ: и онъ былъ въ великой битвѣ подъ стѣнами Москвы!“

Наконецъ, въ приказѣ графа Паскевича-Эриванскаго, данномъ 25 іюня 1829 г. въ лагерѣ при кр. Гассанъ-Кале, было изложено: „Снова обращаю къ вамъ благодарный голосъ мой, войска закавказскія, храбрые товарищи мои. Едва переступили вы предѣлы прошлагодныхъ завоеваній, и многочисленный врагъ уже истребленъ вами. На пути нашемъ, гдѣ хребетъ Саганлугъ соединяетъ наибольшія затрудненія въ высокихъ крутизнахъ, непроходимыхъ оврагахъ, обширныхъ лѣсахъ, османы поставили двадцати-тысячное полчище и, обнеся станъ онаго укрѣпленіями, думали въ преградахъ природы приобрѣсти содѣйствіе къ пресѣченію грознаго стремленія вашего; но малая горсть изъ среды васъ, возмутивъ враговъ въ самомъ становищѣ ихъ, обманула бдительность оттоманскаго вожда, и въ отступленіи, заранѣе рассчитанномъ, пронесъ полки его на плечахъ своихъ по всему пространству лѣсистой дороги, искупила прочему воинству нашему, на другой сторонѣ, шествіе тихое и безпрепятственное; сіе воинство, совершивъ въ одну ночь 40 верстъ, совсѣмъ неожиданно, какъ грозная буря, явилось въ крылѣ непріятельскомъ.

Но и отсюда къ стану турецкому встрѣчены тѣ же препятствія, непроходимыя пропасти, крутизны, лѣса. Я зналъ, что нѣтъ естественныхъ преградъ, непреодолимыхъ для васъ, храбрые, даже многіе изъ васъ просили меня вести испытанное воинство симъ путемъ трудностей; но я не повелъ васъ онымъ, щадя кровь вашу: такъ купили бы побѣду пожертвованіемъ многихъ изъ среди васъ, а каждый изъ васъ дорогъ и по заслугамъ, отечеству принесеннымъ, и по чувству личной моей привязанности къ вамъ.

Я понесъ оруженіе ваше въ тылъ непріятелю; но едва совершили вы третью пути, вамъ встрѣтился другой врагъ, многочисленный силами, полный мщенія и ненависти къ христіанамъ. Это былъ самъ Сераксиръ, приведшій сильное воинство на помощь своимъ. При первомъ звукѣ оружія высыпали къ нему въ соединеніе изъ укрѣп-

ленного стана все конные полки турецкіе. Многочисленность враговъ васъ не изумила: вѣрно намѣченнымъ ударомъ вы однимъ разомъ раздвоили силы османскія, и конные полки отбросили къ убѣжищу ихъ, укрѣпленному стану, а на силы сераксирскія ударили еще разъ, и изъ великаго полчища сего не осталось ни единого человека на всемъ пути Саганлугскаго хребта; вы гнали его болѣе тридцати верстъ съ ужаснымъ пораженіемъ, означивъ путь безслѣднаго бѣгства Сераксира трупами убитыхъ, брошеннымъ оружіемъ, остатками разсѣяннаго имущества.

Безъ отдыха, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, понеслись вы бурнымъ потокомъ къ прежней цѣли своей, въ тылъ стану непріятельскому; хотя изнуренные быстрымъ преслѣдованіемъ, вы бодро вновь взошли на крутизну хребта и неожиданно явились врагу изумленному, еще не знавшему о пораженіи Сераксира. Въ виду непріятеля устроивъ твердые ряды, вы протекли къ нему стройною, грозною массою, и врагъ не устоялъ противъ мощной руки вашей; бросилъ станъ свой, кинулся въ овраги и лѣса, бѣжалъ безъ дорогъ и былъ вами тѣснымъ съ ужаснымъ истребленіемъ; только отдаленность, овраги, лѣса спасли его отъ совершенной гибели. Трофеей двухъ достопамятныхъ битвъ сихъ, славно исполненныхъ въ продолженіе 25 часовъ, свидѣтельствуютъ о вашемъ мужествѣ неодолимомъ: вы отняли у непріятеля всю его артиллерію, 31 орудіе, все снаряды и запасы боевые и продовольственные, 19 знаменъ, до 1,500 плѣнныхъ, и самого военачальника турецкаго Гагки-Пашу, перваго сановника по Сераксирѣ, славнаго въ Азіи и личною храбростію и военными способностями, взяли въ плѣнъ.

Столь полною побѣдою обязанъ я вамъ, и на мнѣ лежитъ священный долгъ повергнуть Всемилоствѣйшему Государю ваши безпримѣрные труды и мужество: вы истребили врага совершенно; для васъ открытъ теперь путь въ нѣдра тѣхъ странъ Азіи, гдѣ двѣ тысячи лѣтъ живетъ слава побѣдъ великаго Рима. Идите туда съ радостію, достойные войны; она, услышавъ громъ вашего оружія, станетъ вамъ во стрѣтеніе, и позднее потомство съ воспоминаніемъ римскихъ побѣдъ въ Азіи соединитъ и ваше доблестное имя“.

Къ приказамъ же можно причислить и различныя постановленія, дававшіяся войскамъ военными начальниками.

Въ 1808 г. князь Прозоровскій далъ русскимъ войскамъ наставленіе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „повсемѣстно употреблять штыки надобно только въ нужныхъ случаяхъ, ибо сей родъ оружія не можетъ служить доказательствомъ храбрости чиновниковъ,

но, напротивъ того, обнаруживаетъ, что они не хотятъ и не имѣютъ твердости выдерживать непріятельскаго огня; коль же скоро разстроено войско боемъ въ щтыки, который есть ничто иное, какъ кулачный бой, то потеряется вся столь нужная и необходимая въ войскахъ регулярныхъ механика, посредствомъ коей предводитель дѣйствуетъ всею машиною войскъ, и тогда турецкое войско будетъ имѣть всѣ выгоды на своей сторонѣ“. Конечно, съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что рукопашный бой, долженствующій по современнымъ ученіямъ тактики являться верхомъ военной премудрости, предпочитается огню. Однако, здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе, что князь Прозоровскій подразумѣваетъ дѣйствіе противъ турецкой кавалеріи, и „бой съ турками никакъ не можетъ сравниться съ военными дѣйствіями противу прочихъ европейскихъ державъ“¹.

Не забыты и инвалиды, которымъ Журналъ посвящаетъ нѣсколько стихотвореній.

Въ одномъ стихотвореніи² приведена бесѣда двухъ инвалидовъ, стараго и молодого. Тема бесѣды—приснопамятный годъ отечественной войны. Въ уста старика авторъ влагаетъ, между прочимъ, такіа выраженія:

„пусть наша рать порою отступала:
узнали всѣ, какъ страшно насъ слѣдить.
Такъ мощный левъ отходитъ въ степь сначала,
чтобы сильнѣй на жертву наскочить.
Что нужды намъ, что въ память Аустерлицу
хвастливо рѣчь нашъ недругъ начерталъ?
Уже давно печальную страницу
пожаръ Москвы торжественно пожралъ“.

Далѣе старый инвалидъ приводитъ длинный перечень русскихъ военачальниковъ, запечатлѣнныхъ навсегда въ памяти потомства и на скрижаляхъ исторіи. Молодой инвалидъ на эту рѣчь держитъ отвѣтъ:

„я не назвалъ вождей родной державы,
какъ ты, старикъ, не перечту я ихъ;
живущихъ я не увеличу славы,
а мертвыхъ сонъ непробудимъ и тихъ.
И что хвалы чинамъ великой битвы?
ужели кровь мы льемъ для суеты?
но нужны всѣмъ сердечныя молитвы,
хоть бы калѣкъ такихъ, какъ я и ты“!

¹ Журн., СХІІ, 448. Наставленіе войскамъ, данное генералъ-фельдмаршаломъ Прозоровскимъ 19 августа 1808 г.

² Журн., XXV, 99. Инвалиды. Ширковъ.

Въ другомъ стихотвореніи приведена пѣснь инвалида про героя, въ которомъ легко разгадать Суворова:

„быль русакъ, Россію нашу
всей душою онъ любилъ,
Быль солдатъ, ѣлъ щи да кашу,
русскій квасъ и водку пилъ,
на морозъ обливался,
спалъ на сѣнѣ, подъ плащемъ,
и съ артелью заливался
перелегнымъ соловьемъ,
передъ строемъ самъ молитвы
Вогородицѣ читалъ,
левъ въ сраженьѣ—послѣ битвы,
дома, пѣтухомъ кричалъ“¹.

Журналъ, представлявшій въ нѣкоторомъ родѣ оффиціозъ для военно-учебныхъ заведеній, особенно цѣненъ по отношенію къ статьямъ касавшимся этихъ учреждений. Въ статьѣ объ историческомъ развитіи военно - учебныхъ заведеній² высказывается общая мысль о значеніи военно учебныхъ заведеній въ общественно-государственной жизни Россіи. „Цѣль военно-учебныхъ заведеній“, говоритъ статья, „не состоитъ единственно въ томъ, чтобы образоватъ свѣдущихъ и достойныхъ офицеровъ для всѣхъ родовъ службы, но она клонится также и къ тому, дабы доставить вообще русскому дворянству, большая часть котораго не можетъ собственными способами образоватъ своихъ дѣтей, воспитаніе, сходное съ его рожденіемъ и съ назначеніемъ его въ обществѣ, воспитаніе, которое могло бы вкоренить въ молодыхъ людяхъ чувства чести и нравственности, познакомить ихъ съ полезнѣйшими знаніями различныхъ отраслей управленія и, такимъ образомъ, обезпечить будущность ихъ и Россіи, поселивъ въ нихъ неизмѣнную преданность къ престолу и любовь къ религіи“.

Заслуживаетъ также особаго вниманія, по своему глубокому историческому интересу, стихотворный „прологъ“, принадлежавшій перу бывшаго воспитанника 1 Кадетскаго корпуса и написанный имъ по случаю 125-лѣтія этого корпуса. Этотъ прологъ—исторія корпуса въ лицахъ.

Приведемъ его цѣликомъ.

¹ Журн. XXIV, 96. Пѣснь инвалида.

² Журн., X, 37. Военно-учебныя заведенія въ Россіи. Историческое обозрѣніе послѣдовательнаго основанія военно-учебныхъ заведеній въ Россіи отъ 1741 г. до 1838 года.

1.

Кадетъ временъ Императрицы Анны.

Вотъ мѣсто, гдѣ провелъ я молодость мою!
 Оно и то же, и не то же;
 за то ужъ многого я здѣсь не узнаю—
 и садъ, и зданія... Все, все меня моложе!
 Все это дѣло позднихъ лѣтъ,
 а я вѣдь Миниховъ кадетъ!
 Во дни Императрицы Анны,
 изъ дальнихъ русскихъ мѣстъ, изъ глуши, изъ лѣсовъ,
 подъ Царственный Ея покровъ,
 мы вызваны во градъ Петровъ
 и водянистый, и туманный.
 Но въ немъ свѣтилъ науки свѣтъ,
 и слава Миниха свѣтила:
 его то мудрость заложила
 гнѣздо орлиное кадетъ!
 И здѣсь птенцы орла Россійскаго мужали
 и вышли рыцарями въ свѣтъ.
 Со мной росли и расцвѣтали:
 Рѣпиняъ, Голицынъ, Левашовъ,
 Прозоровскій и Долгоруковъ,
 чья слава отлилась на внуковъ,
 Васильчиковъ и Колычевъ,
 и Новосильцевъ, и Бахметьевъ
 и отрасль славныхъ—Шереметьевъ,
 еще Скавронскій, Палень, Берхъ,
 а Минихъ былъ свѣтидомъ всѣхъ...
 — Учили насъ молиться Богу.
 служить, прямить, любить Царя
 и праведно стоять,—по совѣсти и долгу,—
 за тронъ и святость Алтаря!..
 Мы рыцарству отъ юности учились
 и, возмужавъ въ годахъ,
 съ татаринномъ и туркомъ бились
 и пѣшими, и на коняхъ,
 въ степныхъ, безводныхъ пустыряхъ...

2.

Кадетъ временъ Императрицы Елисаветы.

И вотъ за царствованьемъ Анны
 застало и другое насъ.
 Сидѣли смирно Отоманы,
 огонь на югъ пріугасъ...

Но на другихъ поляхъ, стратегикъ полномочный,—
 великій въ вѣкъ человѣкъ,—
 межъ крѣпостей и прусскихъ рѣкъ,
 поставя станъ свой средоточный,
 стоялъ и, горстію руки,
 бросалъ во всѣ концы кипучіе полки:
 то былъ Король,—самъ Фридерикъ Великій! — ¹
 Но Русскіе, перекрестясь,
 пошли бороться и съ Великимъ
 и поборолись!.. и, смирясь,
 Не стали чуждые звать край нашъ полудикимъ..
 Въ тѣхъ битвахъ изъ кадетъ сражался не одинъ:
 Румянцевъ самъ расцвѣлъ подъ славой тѣхъ годинъ
 и намъ, ведя насъ въ Русь, заслуженная слава
 дала трубу свою съ словами: „за Берлинъ!“ ²
 А тамъ громадная Россійская держава,
 кругомъ полсвѣта очертя,
 въ тѣ свѣтлаго покоя лѣты,
 на царственныхъ рукахъ Елисаветы,
 дремала въ мирѣ, какъ дитя..
 И Корпусъ нашъ расцвѣлъ въ тѣ дни союзовъ:
 я знаменитости провидѣлъ ужъ зерно
 въ товарищѣ моемъ Мелиснѣ,
 и разумомъ сіялъ у насъ Иванъ Кутузовъ. ³
 (Обращаясь къ другимъ).
 А вы?

3.

Кадетъ времянь Императрицы Екатерины II.

Мы выросли въ Екатерининъ вѣкъ,
 когда весь русскій человѣкъ,
 въ красѣ своей природы, развернулся.
 И югъ, и сѣверъ ужаснулся,
 слышавъ громъ побѣдъ на сушѣ и моряхъ!..
 Дружила слава намъ въ бояхъ,
 и, подъ зарей побѣдныхъ глянцовъ,
 водилъ полки свои Румянцовъ,
 тогдашній изумля свѣтъ,
 и... Корпусъ, радуйся!—И онъ былъ твой кадетъ!..
 Тогда на Русь бросалось много взоровъ
 завистливыхъ... Но вотъ, за нимъ, явился самъ,

¹ На говорящей корпусной стѣнѣ была начертана вкратцѣ Фридрихова тактика, на которой, позднѣе, Жомини основалъ свои правила военной науки.

Примѣч. журнала.

² Въ полкахъ еще имѣются трубы съ надписью „За взятіе Берлина“.

Примѣч. журнала.

³ Адмиралъ Иванъ Логиновичъ Г. Кутузовъ (воспитаникъ 1-го Кадетскаго Корпуса), былъ Президентомъ Адмиралтейской Коллегіи и погребенъ по Высочайшему повелѣнію, со всѣми почестями по рангу Генералъ-Адмирала.

Примѣч. журнала.

На честь своимъ, на страхъ врагамъ,
монументальный нашъ Суворовъ!
Такъ, столько славнаго сбылося въ вѣкъ томъ,
что былъ готовъ почестъ историкъ небылицей:
за то и чудился тотъ вѣкъ, съ своей Царицей,
какимъ то баснословнымъ сномъ:
она, вода на Отомановъ
и русскій мечъ и русскій крестъ,
владычествомъ—до океановъ,
а славой—возросла до звѣздъ! ¹

И новая Семирамида,
возвысила предъ свѣтомъ насъ:
намъ покорилася Таврида
и поклонился намъ Кавказъ!
И этотъ вѣкъ—былъ вѣкомъ золотымъ
и для меня, тогдашняго кадета:
наукамъ и трудамъ святымъ
тутъ посвятилъ свои я розовыя лѣта!

Тутъ развился мой смыслъ, тутъ оперился умъ,
И сердце расцвѣло въ саду волшебныхъ думъ.
Намъ чужды были тутъ тогдашнее движеніе,
жизнь общества, страстей его волненіе;
до насъ не доходилъ изъ за стѣны ихъ шумъ!
За то у насъ и стѣны говорили: ²

на нихъ историкъ и мудрецъ
добру и разуму въ прогулкахъ насъ учили..
Но лучше всѣхъ училъ нашъ общій всѣхъ отецъ,
нашъ Ангальтъ дивный, незабвенный,
Слова его—на памяти сердецъ!—
„Ко мнѣ, моя семья!“—кричалъ сей мужъ почтенный:
и всѣ, на перерывъ,

забавы дѣтскія забывъ,
одной семьей къ отцу сбѣгались;
онъ всѣхъ ласкалъ и мы къ нему ласкались,
а онъ былъ простъ, привѣтливъ, говорливъ!
Такъ, озаренные Екатерины вѣкомъ,
мы съ дѣтскою душой шли къ людямъ—въ міръ суетъ,
не зная ни людей, ни свѣта... Но кадетъ,
по сердцу и уму былъ полнымъ человѣкомъ!..

Сначала страненъ намъ казался свѣтъ,
и странными казались мы для свѣта;
но далѣе Ангальтовскій кадетъ
и полководцемъ былъ, и мужемъ былъ совѣта!

А драма родилась не въ Корпусѣ ль у насъ?
Гдѣ сцена для нея явилась въ первый разъ?
Не создалъ ли ее кадетъ нашъ Сумароковъ,

¹ Два латинскихъ стиха въ привѣтствіи Станислава Короля Польскаго—Екатеринѣ. *Примѣч. журнала.*

² Извѣстно, что въ Корпусѣ вся садовая стѣна была покрыта изображеніями и выписками изъ лучшихъ авторовъ и называлась говорящею. *Примѣч. журнала.*

театра русскаго творецъ,
и прозванъ онъ за то „бичемъ пороковъ!“¹

А эпопеи русской кто отецъ?
Херасковъ въ Корпусъ былъ нашимъ семьяниномъ
и вышелъ въ свѣтъ тогдашній—исполиномъ!

А Озеровъ? А Крюковской? Не сихъ ли стѣнъ
питомцы?.. На пути писемъ,
вездѣ встрѣчали ихъ рукоплесканья громки.

(къ другимъ)

А вы, что скажете, кадетъ бывшихъ потомки?

4.

Кадетъ времянъ Императора Александра I.

А я, друзья, я тоже былъ кадетъ
при Александрѣ Благодатномъ
и вышелъ я, когда весь свѣтъ
кипѣлъ въ какомъ то зноѣ ратномъ..
Народы сдвинулися съ мѣстъ
и потекли кипучей лавой;
Россія приняла свой крестъ
и понесла его со славой..
— „Сдавайся!“ Западъ намъ кричалъ,
и двадцать шли на насъ народовъ,
но голосъ предковъ прозвучалъ
изъ древнихъ замогильныхъ сводовъ,
и Вѣра съ кличемъ пронеслась:
„Нѣтъ, Западъ, не кичись!.. Россія, не сдавайся!“
И Русь святая не сдалась!

Она во весь свой ростъ на подвигъ поднялась:
вездѣ сверкалъ топоръ, да пика,
и всякъ,—отъ мала до велика,—
пошелъ отстаивать дома.

И вель полки на встрѣчу полусвѣта—
порадуйтесь, кто вель! Онъ другомъ былъ кадета—
тотъ геній битвъ, тотъ мужъ высокаго ума,
онъ нашъ,—великій вождь Кутузовъ!!

Москва себя на жертву принесла,
но слѣдъ и трупъ Европы и Французовъ
московская зима снѣгами занесла..
И пѣла намъ во дни торжественнаго мира
про славную войну поэтовъ русскихъ лира.

1.

Святая то была у насъ война!
И ты,—и ты увѣдала смятенье.
О, русский край! О, милая страна!
И намъ, и намъ грозило покоренье!

¹ Федоръ Эминъ и другіе писатели Сумароковскаго времени называли его „бичемъ пороковъ“.

Прилѣгч. журнала.

2.

Враги, какъ буря, къ намъ войной,
и слѣдъ ихъ былъ—пожаръ и степи;
для насъ звучали рабства цѣпи,
и врагъ ругался надъ Москвой!..

Но стали русскіе стѣной
И отстояли тронъ и царство!"¹

5.

Кадетъ временъ Императора Николая I.

(Въ это время транспарантъ подымается и зрителямъ открывается бюстъ Императора Николая I-го).

И мы стояли за Россію!
Не преклонялъ предъ рокомъ выю
нашъ самобытный Николай!

Потомство оцѣнитъ дѣла...
Одинъ подъ солнцемъ Православный
сказалъ Онъ громко: „съ нами Богъ!“
и „Венгрія у Вашихъ ногъ!“

писалъ къ Нему фельдмаршалъ славный...
А сколько-жъ передъ тѣмъ побѣдъ
Его Россія совершила?!..

И Онъ, могучій нашъ, любилъ... любилъ кадетъ
и далъ имъ брата Михаила.

(Въ это время транспарантъ подымается и зрителямъ открывается бюстъ Великаго Князя Михаила Павловича).

А тотъ отцемъ намъ незабвеннымъ сталъ;
берегъ нашъ умъ, нашъ возрастъ дѣтскій,
устроилъ мудро быть кадетскій
и мужа разума въ наставники намъ далъ:
по имени мы здѣсь его не называемъ,
но цѣнимъ, чувствуемъ и знаемъ,
чѣмъ Корпусъ нашъ, его заботой сталъ!..

(Обращаясь къ бюсту Михаила Павловича).

А ты, нашъ Михаилъ, помощникъ вѣрный Брата—
самъ лучший былъ солдатъ, и такъ любилъ солдата,
что, по солдатски, разъ сказалъ поэтъ,—
Тожъ бывшій, какъ и мы, кадетъ:

„Онъ съ солдатомъ на распашку,
„не лежи лишь на боку,
„и готовъ отдать рубашку
„сослуживцу бѣдняку!“
Таковъ Онъ былъ!

6.

Но Онъ не видѣлъ дней кровавыхъ
(а какъ могъ быть пригоденъ Онъ!)
когда Отечество со всѣхъ сторонъ

¹ На слова этого патріотическаго гимна знаменитый нашъ г. Мауеръ сдѣлалъ превосходную музыку.

Примѣч. журнала.

заслышало грозу облавы
и разомъ, съ моря и земли
на насъ текли полки, летѣли корабли!
И мы, на бой готовясь правый,
увидѣли въ сплошномъ пожарѣ вдругъ—
и съверъ пасмурный, и нашъ прелестный югъ!
Тамъ, гдѣ синюю волною,
плещетъ море межъ громадъ;
гдѣ, подъ южною луною,
спѣетъ южный виноградъ;
гдѣ цвѣтетъ чинаръ и тополь,
гдѣ фосфоръ горитъ въ волнахъ,—
тамъ стоялъ нашъ Севастополь
у Тавриды на часахъ...
Вдругъ подвинуло войною,
за ударомъ шелъ ударъ
и, за дымной пеленою,
всталъ невиданный пожаръ...
И чугуннымъ градомъ бомбы
понеслись на бойцовъ!

Изъ погреба и катакомбы
спрятавъ женъ и стариковъ,
на стѣнахъ—стѣной стояли
(вѣря въ Бога и штыки)
наши русскіе полки,
вѣрой русскою согрѣты...
Туда рвались изъ Корпуса кадеты
и тѣ, кому судьбой дано,
по голосу Царя, отъ прелестей столицы,
спѣшили на Дунай, дрались у Олтеницы
съ кадетами былыми за одно;
и было на душѣ у всѣхъ—одно:
„стоять и умирать!“ и многіе почили
завиднымъ сномъ... Но здѣсь ихъ не забыли:
почившихъ съ честію, у славы на рукахъ,
сіяютъ имена на мраморныхъ доскахъ!..

7.

Кадетъ настоящаго времени.

(Въ это время поднимаются два остальные транспаранта и открывается на сценѣ бюстъ Императора Александра II).

Но стихнула гроза.. Опять Россія въ мирѣ
и вся, семей, стѣснилась при отцѣ:
надежды лучъ сквозить въ порфирѣ—
и милости алмазъ горитъ въ его вѣнцѣ!

(Къ товарищамъ)

И мы,

(указывая на бюстъ Императора)

къ нему усердіемъ свѣтлѣя,

безъ словъ здѣсь можемъ ли стоять
 въ сей день заветный юбилей,
 когда ужъ лѣтъ прошло сто двадцать пять
 съ тѣхъ поръ, какъ первые вошли сюда кадеты?
 нѣтъ!—Александровой щедротою согрѣты,
 должны и мы ему обѣтъ священный дать
 и получить его благословенье...

(Подходъ къ бюсту).

Монархъ! Благослови младое поколѣнье,
 на дѣло жизни, въ свѣтъ идти
 и нравы добрые, и здравое ученье
 въ Твою Россію пронести!..
 Да каждый, кто кадетъ, и въ тревоженнѣхъ вѣка,
 самоотверженно, безъ страха и упрека,
 христіанина-человѣка
 хранить достоинство вездѣ!..
 Да помнѣть юноши вождей своихъ совѣты —
 да будутъ всѣ Твои кадеты
 безстрашны на бояхъ и честны на судѣ!
 Да съ прямизною пирамиды,¹
 держась одною прямизной,
 не покривлять вѣсовъ Омеиды
 ни брату, ни сестрѣ родной
 и, не поддавшись ни золоту, ни лести,
 не выступить изъ рамокъ чести!..
 Такъ чувствовать и жить, Монархъ, есть нашъ обѣтъ!

Въ числѣ матеріаловъ по исторіи 1 кадетскаго корпуса помѣщена, между прочимъ, въ журналѣ нижеслѣдующая историческая справка²:

„Первая рота учиненной здѣсь въ прошедшемъ годѣ Кадетской Академіи дѣлала въ прошлый понедѣльникъ по полудни, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и всего Императорскаго Двора, въ построенномъ для конной ѣзды домѣ Его Превосходительства Оберъ-Камергера Графа фонъ Вирона, обыкновенныя военныя экзерциціи. Сіе такъ искусно отправлялось, что Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшее свое удовольствіе о томъ сими словами объявить изволила, что сей такой корпусъ есть изъ котораго Ея Величеству впредь свою армію искусными офицерами наполнить можно будетъ. Потомъ изволила Ея Императорское Величество помянутой ротѣ при семъ случаѣ изъ бѣлаго атласа сдѣланное знамя,

¹ На одной изъ стѣнъ корпусныхъ изображена была пирамида съ надписью: „держусь своею прямизной“. Покойный графъ Милорадовичъ приказалъ ее вырѣзать у себя на печати. *Примѣч. журнала.*

² Журн., LXIII, 250. Матеріалы по исторіи 1 кадетскаго корпуса.

у котораго въ срединѣ Россійскій орелъ, а по угламъ подъ коронами красныя фламы съ вензловымъ Ея Императорскаго Величества именемъ изображены, пожаловать и Всемилоостивѣйше повелѣла оное, какъ оно отъ Ея Императорскаго Величества первымъ, отъ Ея Высочества Государыни Принцессы Анны вторымъ, а отъ Его Превосходительства Генерала Фельдмаршала Графа фонъ Миниха, Шефа сего корпуса, третьимъ гвоздемъ утверждено, молодому Князю Репнину отдать, который изъ всѣхъ кадетовъ первый въ кадетскій корпусъ вступилъ. Посемъ помянутая рота, сдѣлавши еще нѣкоторыя экзерциціи, съ распущеннымъ знаменемъ и съ музыкою опять назадъ пошла, и оное знамя у Генерала Маіора барона фонъ Любераса, Унтеръ-Директора сей Академіи, поставила. Всѣхъ шляхетныхъ кадетовъ мундиръ состоитъ изъ зеленыхъ кафтановъ, съ красными обшлагами и изъ желтыхъ камзоловъ, которые у офицеровъ золотымъ позументомъ зѣло богато уложены. Шляпы у нихъ съ золотымъ позументомъ и съ бѣлыми репьями, яко съ Россійскимъ полевымъ знакомъ, а шпаги съ зелеными темляками. Полный комплектъ помянутой первой роты состоитъ нынѣ изъ 1 капитана, 1 капитанъ-поручика, 1 поручика, 1 подпоручика, 1 прапорщика, 1 фельдфебеля, 4 сержантовъ, 1 гефрейгъ-карпорала, 1 каптенармуса, 1 фурьера, 4 карпораловъ, 13 гранодеровъ изъ кадетовъ, и изъ 120 кадетовъ¹.

Приводится еще и любопытное описаніе присужденія награды воспитанникамъ Сухопутнаго Шляхетнаго кадетскаго корпуса, происходившее 17 апрѣля 1775 г.¹ Перепечатаваю его дословно.

Въ два часа пополудни собрались въ Корпусъ знатныя обою пола особы, почетное дворянство и купечество. Посѣтители, въ сопровожденіи двухъ швейцаровъ, входили въ залу, у входа которой, по сторонамъ, стояли двое часовыхъ изъ кадетъ пятаго возраста, въ гренадерской парадной формѣ. Въ четыре часа вошли въ залу члены Совѣта: Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Бецкій, Артиллерія Генералъ-Поручикъ Баронъ Иванъ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, Генералъ Поручикъ и Генералъ Директоръ Андрей Яковлевичъ Пурпуръ, а за ними, при звукахъ музыки, слѣдовали кадеты по возрастамъ², и становились въ назначенныхъ мѣстахъ, въ стройномъ порядкѣ.

¹ Журн., LXXIV, 294. Статья была составлена на основаніи современныхъ записокъ и извѣстій, помѣщенныхъ въ Сѣверной Ичелѣ.

² По высочайше утвержденному 11-го Сентября 1766 года Уставу Корпуса, Совѣтъ состоялъ изъ четырехъ особъ, опредѣляемыхъ Ея Императорскимъ Величе-

А. Я. Пурпуръ подошелъ къ столу, для раздачи наградъ мѣщанскимъ дѣтямъ ¹. Въ то самое время одинъ изъ гимназистовъ, Алединскій, вышелъ изъ рядовъ, произнесъ предъ Генералъ-Директоромъ на французскомъ языкѣ рѣчь, по окончаніи которой А. Я. Пурпуръ распечаталъ пакетъ съ опредѣленіемъ Совѣта и подалъ оное секретарю. Послѣдній, прочитавъ вслухъ этотъ актъ, выкликалъ гимназистовъ ² одного за другимъ; ихъ было восемь человѣкъ, и всѣ они получили награды изъ рукъ самого Генералъ-Директора.

Потомъ, по предварительномъ совѣщаніи съ членами совѣта, Князь А. М. Голицынъ, распечатавъ пакетъ съ опредѣленіями, подалъ одно изъ нихъ секретарю. Въ это самое время, двое благородныхъ воспитанниковъ, одинъ изъ кофейныхъ (1-го возраста), Ефимьевъ, а другой изъ голубыхъ (2-го возраста), Бехтѣевъ, приблизясь на нѣсколько шаговъ къ членамъ Совѣта, говорили, на французскомъ языкѣ, благодарственныя рѣчи, по окончаніи коихъ секретарь прочелъ означенное опредѣленіе, содержащее въ себѣ присужденіе наградъ первому и второму возрастамъ. Награды воспитанникамъ раздавалъ самъ Фельдмаршалъ, и получили оныя изъ перваго возраста восемь, а изъ втораго девятнадцать человѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ вышли на средину залы трое благородныхъ воспитанниковъ изъ третьяго возраста, и произнесли одинъ за другимъ рѣчи: Свѣчинъ на русскомъ, Арсеньевъ на французскомъ, Ушаковъ на нѣмецкомъ языкѣ. Кн. А. М. Голицынъ вручилъ секретарю второе опредѣленіе Совѣта о питомцахъ третьяго возраста. Здѣсь награды раздѣлены были на три класса, и состояли изъ математическихъ инструментовъ, книгъ и изъ разныхъ знаковъ отличія, для ношенія на кафтанахъ, чтобы удостоенные оныхъ могли всегда отличаться въ обществѣ. Десять кадетъ получили награды перваго класса, разноцвѣтными

ствомъ, Генералъ-Директора и прочихъ особъ. Въ званіи членовъ Совѣта находились: Князь А. М. Голицынъ съ Января 1775 по Сентябрь 1782 г., И. И. Бецкій съ Января 1767 по Ноябрь 1786 г., Баронъ И. И. Меллеръ-Закомельскій, впоследствии Артиллеріи Генералъ Аншефъ, съ Сентября 1772 по Ноябрь 1786 г., А. Я. Пурпуръ съ Февраля 1773 по Июнь 1784 года. (Георги въ описаніи Петербурга).—Тогда же учреждены пять возрастовъ, вмѣсто прежнихъ шести ротъ. (А. В. Висковатовъ въ Ист. 1-го Кадетскаго Корпуса).

Примѣч. журнала.

¹ Въ Октябрѣ 1772 г. состоялось Высочайше утвержденное постановленіе о приѣмѣ, чрезъ каждые три года, вмѣстѣ съ кадетами, отъ 14 до 16 мальчиковъ изъ мѣщанскихъ дѣтей, дабы образовать изъ нихъ для Корпуса способныхъ воспитателей и учителей. (Георги и А. В. Висковатовъ).

Примѣч. журнала.

² Чтобы обезпечить Корпусъ достаточнымъ числомъ способныхъ гражданскихъ чиновниковъ, въ Августѣ 1765 г., Высочайше повелѣно содержать въ немъ десять гимназическихъ воспитанниковъ (Георги и А. В. Висковатовъ). *Примѣч. журн.*

ленты: желтыя, зеленыя и красныя; тринадцати воспитанникамъ даны были знаки достоинствъ втораго класса: ленты зеленыя съ красными; третій же классъ награды, для четырнадцати учениковъ, состоялъ изъ однихъ зеленыхъ лентъ.

Но важнѣйшее вниманіе многочисленныхъ посѣтителей обращено было на послѣдній актъ распредѣленія и назначенія осями, наиболѣе отличившимся въ наукахъ и поведеніи кадетамъ ¹, золотыхъ и серебряныхъ медалей. Составленное на сей случай Совѣтомъ опредѣленіе было слѣдующаго содержаніе:

„Совѣтъ Императорскаго Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, слѣдуя изустному Ея Императорскаго Величества Всемиловитѣйшему повелѣнію, дабы изъ оставшихся отъ прежняго приѣма кадетъ достойные пользовались тѣми же преимуществами, каковыя предписаны въ уставѣ для принимаемыхъ вновь благородныхъ воспитанниковъ, и стараясь безпрестанно о истинной пользѣ врученныхъ подѣ управленіе его питомцевъ, опредѣлилъ, находящимся въ пятомъ возрастѣ кадетамъ произнести, въ силу устава главы шестой, экзаменъ, при которомъ, разбирая со вниманіемъ письменныя свидѣтельства и изъясненныя примѣчаніе, отъ Господина Цензора и словесныя одобренія отъ Господина Генералъ-Директора Корпуса, о поведеніи и нравахъ ихъ, испытывая чрезъ неоднократное собраніе успѣхи въ наукахъ, художествахъ и экзерциціяхъ, во первыхъ къ познанію Вѣры, яко въ твердомъ основаніи честнаго человѣка, потомъ въ Россійскомъ, Славянскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Италіянскомъ и Латинскомъ языкахъ, какъ въ правописаніи и переводахъ, такъ и въ разныхъ сочиненіяхъ на оныхъ, въ Философіи и Юриспруденціи, въ Ариѳметикѣ, Геометріи, Алгебрѣ, Фортификаціи, Артиллеріи, Механикѣ, Физикѣ, Химіи и Натуральной Исторіи, въ Гражданской Архитектурѣ, въ рисованіи въ миниатюрѣ, въ вокальной и инструментальной музыкѣ, фехтованіи, волтижированіи, верховой ѣздѣ и въ военныхъ экзерциціяхъ, усмотрѣлъ съ удовольствіемъ однихъ усердное раченіе, другихъ похвальныя склонности, иныхъ старательное соревнованіе, почему и признаетъ себя обязаннымъ преимуществующимъ предъ другими, какъ успѣхами въ разныхъ знаніяхъ, такъ наипаче должнымъ повиновеніемъ къ начальствамъ, миролюбіемъ, кротостію и вѣжливостію, равномерно и благодарностію, произвести въ награжденіе, а именно:

¹ Трое изъ нихъ, до раздачи медалей, произнесли рѣчи: Штапельбергъ на русскомъ, Желтухинъ на нѣмецкомъ и Ахвердовъ на французскомъ языкахъ.

Николаю Исаевичу Ахвердову, имѣющему большую серебряную медаль, дается золотая медаль средней величины, въ разсужденіе того, что золотую меньшую заслуживалъ онъ еще и въ прошломъ году; но дача оной отложена была до нынѣшняго года, въ которой онъ однакоже успѣлъ еще болѣе, а потому и вящаго удостоился награжденія.

Ивану Карловичу Штакельбергу, имѣющему также большую серебряную медаль, дается золотая медаль меньшей величины.

По сихъ двухъ господахъ кадетахъ слѣдуетъ во всемъ Алексѣй Афанасьевичъ Наумовъ; но какъ онъ имѣетъ уже серебряную медаль большой величины, и Совѣтъ въ разсужденіи весьма малаго числа кадетъ пятаго возраста, нынѣ при корпусѣ состоявшихъ, не можетъ произвестъ въ дачу третьей золотой медали, то оставляя его Господина Наумова при прежней, отдаетъ ему справедливую похвалу, какъ за хорошіе его поступки, такъ и знаніе въ наукахъ.

Петру Васильевичу Желтухину, имѣющему серебряную среднюю медаль, дается равномѣрно серебряная же большой величины.

Петру Ивановичу Вейрауху, имѣющему также среднюю серебряную медаль, дается равномѣрно серебряная же большой величины.

Алексѣю Дмитріевичу Дубровскому, имѣющему серебряную меньшую медаль, дается серебряная же средней величины.

Вновь вступающимъ: Адаму Яковлевичу Брандту, въ разсужденіи того, что еще и прошлаго года заслуживалъ онъ получить серебряную меньшую медаль, а нынѣ еще большаго удостоился награжденія, дается также серебряная медаль средней величины.

Александрѣ Алексѣевичу Барыкову дается серебряная медаль меньшей величины.

Николаю Карловичу Винклеру дается равномѣрно серебряная медаль меньшей величины.

Наконецъ Совѣтъ Императорскаго Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса, отдавая настоящую справедливость, увѣряетъ ихъ, что по достоинствамъ своимъ и впредь они должное получаютъ награжденіе, если только, для достиженія онаго, не премѣнно тщиться будутъ усугублять отъ часу болѣе прилежаніе свое ко украшенію сердца въ добродѣтеляхъ, составляющихъ прямое блаженство человѣковъ, чрезъ что самое докажутъ цѣлому обществу, что не тщетны были неуспѣшныя попеченія, о ихъ воспитаніи прилагаемая, согласно съ Высочайшею волею Ея Императорскаго Величества, Всеавгустѣйшей нашей Монархини“.

По окончаніи акта, кадеты съ ихъ родственниками, друзьями и знакомыми, при звукахъ музыки, веселились до поздняго вечера.

Среди статей, принадлежащихъ къ циклу военной старины, нужно остановиться на извлеченіи изъ сочиненія Бѣляева о русскомъ войскѣ въ царствованіе первыхъ Романовыхъ. Здѣсь приведена выдержка изъ „хитрости ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“, изданія 1647 г., гдѣ, между прочимъ, описывается вооруженіе воиновъ: „а прямому мушкетеру доведется пулькою по 8 въ фунтѣ быть, но всѣ тѣ мушкетеры угоднѣе, у которыхъ пульки по 10 на фунтѣ; плоская шпага, или сабля чтобы далѣе трехъ ступеней внизъ не висѣла; мушкетеру надобѣ же шишакъ, и также надобѣ у шишака, у наушковъ, завязки; разумнѣй же и то, какъ копѣйщику, которому двойной платежъ идетъ, копьемъ владѣть и красно угоже держать; да копѣйщику надобны полныя латы, только не очень бы тяжелы“¹; словомъ, иностранные „солдаты“ раздѣлялись въ то время на мушкетеровъ, вооруженныхъ мушкетами, и копѣйщиковъ, вооруженныхъ исключительно холоднымъ оружіемъ.

Въ другой статьѣ излагаются основанія военнаго искусства гомеровскихъ грековъ². Авторъ цитируетъ нѣсколько мѣстъ изъ Илліады. Многочисленныя фаланги грековъ,—говоритъ онъ,—приближаются; передъ каждою изъ нихъ идетъ военачальникъ; за нимъ слѣдуютъ ратники, сохраняя глубочайшее молчаніе, чтобы удобнѣе слышать его повелѣнія и тотчасъ исполнять ихъ; напротивъ того, троянцы толпятся въ станѣ своемъ, какъ стада, разсѣянные по полямъ и оглашающія окрестность своимъ блеяніемъ. „Строн такъ стѣснены—продолжаетъ авторъ—что копья поддерживаются копьями, шлемы прикасаются къ шлемамъ, щиты ударяются въ щиты; полчища эти, одѣтые желѣзомъ, двинулись впередъ; троянцы, однако же, предупреждаютъ ихъ и первые на нихъ нападаютъ. Гекторъ является впереди всѣхъ, опрокидываетъ все на пути и стремится къ палаткамъ и кораблямъ грековъ, но, достигнувъ до фалангъ аргосскихъ, онъ не въ силахъ сломить ихъ и, несмотря на всю ярость нападенія, онъ принужденъ остановиться, потому что неустрашимые греки стоятъ неподвижны и отражаютъ его ударами копій и мечей. Въ срединѣ грековъ находится Ахиллѣ; онъ повелѣваетъ имъ двинуться впередъ“. Встрѣчаются указанія на примѣненіе фортификаціонныхъ сооруженій; такъ, Несторъ говоритъ Атриду: „мы окружимъ нашъ станъ стѣнами и по угламъ поставимъ высокія башни; за этою оградой и войско, и корабли наши будутъ въ безопасности; въ стѣнахъ сдѣлаемъ мы нѣсколько воротъ для выѣзда колесницъ и окружимъ всѣ стѣны

¹ Журн., LXVII, 268.

² Журн., IV, 16. Начальныя основанія военнаго искусства изъ твореній Гомера.

широкимъ и глубокимъ рвомъ, черезъ который бы ни люди, ни лошади не могли перескочить; эти укрѣпленія обезпечать насъ отъ вылазокъ непріятеля и защитятъ нашъ станъ отъ несчастія“.

Наконецъ, какъ историческій курьезъ, журналъ приводитъ рядъ командъ, которыя долженъ былъ произнести начальникъ предъ выстрѣломъ и которыя, конечно, не могли способствовать быстротѣ огня. Вотъ эти своеобразныя команды: „слушай, ребята - молодцы! повернись бокомъ! прижми въ бочевницѣ (заряду)! открой пальцемъ корытцо (полку)! ударь по лапатницѣ (сумѣ)! вынимай берендейку съ мякотцей (вынимай патронъ)! сорви кусальцемъ берендейку (скуси патронъ)! высыпь мякотцу на корытцо (насыпь)! Виль на другу сторону (повороти ружье)! запусти мякотцу въ бухальцо (опусти зарядъ въ дуло)! вынимай дубецъ (шомполъ)! вбей крѣпко мякотцу! дубецъ на мѣсто! фурни на плечо! взводи кочетки (курокъ)! виль напередъ! дерни за кривульку! тресни вдругъ (стрѣляй)!“¹

Въ заключеніе приведу стихотвореніе „Отставной солдатъ Перфильевъ“, ярко выражающее типичныя черты прежней военной службы и дореформеннаго военного быта. Дабы стихотвореніе не потеряло своей оригинальности и своего аромата, печатаю его цѣликомъ.

Ну, послушай-ко, старуха,
да смотри не поперечь;
надо мнѣ съ тобой, Мавруха,
повести отъ сердца рѣчь.
Мы съ тобой пять лѣтъ въ отставкѣ;
я хотя маленько сѣдъ,
паведи однако справки —
много-ль отъ роду мнѣ лѣтъ?
Оказалось сорокъ восемь,
то есть съ хвостикомъ. Такъ вотъ,
если мы себя вдругъ спросимъ,
что, годимся-ль мы въ походъ?
Такъ, примѣрно. Вѣдь подковку
мы и нынче разогнемъ.
Встарь за силу и снаровку
слылъ въ полку я молодцомъ.
Самъ Великій Князь, бывало,
(Онъ солдатушекъ любилъ)
потѣшался мной не мало
и на счетъ меня шутилъ.
Разъ сказалъ онъ, разсуждая:
„Крѣпостей не нужно намъ —
вотъ у насъ стѣна живая —
такъ ли?“ — и взглянулъ къ рядамъ.

¹ Журн., LXXXII, 326. Казаки на Руси до Петра Великаго.

„Точно такъ!“ я первый грянулъ
полкъ за мной—и до сихъ поръ
помню—Князь меня оглянулъ
и съ усовъ слезу отеръ.
Говорю тебѣ я это
въ разсужденіи того,
что для насъ въ такія лѣта
даже въ розѣ жить — ничего
вѣдь не вышло бы худаго;
и смѣкаю про себя,
еслибъ я на службу снова
отпросился у тебя.
Видишь — чтожъ ты испугалась?
у меня всѣ эти дни
такъ душа растосковалась,
что хоть въ живѣ хорони.
Просто совѣсть не на мѣстѣ,
какъ пришлось услышать мнѣ,
въ Высочайшемъ Манифестѣ,
объявленіе о войнѣ.

Войны разныя бываютъ,
иногда, почто идемъ,
по начальству только знаютъ;
намъ и дѣла нѣтъ о томъ.

Нынче-жъ, развѣ что мѣдвѣдямъ
все равно что есть война;
объ и ко по сосѣдямъ,
толковни вездѣ одна,
ишь: полсвѣта на полсвѣта
поднялося — чья возьметъ?
Отъ того вишь, штука эта,
что силенъ сталъ нашъ народъ.

Гдѣ ни сунутся — Россія!
Гдѣ нюхнутъ — ахъ Русскій духъ!
„Кто жъ вы Русскіе такіе?“
спохватилися всѣ вдругъ.

Дай-ко сломимъ ваше царство,
да откинемъ за Москву!“
То есть, хуже ихъ коварства
свѣтъ не видѣлъ на яву.

Вотъ теперь и подступаетъ
къ намъ отовсюду сила ихъ—
Государь и призываетъ,
тутъ, вотъ видишь, отставныхъ:
отставной ужъ нюхалъ порохъ,
ужъ обстрѣленъ, и при томъ,
въ обхожденіи, въ разговорахъ,
не ударить въ грязь лицомъ.

Къ явкѣ, знаешь, нѣтъ приказу:
а ужъ лучше бы приказъ!
Зналъ по крайности бы сразу,
поняла бъ и ты тотчасъ.

Безъ того-жъ выходить дурно.
Ночью, чуть надремаю слегка,
снится—вотъ идетъ дежурный
и толкаеть подъ бока.

„Эй, кричитъ онъ, бьютъ тревогу!“
и вскочу я какъ шальной;
жилки всѣ дрожатъ, ей Богу,
лобъ въ поту... ну, самъ не свой,

Я и такъ, и сякъ метался—
тотъ же сонъ опять. Побрелъ,
о товарищахъ справлялся;
тотъ ушелъ и тотъ ушелъ.

И гляди-жъ, что тутъ случится:
всѣ сбегутся наконецъ
въ Петербургъ, тутъ смотръ. Явиться,
значить, надо во Дворецъ.

Государь въ лицо всѣхъ знаетъ
и, когда къ нему придутъ,
всѣхъ вѣдь вспомнитъ, обласкаетъ,
спроситъ вдругъ—Перфильевъ тутъ?

Что?—вѣдь дыбомъ встанетъ волосъ,
какъ дадутъ одинъ отвѣтъ,
такъ, во весь солдатскій голось,
разомъ хватятъ—„никакъ нѣтъ!“
Всю Россію облетаетъ
Государево словцо.

„Гдѣ жъ онъ?“ всякій тутъ залаетъ,
„какъ же онъ не на лицо?
али въ немъ пропала сила,
али, чтобы чортъ ихъ взялъ,
скажутъ—баба не пустила,
или самъ онъ бабой сталъ?“
Показать нельзя вѣдь рожи
къ добрымъ людямъ... а потомъ,
какъ къ Угодникамъ, въ храмъ Божій
я пойду съ такимъ стыдомъ?
Всю вѣдь жизнь обезобразимъ;
здѣсь ужъ чести намъ не ждать,
а помру—съ Великимъ Княземъ
встрѣчи тамъ не миновать.
„Такъ то братецъ“, скажетъ строго,
„ты домкомъ сталъ поживать
такъ забылъ свой долгъ, и Бога,
и своихъ сталъ выдавать.

И такихъ, ступай, не знаю!“
То есть какъ ни кину я,
къ одному все натрафляю,
что остаться мнѣ нельзя.

Что я? бьюсь какъ рыба объ ледъ!
придираюсь къ другимъ;
въ сердцѣ точно кошки скоблятъ,
такъ и тянетъ все къ своимъ;

ты меня, Мавруша, любишь,
но въ увѣренности будь,
не отпустишь, такъ погубишь!
Выйдетъ грѣхъ какой нибудь.

Подойди-жъ ко мнѣ. Дай ручки,
ручка въ ручку посидимъ..
Плачутъ очи—плачутъ тучки,
суждено знать плакать имъ!

Да вѣдь слушать слезъ нельзя же!
Не совѣтницы онѣ!
Я вѣдь, видишь, парень ражій:
грудь въ крестахъ, бывалъ въ огнѣ,
а поди куда какъ жутко
васъ оставитъ. Сыновья—
малы, глупы; дочь—малютка:
въ нихъ души не чаю я..

Иногда себя поймалъ—
какъ дитя шалю, старикъ..
Не разстался-бъ, понимаешь,
съ вами просто ни на мигъ.

Да нельзя! пора такая!
Руки надобны Царю.
Всякій будь на мѣстѣ, зная
каждый долгъ и честь свою.

Такъ ли? Ну и ты, Мавруша,
службу знать свою должна;
не тоскуй же, а послушай,
что скажу тебѣ, жена.

Дважды смерть не приключится,
а одной не миновать.
Такъ живи, чтобъ не страшиться
въ мигъ на судъ Господень стать,
наипаче, помни строго,
что ты, первое — есть мать.
научи дѣтей чтить Бога,
насъ, и старшихъ уважать.

Сѣчь — такъ рѣлко, да ужъ мѣтко,
а и думать не могли
поминутно, какъ сосѣдка,
имъ давать толчки, рывки.

Если я паду въ сраженьи
(я-жъ не дамся какъ дуракъ)
говори имъ въ наученье,
что отецъ молъ — такъ и такъ..

Понимаешь? Ну да будетъ
воля Божья!.. Маршъ въ походъ!..
Васъ начальство не забудетъ,
есть приказъ на этотъ счетъ.

Полно плакать! Соберись-ко,
сходимъ въ церковь.. Ну, а тутъ
и пора.. Оно не близко,
да солдата подвезутъ.

И постой, годокъ ли, два ли,
какъ въ порядокъ все войдетъ,
жизнь, безъ горя и печали,
то есть вотъ какъ потечетъ.

Выходи тогда съ поклономъ,
какъ полки пойдутъ къ домамъ
и встрѣчать, съ церковнымъ звономъ,
будутъ насъ по городамъ.

пѣсни, музыка, веселье!
Зададимъ тогда мы пиръ,
такъ что мѣсяцъ отъ похмѣлья
не почувствуется мѣръ.

Такъ ли? разсмѣялась, баба!
Ну такъ къ дѣлу жъ поскорѣй:
пироговъ пеки живѣй,
чтобъ хватило ихъ до Штаба
и казенныхъ сухарей.

Предыдущее изложеніе, при всей случайности сдѣланныхъ мною выборовъ, даетъ право заключить, что статьи военнаго содержанія переполняли журналъ, хотя и не были выдѣлены въ самостоятельный отдѣлъ. Журналъ въ полномъ смыслѣ слова могъ быть названъ военнымъ періодическимъ изданіемъ, и его редакція, почерпая печатный матеріалъ изъ различныхъ военныхъ трудовъ—иногда весьма дорогихъ и поэтому малодоступныхъ—знакомила съ этими трудами большую аудиторію; она ихъ, такъ сказать, популяризировала, пускала въ обращеніе. Стоитъ еще отмѣтить, что помимо статей военно-историческаго характера, журналъ предлагалъ кадетской любознательности злободневныя военныя извѣстія, печатая, на примѣръ, въ періодъ крымской кампаніи и кавказскихъ войнъ донесенія съ театра военныхъ дѣйствій.

II

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

Человѣкъ, знающій исторію, жилъ съ начала свѣта и обогащалъ запасъ своихъ свѣдѣній во всехъ странахъ міра.

Журн., XXI, LXXXIV, стр. 421.

Опытъ, приобретаемый нами изъ примѣровъ исторіи, есть лучшее наставленіе въ жизни, ибо мы, руководствуясь онымъ, научаемся заблаговременно судить здраво о всемъ полезномъ.

Полібій.

Значеніе исторіи. — Петръ Великій. — Екатерина Великая и ея сподвижники. — Три Августѣйшихъ внука Екатерины Великой. — Древняя Русь. — Русскіе замѣчательные люди. — Русскіе писатели. — Великіе иностранцы. — Заключеніе.

Въ большой публикѣ царитъ до сихъ поръ упорное отрицаніе громаднaго значенія исторіи въ общественномъ самопознаніи, и взглядъ на исторію, въ большинствѣ случаевъ, сводится ко взгляду на нее, какъ на хронологію, какъ на сухой перечень цифръ и мертвый рядъ именъ. Конечно, для философій исторіи, для освѣщенія какого-нибудь событія съ исторической точки зрѣнія, для историческихъ параллелей и выводовъ, для исторической критики нужно имѣть матеріалъ, т. е. тотъ мертвый грузъ, который нерѣдко идетъ за исторію. Но исторія заключается не въ одной хронологіи. Ея рамки неизмѣримо шире. Ея культурное призваніе состоитъ въ пропагандѣ патріотизма, въ пропагандѣ любви къ родинѣ и вообще къ человѣчеству, въ изслѣдованіи человѣческаго духа, остающагося неизмѣннымъ подъ разными этикетами и ярлыками, въ изученіи человѣческой природы и вѣчной борьбы новыхъ вѣяній съ тѣмъ порядкомъ, который одряхлѣлъ и подлежитъ ремонту.

И Журналъ, отводя весьма значительное мѣсто біографическимъ свѣдѣніямъ о лицахъ, прославившихъ свое имя на томъ или иномъ поприщѣ—что, замѣчу кстати, является удачнымъ педагогическимъ приѣмомъ—останавливается также и на вопросахъ общаго историческаго характера, съ изложеніемъ общихъ законовъ исторической жизни и историко-философскихъ выводовъ.

Исторія—та же общественная физика. Она имѣетъ свои законы, быть можетъ эмпирическіе, быть можетъ трудно осязаемые но все же подчиненные требованіямъ неизмѣнности, всеобщности и регулярности. Физика имѣетъ дѣло съ явленіями настоящими, съ явленіями данной минуты; исторія же—съ явленіями прошедшими. По словамъ Булгарина, „за каждымъ поколѣніемъ, исчезнувшимъ съ лица земли, время простираетъ завѣсу изъ чернаго тумана и чѣмъ болѣе

сіи поколѣнія отдаляются отъ насъ, тѣмъ мракъ становится болѣе непроницаемымъ“¹.

Исторія—не точна, она лишь правдоподобна, и законы ея по-сему трудно облакаются въ точную формулу. А во всемъ этомъ виновато само человѣчество. „Взявъ семидесятилѣтнихъ людей, мы найдемъ, что на живую всеобщую исторію отъ сотворенія міра до нынѣ понадобилось бы не болѣе ста человѣкъ. Если исторія рода человѣческаго такъ темна и неполна, такъ это зависитъ единственно отъ собственной его нерадивости, а не отъ предполагаемой ужасной отдаленности времени. Еще живы многія деревья, которыя видѣли потопъ и, можетъ быть, первый день міра“².

Исторія—волшебница, проникающая въ суть міровыхъ явленій. Извѣстное событіе случилось именно тамъ то и такъ-то по тому, что оно не могло произойти ни раньше, ни позднѣе, какъ не можетъ уклониться тѣло отъ того направленія, которое оно поневолѣ должно было избрать отъ дѣйствія всѣхъ приложенныхъ къ нему силъ. Каждое событіе имѣетъ причины, раскрытіе которыхъ лежитъ на обязанности исторіи, и выраженіе—маленькія причины большія послѣдствія—не можетъ быть признано исторической истиной. Великія міровыя событія имѣютъ глубокія причины, какъ мощные корни, залегшіе въ толщѣ прошлаго, и маловажный фактъ можетъ быть признанъ лишь за поводъ, но не за причину. Случайнаго въ исторіи нѣтъ: въ ней все обосновано и непреложно. Поэтому вполне справедливо воззрѣніе Погодина, приводимое Журналомъ, воззрѣніе на протестъ Лютера противъ католичества и на зарожденіе іезуитства, не какъ на слѣпой случай и безпричинное событіе. Вотъ, что писалъ, между прочимъ, Погодинъ³: „въ окрестностяхъ Виттенберга заспорили два монаха,—маловажное обстоятельство, но эти монахи—Лютеръ и Тецель; ихъ ссора есть начало реформации, всемірнаго происшествія, имѣвшаго безконечное вліяніе, положительное и отрицательное, на весь родъ человѣческій; въ то время, при осадѣ Пампелуны, въ продолженіе ничтожной войны за Наварру, одинъ бискайскій дворянинъ получаетъ тяжелую рану въ ногу; въ больницѣ ему не позволяютъ вставать съ постели, и онъ отъ скуки принимается читать житія святыхъ; воображеніе его воспламеняется, и онъ рѣшается слѣдовать по ихъ стопамъ и прославиться подвигами во славу церкви; это—дворянинъ Игнатій Лойола, а его рѣшеніе—зародышъ ордена іезуитовъ, который занимаетъ

¹ Журн., I, 4. Очеркъ характера Петра Великаго.

² Журн., LIII, 209. Время.

³ Журн., XVIII, 69. О всеобщей исторіи.

важное мѣсто въ лѣтописяхъ рода человѣческаго; эта рана, эта ссора—неужели это только случай?“

Исторія—судья, а потому она должна быть безпристрастной. Въ шуточномъ тонѣ глубокая истина была высказана въ отзывѣ объ авторѣ книги о Малороссіи: „только хитра писачка що зробивъ? худя дѣла сѣчи написалъ строка отъ строки пальца на два и словами величиною съ воробьевъ, а что добраго Сѣчъ сдѣлала, такъ то было писано часто и мелко, словно макомъ усѣяно“¹.

Крупная фигура великаго преобразователя Россіи, конечно, не могла не привлечь вниманія редакціи Журнала, и она удѣляетъ достаточное мѣсто на страницахъ своего органа выясненію какъ общаго значенія Петра Великаго въ историческомъ развитіи Россіи, такъ и частныхъ подробностей его жизни.

Оцѣнка общей дѣятельности перваго русскаго Императора сводится къ преклоненію предъ его геніемъ, предъ его кипучестью и работоспособностью, предъ сказочнымъ богатствомъ его дарованій. Восторженно восклицаетъ Федоръ Кони въ своей „пѣсни про Великаго Царя“²:

„два моря Онъ попралъ стопами,
мечомъ свое отмежевалъ,
и великаномъ предъ вѣками
на рубежъ полсвѣта сталъ;
и гордый западъ изумился—
ужъ мы не то, что были встарь!“

Другой поэтъ, Кукольникъ, дню кончины Петра Великаго, послѣдовавшей 28 января 1725 г., посвящаетъ цѣлый рядъ прочувствованныхъ строкъ³:

„великъ былъ день зачатія Россіи,
народнаго преображенія праздникъ!
Часть пятая всего земнаго шара
невѣжествомъ, какъ тьмою, покрывалась;
какъ глушь лѣсовъ дремучихъ, какъ пустыня
ночной порой, была страшна Россія.
Разъединенны города и села,
какъ прокаженные, не сообщались.
.....
Безъ водъ морскихъ страна—какъ безъ небесъ.
Ошибкою въ архангельскихъ туманахъ
бѣлѣлъ заблудшій парусъ корабля,
и только льдины сочныя бродили,

¹ Журн., LXXIV, 293. Андрей Васильевичъ Головатый. С. Р.

² Журн., XXXVIII, 151.

³ Журн., VII, 26.

Архангельска единственныя гости;
а рѣки русскія въ моря чужія,
безъ пользы, волны праздныя катили“.

Явился Петръ и мощною рукою измѣнилъ структуру Россіи. До-Петровская Русь обратилась въ старину, въ прошлое; Петровская Русь стала государствомъ европейскимъ. И Кукольникъ заканчиваетъ свои стихи вопросомъ:

... „исторія—шехерезада,
какимъ рѣзцомъ, безъ гнѣва и пристрастия,
на адамантовыхъ своихъ скрижаляхъ
ты вырѣжешь дѣянія Петра?“

Третій поэтъ, Розенгеймъ, влагаетъ въ уста самого Петра, между прочимъ, такое четверостишіе ¹:

„скажите жъ мнѣ, древніе сверстники міра,
кто смертный природу, какъ я, побѣдилъ
и тяжесть правленія, величье порфиры
для блага народовъ достойнѣй носилъ“?

Наконецъ, встрѣчается еще и такая строфа ²:

„пусть мнѣ въ любомъ укажутъ вѣкъ,
кто бѣ столько въ жизнь свою свершилъ
и гдѣ въ единомъ человѣкѣ
Богъ съединилъ бы столько силъ!“

Такъ выражались поэты. Ихъ стихи—истые гимны Петру Великому. Такими же слагателями гимновъ ему служатъ и авторы прозаическихъ статей.

Никитенко, въ своемъ „Похвальномъ словѣ Петру Великому, Императору и Самодержцу Всероссійскому, Отцу Отечества“, говоритъ: „не измѣряйте однимъ царствованіемъ пребыванія его на землѣ; въ его біографіи преднаписана исторія многихъ царствованій; онъ столько же геній нашей будущности, сколько геній настоящаго“. Съ мнѣніемъ Никитенки нельзя не согласиться. Однимъ изъ основныхъ законовъ исторической науки является признаніе причинности явлений, ихъ послѣдовательности; настоящее, выражаясь языкомъ высшаго анализа, является функцией прошлаго, а будущее—функцией настоящаго; сейчасъ, въ данную минуту, мы творимъ исторію, даемъ извѣстное направленіе центру тяжести общественной жизни,

¹ Журн., XV, 59.

² Журн., XXXVIII, 151. Петръ Великій.

который и пойдет именно по этому направленію болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени. Вотъ отъ продолжительности этого промежутка зависитъ оцѣнка предшествовавшаго удара. Геній даетъ могучій ударъ. Это — громовой раскатъ. Эхо его долго звенить въ воздухѣ. И теперь, въ началѣ третьяго столѣтія существованія Петербурга, до насъ долетаетъ еще вліяніе Петра. Мы все еще ведемъ петербургскій, то есть Петровскій, періодъ своей исторіи. Теофанъ Прокоповичъ мѣтко выразился ¹: „какову Онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимую, любимую и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною, страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною, славная и быти не перестанетъ“.

Восторженно отзываясь о Петрѣ Великомъ Минихъ, который характеризуетъ его въ такихъ выраженіяхъ: „сей монархъ, который не имѣлъ никакого воспитанія и который при вспоможеніи одного своего разума все дѣйствовалъ самъ собою, управлялъ весь сенатъ и коллегіи, которыя онъ часто посѣщалъ въ четыре часа послѣ полуночи, былъ отецъ и наставникъ своихъ министровъ, законодатель, наибольшій политикъ во всей Европѣ и секретарь; онъ наставлялъ своихъ генераловъ и офицеровъ, подавая самъ собою примѣръ, предводительствуя арміями къ побѣдѣ, войсками къ осадѣ; при всѣхъ сихъ качествахъ онъ былъ адмиралъ, повелѣвающій флотами, строитель военныхъ кораблей и галеръ, наилучшій инженеръ, механикъ, артиллеристъ, художникъ и ремесленникъ“ ².

Петръ Великій — европейскій Государь: помимо личнаго посѣщенія заграницы, онъ велъ переписку съ иностранными государами. Такъ, извѣщая Людовика XVI о рожденіи дочери Наталіи, Петръ, между прочимъ, просилъ его быть („помянутую нашу дочь спмъ кумовствомъ удостоить извольте“) воспріемникомъ новорожденной принцессы, дабы „дружбу вяще утвердить и во вѣкъ продолжать“ ³.

Избитое выраженіе о томъ, что и на солнцѣ есть пятна, невольно приходится повторить всякій разъ, когда рѣчь заходитъ о Петрѣ Великомъ. Мы, русскіе, любимъ заниматься самобичеваніемъ; къ русскому характеру весьма подходящими являются и гоголевскій смѣхъ сквозь слезы, и ядъ щедринаской сатиры, и величавость

¹ Журн., XXXVIII, 149.

² Журн., XXI, 81. Извѣстія фельдмаршала гр. Миниха о Ладожскомъ каналѣ.

³ Журн., XLV, 177. Обзоръ извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго, извлеченныхъ изъ разныхъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ.

кантемировской поэзіи, даже шаржъ во вкусъ Дорошевича. Мы склонны умалять достоинства своихъ великихъ людей; мы склонны признать вмѣстѣ съ Костомаровымъ особое пристрастіе, граничащее съ маніачествомъ, Петра Великаго къ морю, его стихійное къ нему стремленіе. Но нужно же, соблюдать художественную мѣру въ произнесеніи историческаго приговора надъ особыми избранниками Божиими. Нужно же при всей внѣшней подражательности Петра Великаго всему иноземному, видѣть въ немъ истинно-русскаго человѣка. Нужно же отдать кесарево кесарю. И редакція Журнала, относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ Петру Великому и отдавая ему вполне законную дань признательности, поступала вполне разумно, сѣя въ умахъ своихъ юныхъ читателей мысль о геніальности Великаго Преобразователя и о его заслугахъ предъ Россіей.

Но общія фразы, порой красивыя, порой захватывающія искренностью и теплотой, все еще остаются фразами, до тѣхъ поръ, пока не будетъ дано подробностей, частныхъ. Петръ Великій—геній, но дайте какую-нибудь мелочь изъ его жизни, гдѣ бы свѣтился его умъ, гдѣ бы сквозилъ его принципъ—„все для государства“. Желаніе этихъ мелочей—исполнѣ законно, и Журналъ въ изобиліи приводитъ различныя событія изъ жизни Петра.

Начнемъ хотя бы съ анекдотовъ ¹. Увидѣвъ, какъ изъ рукъ Государыни скатилось нѣсколько нитокъ канители, Петръ сказалъ: „смотри, Катинька, пропало денное жалованье солдата“. Въ другой разъ онъ выразился о мирѣ: „миръ хорошо, однако притомъ дремать не надлежитъ, чтобъ не связали рукъ, да и солдаты чтобъ не сдѣлались бабами“. Это, если угодно, пересказъ Фелопеменовскаго изрѣченія: „если хочешь быть побѣдителемъ на войнѣ, учись воевать во время мира“; это—сущность современнаго вооруженнаго мира. Девіеру какъ-то наказывалъ Петръ: „кликушѣ—первый разъ плети, за второй—кнутъ, а если и за симъ не уймется, то быть безъ языка, чтобъ впредь не кликали и народъ не обманывали“; конечно, человѣкъ, въ потѣ лица работавшій на верфяхъ, и не могъ сказать иначе про тѣхъ, кто, прибѣгая къ недостойнымъ средствамъ и симулируя нищету, желалъ только ради своей лѣни жить на чужой счетъ. Приведенные анекдоты безспорно отличаются эпизодичностью, случайностью. Притомъ это—анекдоты, хотя и анекдоты имѣютъ силу историческаго доказательства, передавая если и не то, что дѣйствительно случилось, то во всякомъ случаѣ то, что могло бы случиться.

¹ Журн., XL, 157. Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго,

Къ анекдотамъ о Петрѣ Великомъ принадлежитъ еще рассказъ о театральнѣй труппѣ, объявившей о представленіи, имѣющемъ быть 1 апрѣля; собралась публика, пріѣхалъ и самъ царь, но вышелъ актеръ и объявилъ, что по случаю перваго апрѣля ничего представлено не будетъ; Царь, зная обычай обманывать 1 апрѣля, сказалъ: „они правы, да только впередъ имъ вѣрить не будутъ; это также общее правило“¹.

За анекдотами стоятъ письменные памятники.

Въ 1698 г. Петръ Великій былъ въ Вѣнѣ. Въ тамошнемъ дворѣ звѣщивали и рассчитывали каждую мелочь посольскаго пріема, а между тѣмъ Петръ, изъ деревни Штокерау, писалъ Виніусу, стоявшему во главѣ Сибирскаго приказа²: „пишешь ваша милость, что въ Пекинѣ построили христіане церковь нашего закона и многіе изъ китайцевъ крестились; и то дѣло зѣло изрядно; только, для Бога, поступайте въ томъ опасно и не шибко, дабы китайскихъ начальниковъ не привести въ злобу, также и езуитовъ, которые уже тамъ отъ многихъ временъ гнѣздо свое имѣютъ; къ чему тамъ надобетъ попы не такъ ученые, какъ разумные и подкладные, дабы чрезъ нѣкоторое киченіе оное святое дѣло не произошло въ злѣйшее паденіе, какъ учинилось въ Испаніи“. Слѣдовательно, въ блескѣ придворныхъ празднествъ Петръ Великій не забывалъ излагать свои взгляды на тѣ требованія, коимъ должны удовлетворять миссіонеры, и на тѣ условія ихъ дѣятельности, которыя обезпечивали бы ея успѣхъ.

Петръ—первый русскій Императоръ. Съ него періодъ русской исторіи носитъ наименованіе Императорскаго. Принятіе Императорскаго титула, конечно, было сдѣлано съ цѣлью импонированія на иностранныя государства. А для полученія какихъ-либо основаній къ претендованію на этотъ титулъ Петръ обратился къ спасительной старинѣ, и въ московскихъ архивахъ было отыскано письмо Императора Максимилиана, въ которомъ онъ, еще въ 1509 г., давалъ царю Іоанну Васильевичу титулъ Императора, предлагая войти съ собою въ союзъ³.

Петръ—создатель русской регулярной арміи. Онъ—дѣйствительный, фактическій Верховный вождь своей арміи. Слава о его

¹ Журн., XLVI, 183. Первое апрѣля въ царствованіе Петра Великаго.

² Журн., CXXI, 484. Петръ Великій въ Вѣнѣ въ 1698 г.

³ Журн., XLV, 177. Обзоръ извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго, извлеченныхъ изъ разныхъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ.

побѣдахъ разносится по всѣмъ концамъ земли. Слухъ о личномъ участіи въ бояхъ и морскихъ переѣздахъ достигаетъ даже стѣнъ недвижнаго Китая, и китайская богдыханша Кам-хи обратилась къ русскому послу капитану л.-гв. Измайловскаго полка Измайлову съ такою рѣчью: „Государь твой такой великій и славный Монархъ, имѣетъ владѣніе обширное, а ходитъ противъ непріятелей своею высокою особою; море велико и страшно; бывають на немъ волны сильныя и страхъ немалый, а потому и слѣдуетъ Государю хранить свое здоровье, у него есть добрые воины и вѣрные слуги, коихъ можетъ посылать, а самъ оставаться на покоѣ“¹.

Наивный взглядъ представительницы китайскаго народа не ужился въ представленіи Петра съ понятіемъ о многотрудномъ подвигѣ въ царскомъ санѣ, и Петръ, дѣйствительно,

самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
самъ и пушку наводилъ.

Баюсъ, въ 1711 г., писалъ про Петра Великаго: „вы будете удивлены, что я не говорю вамъ о Его Величествѣ, но я столько долженъ говорить о немъ, что принужденъ молчать; надобно быть Апеллесомъ, чтобы изобразить Александра; итакъ, удовольствуюсь сказать вамъ, что 19, 20 и 21 чиселъ іюля, во все продолженіе безпрерывнаго сраженія съ турками, Его Величество былъ вездѣ, ободрялъ солдата и привѣтствовалъ офицера“².

О своихъ военныхъ успѣхахъ Петръ сообщаетъ даже духовнымъ властямъ. Новгородскому митрополиту Іову, котораго Петръ весьма цѣнилъ, 17 іюня 1713 г. онъ писалъ: „честнѣйшій отче! объявляю вамъ, что нынѣ получили мы подлинную вѣдомость отъ господина генерала-фельтъ-маршала князя Меншикова, что шведской генералъ-фельтъ-маршалъ Штейнбахъ совсѣмъ отдался въ полонъ, а сколько людей, также оружія и прочаго, получено о томъ при семъ прилагается реестръ и сими добрыми вѣдомостями Вамъ поздравляемъ“³. 27 іюня 1709 г., съ ратныхъ полтавскихъ полей, Петръ писалъ адмиралу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину „о зѣло превеликой и нечаянной викторіи, которую Господь Богъ, чрезъ неописанную храбрость солдатъ, даровати изволилъ, съ малою войскою нашихъ кровію“; поздравляя адмирала съ „сею у насъ неслыханною

¹ Журн., LIX, 233. Екатерингофскій дворецъ Петра Великаго.

² Журн., XLIV, 176.

³ Журн., X, 39. Письма Императора Петра Перваго къ Новгородскому митрополиту Іову.

новиною“, Петръ Великій сообщалъ, что участь самого шведскаго короля, Карла XII, въ точности не опредѣлена—„а о королѣ еще не можемъ вѣдать, съ Нами или со отцы Нашими обрѣтается“¹.

Петръ—великій полководецъ. Но онъ въ то же и — исторіографъ свой. Въ Шафирово разсужденіе о причинахъ шведской войны Петръ ввелъ собственныя драгоцѣнныя строки: „Понеже всякая война въ настоящее время не можетъ сладости приносить, но тягость“, пишетъ Петръ², „того ради многіе о сей тягости негодуютъ“. Къ этимъ-то недовольнымъ войною элементамъ населенія Петръ Великій ведетъ свою рѣчь. Среди недовольныхъ есть тунеядцы, но про нихъ еще Апостолъ Павелъ сказалъ—праздный ниже да ясть, и праздность — корень всѣмъ злымъ есть. Среди недовольныхъ есть несвѣдущіе люди, которыхъ Петръ вразумляетъ, что прежнее мирное сношеніе со шведами должно было отойти въ область преданія: „прежнія времена не суть равны нынѣшнимъ, ибо шведы тогда не такъ о насъ разсуждали и за слѣпыхъ имѣли“; такъ выразился историкъ Пуфендорфъ, такъ же писалъ Карлу XII графъ Штейнбокъ, предлагавшій королю послѣ нарвской побѣды заключить миръ съ Россіею, дабы не обучить русскихъ военному искусству. Непріязнь, разразившаяся упорной Сѣверной войной, давно таилась въ сердцѣ шведовъ; про нее свидѣтельствовали, по словамъ Петра, показанія плѣнныхъ, и шведы лишь „ожидали способнаго времени“. Стрѣлецкій бунтъ заставилъ шведовъ спѣшить съ объявленіемъ войны: „когда за бунтъ стрѣльцы переведены и начали регулярное войско заводить, тогда всеконечно взяли резолюцію о войнѣ вскорѣ“. Война разгорѣлась, и съ помощью Божіей успѣхъ склонился на сторону Россіи. Но ее нужно было довести до конца, и Петръ, излагая приводимыя выше мысли на девятнадцатый годъ войны, писалъ, что если мы „допустимъ такъ злобнаго сосѣда пакн внутрь себя, то какова добра впредь ожидать имѣемъ“. Въ такомъ случаѣ мы были бы самимъ себѣ „враги и раззорители“.

Петръ—побѣдитель, побѣдитель славнаго врага! Какою горячею радостью должно было биться его сердце послѣ полтавской побѣды. Нужны были церемоніи, чтобы въ нихъ, въ этихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, могло излиться чувство нравственнаго удовлетворенія. Счастье всегда бьетъ фонтаномъ и пѣнится черезъ край. Описаніе торжественнаго въѣзда Петра Великаго въ Москву послѣ полтавской

¹ Журн., LXXXI, 322.

² Журн., CXXXIII, 530. Собственныя строки Петра, помѣщенныя въ Шафировомъ разсужденіи о причинахъ шведской войны.

побѣды составляетъ предметъ особой статьи въ Журналѣ ¹. Между прочимъ, былъ устроенъ особый балдахинъ, подъ коимъ помѣстился кесарь. Поочереды къ нему подходили съ рѣчами Шереметевъ, Меншиковъ и Петръ, въ званіи гвардейскаго полковника. Петръ сказалъ: „Божіею милостію и Вашего кесарскаго величества счастіемъ, въ прошломъ 1708 г. сентября 28-го, имѣлъ я жестокое сраженіе подъ Лѣснымъ съ генераломъ Левенгауптомъ, одержалъ полную побѣду надъ арміею его, состоявшею болѣе нежели въ 16-ти тысячахъ природныхъ и опытныхъ шведовъ, меньшимъ числомъ войска, и изъ всей сей шведской арміи малое только спаслось число, прочіе же всѣ побиты и плѣнены со всѣмъ ихъ обозомъ и артиллеріею, а при полтавской баталіи сражался я съ полкомъ моимъ лично, бывъ въ великомъ огнѣ, и нынѣ плѣнные генералы съ ихъ фельдмаршаломъ и войска шведскаго 22,085 человекъ приведены въ Москву, и полкъ мой состоитъ въ добромъ здоровьѣ“. 30 августа 1719 г. Петръ имѣлъ „торжественное вшествіе“ въ Петербургъ, гдѣ также послѣдовалъ рядъ церемоній, въ концѣ коихъ „Его Величество и Государыня Царица, по прошенію его свѣтлости князя Меншикова, со всѣми министры, изволили трактиръ имѣть у его свѣтлости въ домѣ на Васильевскомъ острову“ ².

Кстати о Меншиковѣ, этомъ знаменитомъ птенцѣ гнѣзда Петрова. Государственныя и военныя способности Меншикова были оцѣнены Петромъ, который, можно сказать, осыпалъ его милостями и наградами, почетными и денежными. Въ іюлѣ 1719 г. князь Меншиковъ писалъ Государю ³: „долженъ я С.-Петербургской Губернской Канцеляріи въ казну Вашего Величества отъ 5 до 6 тысячъ рублевъ, а заплатить оныхъ чѣмъ не имѣю; того ради всенижайше Вашего Величества моего Всемилоствѣйнаго Государя и Отца прошу, дабы за мой особливой трудъ, чрезъ которой я въ той губерніи, сверхъ положеннаго табельнаго числа, доходовъ собралъ слишкомъ миллионъ, и прибыло въ окладъ по сту по семидесяти тысячъ рублевъ, сверхъ прочихъ чрезвычайныхъ расходовъ, изволили помянутымъ долгомъ Всемилоствѣйше меня пожаловать, въ которой надеждѣ превысокія ваша отеческія ко мнѣ милости, остаюсь Вашего Величества всенижайшій рабъ Александръ Меншиковъ“. Государь положилъ резолюцію: „не брать“. Меншиковъ имѣлъ даже надежду породниться съ царствовавшимъ домомъ, и въ XII статьѣ

¹ Журн., LXXXVI, 343.

² Журн., XL, 158. 30 августа 1719 г. Воспоминаніе о Петрѣ Великомъ.

³ Журн., XIX, 73. Александръ Давиловичъ Меншиковъ,

духовнаго завѣщанія Императрицы Екатерины I было изложено ¹: „принцессамъ нашимъ и составляющимъ регенство, стараться также соединить бракомъ Великаго Князя съ одною изъ княженъ, дочерей князя Меншикова“.

Петръ—первый работникъ на Руси и въ то же время—первый оберегатель казеннаго интереса. Какъ-то ему былъ представленъ проектъ учрежденія морского кадетскаго корпуса; противъ одного пункта проекта Петръ написалъ: „этого не должно, ибо больше клонится къ лакомству и карману, нежели къ службѣ“; въ заключеніе, недовольный проектомъ царь положилъ суровую резолюцію: „чтобъ подлинно объявилъ, хочетъ ли онъ свое дѣло дѣлать, безъ прихотливыхъ запросовъ, и, если хочетъ, то-бъ дѣлалъ; буде нѣтъ, то чтобъ отдалъ взятое жалованье и выѣхалъ изъ сей земли“ ². Петръ былъ „свѣтомъ Россіи и образно выражается Херасковъ въ двустипіи“ ³:

„Россія тьмой была покрыта много лѣтъ;
Богъ рекъ: да будетъ Петръ! и бысть въ Россіи свѣтъ!“

Покорность Петра Великаго несповѣдимымъ промысламъ Божиимъ сквозитъ въ его письмѣ къ графу Ѳ. А. Головину, по случаю смерти матери послѣдняго: „слышу, что вы зѣло печальны о смерти материной; для Бога извольте разсудить, понеже она человѣкъ былъ старой и весьма давно больной“ ⁴.

Признаніе заслугъ своихъ соратниковъ составляло благородную черту характера Петра Великаго. При похоронахъ Гордона, содѣйствовавшаго взятію Азова и разбивавшаго стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, Петръ сказалъ: „онъ подарилъ меня обширною областью и спасъ мое царство, а я награждаю его только горстью земли“ ⁵.

Петръ Великій—человѣкъ дѣла, врагъ лишняго многословія; Онъ кратко писалъ съ береговъ Прута Сенату: „извѣщаю васъ, что, обманутый ложными показаніями и не безъ собственной ошибки, Я запертъ здѣсь въ лагерѣ арміей, въ четыре раза превосходящей Меня силами; если бы случилось Мнѣ быть взяту въ плѣнъ, то вы не должны будете болѣе считать Меня своимъ царемъ и государемъ, не будете слушать никакого повелѣнія, присланнаго вамъ отъ Моего

¹ Журн., XIX 73.

² Журн., XII, 45.

³ Журн., XLVII, 188. Къ портрету Петра Великаго.

⁴ Журн., XXX, 119. 1-й генералъ-фельдмаршалъ гр. Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ (изъ сочиненія Вантышъ-Каменскаго)

⁵ Журн., XLVI, 183. Извѣстіе о смерти Гордона и Шенна.

имени, хотя бы даже признали вы мою собственноручную подпись; если мнѣ суждено погибнуть, вы изберете моимъ наслѣдникомъ достойнѣйшаго изъ васъ“¹.

Съ блестящимъ именемъ Петра Великаго, труженика для своего народа, исторія неразрывно связываетъ имя Мазепы, запятнанное позоромъ предательства. Журналъ говоритъ и о Мазепѣ, приводя стихи Жуковскаго въ эпиграфъ статьи о немъ²:

„пришлецъ и бунтовщикъ лукавый
явились вырвать знамя славы
изъ рукъ могучаго Петра“.

Многое успѣлъ сдѣлать Петръ Великій, свершивъ поистинѣ въ предѣлахъ земныхъ все земное, но многое онъ еще желалъ осуществить. Въ бумагахъ, оставшихся по его кончинѣ, намѣчены были многіе пункты, подлежащіе исполненію. Такъ, между прочимъ, было записано: „офицерамъ всѣмъ дворянство и первое мѣсто; объ указѣ комендантамъ—держаться до послѣдняго человѣка; о мундирѣ изъ своихъ суконъ, а бранденбургскіе—въ примѣръ; грамота партіарха цареградскаго о разрѣшеніи на мясо войску въ посты; указы о томъ за архіерейскою рукою послать потомъ во всѣ полки; о ботикахъ, что кругомъ вертятся; дать всякому корабельщику по два человѣка маленькихъ обучать, не только на морѣ, но и дома по моделямъ; изъ всякаго пѣхотнаго полка по два капральства съ офицерами жить въ Петербургѣ для галернаго обученія во время мира; чтобы не отговаривались, что не знаютъ, кои были довольно на галерахъ; купить секретъ, какъ кишки заливныя дѣлать; на загородныхъ дворахъ вмѣсто заборовъ сажать ольху; объ осмотрѣ дубу на Волховѣ; о греческомъ паденіи отъ презрѣнія войны“³. Длинный перечень свидѣтельствуешь объ особой пытливости Петра, объ утилитарности желаемыхъ имъ нововведеній: онъ хочетъ знать подробности устройства „заливныхъ“ кишекъ, хочетъ отвести военному сословію первенствующее въ государствѣ мѣсто, хочетъ приучить русскихъ къ морю и видѣть Россію могущественной и на морѣ...

Отъ Петра Великаго—прямой переходъ къ Екатеринѣ Великой, истинной его преемницѣ по духу и обширности государственныхъ преобразованій.

¹ Журн., XC, 359.

² Журн., XLVI, 181. Походъ Карла XII въ Россію.

³ Журн., XVIII, 72. О бумагахъ и замѣткахъ, оставшихся по кончинѣ Петра Великаго.

Здѣсь приходится снова сказать то же, что было сказано и въ началѣ очерка о Петрѣ Великомъ, т. е. о томъ разладѣ въ различныхъ историческихъ оцѣнкахъ ея царствованія, который составляетъ удѣлъ всякой quasi - науки. Увы, на поле исторической критики, гдѣ требуется соблюденіе строжайшаго объективизма, часто выступаютъ бойцы, которымъ опущенное забрало мѣшаетъ хорошо разглядѣть окружающіе предметы. И эти псевдо-критики, съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, смѣшиваютъ частную жизнь государственнаго человѣка съ его общественною дѣятельностью и, закусивъ удила, бьютъ копытомъ по хрупкимъ драгоценностямъ. Вспомните, что пѣлъ Апухтинъ, тщательно изучившій вѣкъ Екатерины:

„я женщина была, и много я любила,
но совѣсть шепчетъ мнѣ, что для любви своей
я никогда отчизны не забыла
и счастьемъ подданныхъ не жертвовала ей!“

На фонѣ русской исторіи выдѣляется бликомъ фигура Екатерины. Вмѣстѣ съ авторомъ рѣчи на ея прибытіе въ Мстиславль можно сказать ¹: „оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ“.

Время Екатерины— это вѣкъ Екатерины, это эпоха. Она авторъ гуманнаго Наказа, хотя бы заимствованнаго, хотя бы подражательнаго, хотя бы оставшагося, за неосуществленіемъ, лишь блестящимъ дезидератомъ. И правъ былъ Фридрихъ II, извѣщавшій Екатерину въ своемъ письмѣ: наказъ „будетъ сохраненъ, какъ одно изъ рѣдкихъ твореній, въ моей библіотекѣ“ .

Екатерина наполнила міръ громомъ своихъ побѣдъ. Она поддерживаетъ личную переписку съ военными начальниками, даетъ имъ указанія, совѣты, выражаетъ одобреніе ихъ дѣйствіямъ и планамъ. Князю Долгорукову-Крымскому Императрица, между прочимъ, писала ²: „благодарствую вамъ и за то, что вы не оставили Мнѣ дать знать, что вы уже подняли російскій флагъ на Черномъ морѣ, гдѣ давно не казался, а нынѣ вѣетъ на тѣхъ судахъ, кои противу насъ непріятель употребить хотѣлъ, и трудами вашими изъ рукъ его исторгнуты“. Въ другомъ письмѣ, отъ 14 іюля 1774 г., Екатерина излагала: „вашу реляцію отъ 3 числа іюня сейчасъ получила

¹ Журн., XLIII, 172.

² Журн., XXXVII, 146.

³ Журн., XLIV, 173, Собственноручныя письма Императрицы Екатерины къ князю Долгорукову-Крымскому.

и радуюсь, что все благополучно; только не вѣдаю, для чего господа морскіе съ непріятелемъ поисправнѣе не перевѣдываются, хотя опытомъ сожженія, употребля на то безъ большаго риска, что способно“. Какъ видно, Императрица даетъ даже морскіе совѣты. И здѣсь нельзя не припомнить передаваемой Гречемъ, по памяти, фразы, сказанной принцемъ де-Линемъ Екатеринѣ: „если бы вы родились мужчиною, то, конечно, дослужились бы до фельдмаршала“; лестная фраза, однако, встрѣтила возраженіе со стороны Императрицы, сказавшей: „не думаю, меня убили бы въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ“¹; иначе говоря, Екатерина допускала возможность пасть жертвой воинской доблести въ пылу отваги для тѣхъ юныхъ героевъ, которые, при счастливомъ оборотѣ колеса жизни, могли бы сдѣлаться впоследствии великими полководцами.

Но, конечно, наиболѣе яркимъ дарованіемъ Екатерины являются ея педагогическія способности. Быть можетъ, это должно быть объяснено ея женскою натурою, каковой сродни воспитательныя склонности. Во всякомъ случаѣ, въ ея лицѣ педагогическая исторія XVII вѣка имѣетъ едва-ли не самаго блестящаго представителя. И Журналъ, какъ органъ педагогическій, не могъ не удѣлить мѣста помѣщеніемъ инструкціи, данной князю Н. И. Салтыкову въ руководство при воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей². Нѣкоторые пункты этой инструкціи, быть можетъ, и покажутся въ настоящее время списанными съ педагогическихъ прописей, но для того времени они несомнѣнно составляли новшество. Праздность особенно подлежала искорененію: „не оставлять Ихъ Высочествъ никогда въ праздности; буде не играютъ и не учатся, тогда начать съ ними какой ни есть разговоръ, сходственно ихъ лѣтамъ и понятію, чрезъ который получали бы умноженіе знанію“. Требовалось непренебреженіе физическимъ здоровьемъ: „да будетъ одежда Ихъ Высочествъ лѣтомъ и зимою не слишкомъ теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь; чтобъ въ покояхъ Ихъ Высочествъ зимою, по крайней мѣрѣ дважды въ день, перемѣненъ былъ воздухъ открытіемъ оконъ воздушныхъ; чтобъ зимою покои Ихъ Высочествъ не были теплѣе натоплены, какъ отъ 13 до 14-ти градусовъ по термометру Реомюра; на огаръ лица и рукъ отъ солнца не смотрѣть; за весьма нужное и полезное почитается, чтобъ Ихъ Высочества учились плавать; за семь лѣтъ отъ восьми до девяти часовъ сна, кажется, довольно быть можетъ“... Все

¹ Журн., XLIV, 174. Воспоминанія. Н. Гречъ.

² Журн., XI, 43.

это писала рука, достойная благодарной памяти потомства. И этой благодарной памяти остаются вѣрными страницы журнала, посвященные автору Наказа и приведенной педагогической инструкции.

Путешествіе Екатерины II на югъ было, какъ извѣстно, обставлено весьма театрално: князь Потемкинъ приказалъ ставить цѣлыя декораціи въ отдаленіи, изображавшія общее довольство мирныхъ поселеній. Въ Тульскій уѣздъ, по распоряженію намѣстника Кречетникова, со всего уѣзда, были собраны цѣлыя стада скота и табуны лошадей, которые и паслись на сѣнокосныхъ лугахъ, лежащихъ при дорогахъ¹.

Имя Екатерины Великой связывается въ представленіи каждого изъ насъ съ цѣлою плеядою другихъ блестящихъ именъ, всё крупнѣйшихъ звѣздъ, еще болѣе увеличивающихъ лучезарность ея трона.

На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, великолѣпный князь Тавриды, облеченный „гигантской властью и таившій могучіе замыслы“. Въ самой лучшей поэтической оцѣнкѣ царствованія Екатерины Великой, въ безукоризненномъ стихотвореніи Апухтина „Недостроенный памятникъ“ придаются Потемкину именно эти эпитеты. И на страницахъ Журнала ему посвящены, между прочимъ, такія строчки: „никакой Аріостъ не выдумаетъ поэмы волшебнѣе жизни Потемкина“². Но жизнь—самая сказочная сказка; она ярче самой яркой фантазіи и шутитъ самыя причудливыя шутки. Жизнь Потемкина—волшебна, но его кончина—еще болѣе бьетъ по нервамъ, и эпилогъ выходитъ потрясающимъ. „Никакой Шекспиръ не создастъ ничего торжественнѣе, ничего краснорѣчивѣе и глубокомысленнѣе, какъ смерть Потемкина“. Бессарабская степь, „эта пустынная глушь“, пишетъ авторъ цитируемой статьи, „внезапно оживилась; вихремъ мчится по ней блестящая колесница; она несетъ исполина, который одинъ, на мощныхъ раменахъ, держитъ судьбу этихъ горъ и степей, таитъ для нихъ въ глубинѣ своей души никому невѣдомую будущность; но взоръ путника страшно мутенъ; чело заклеямено печатью тяжкаго страданія; бѣгъ рьяныхъ коней вдругъ останавливается; пестрый рой спутниковъ великаго князя взволновался безмолвнымъ смятеніемъ; на щетинистомъ ковылѣ дикой степи торопливо стелятъ дорожный плащъ и кладутъ умирающаго“...

Изъ деталей жизни создателя юга Россіи Журналъ приводитъ, между прочимъ, письмо Потемкина, писанное имъ вскорѣ по назна-

¹ Журн., XXXVI, 144. Разказы старика о пребываніи Императрицы Екатерины II въ Тулѣ.

² Журн., XXVI, 102. Прогулка по Бессарабіи.

ченіи его въ 1774 г. новороссійскимъ генералъ - губернаторомъ ¹. Письмо адресовано кошевому Калнишевскому и, въ виду его крайней занимательности, печатается ниже въ значительной выдержкѣ.

„Ясновельможный мосцѣ пане кошевый Петръ Ивановичъ, любезный мой батьку!

„Хотя я и не имѣю честь знать васъ самолично, но, будучи однокуренецъ, а теперь и сосѣдь по Новороссійской губерніи, и вѣдая по слуху и славѣ отличность дарованій вашихъ, въ ратномъ ополченіи противъ непріятеля и стройномъ правимаго вами коша содержаніи, какъ и имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы, за долгъ почелъ съ симъ письмовручителемъ паномъ есауломъ Антономъ Головатымъ, въ знакъ всегдашней къ вамъ моей любви, послать, къ вамъ карманные дзигарки ² и оксамиту ³ на платье, дабы вы, имѣя оныя, имѣли ежечасно воспоминаніе о томъ, который всегда содержитъ васъ въ неизгладимой памяти и всѣ ваши препорученія исполнять за обрадованіе и собственное удовольствіе поставляетъ. Увѣряю васъ чистосердечно, что ни одного случая не оставлю, гдѣ увижу доставить каковую либо желаніямъ вашимъ выгоду, на справедливости и прочности основанную и какъ у престола пребывая непоколебимо ясновельможности вашей всеохотнѣйшимъ слугою.

„P. S... Кланяйтесь отъ меня Куцевскому куренному атаману, товариству и всѣмъ сѣромахамъ.

„Будь ласковъ, батьку, пришли мнѣ гарнаго татарскаго коня, щобъ козаковать годы вся“.

Другой, замѣчательный въ исторіи военно-учебныхъ заведеній, любимецъ Екатерины, Семень Гавриловичъ Зоричъ, отмѣченъ въ Журналѣ отдѣльной біографической статьей ⁴. Авторъ приводитъ анекдотическія подробности производства Зорича въ генералы. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и называлъ себя капитаномъ-пашою; подъ угрозою смерти ему предлагали турки вступить въ ихъ службу; Зоричъ отвергнулъ съ негодованіемъ это предложеніе, а когда султанъ написалъ письмо Екатеринѣ о размѣнѣ плѣнныхъ, то не преминулъ поздравить Екатерину II съ тѣмъ, что она имѣетъ такихъ вѣрноподанныхъ, какъ русскій храбрый генералъ Зоричъ. Невольно явился у Императрицы вопросъ, что это за неизвѣстный ей генералъ Зо-

¹ Журн., XXIX, 113.

² Часы.

³ Бархоту.

⁴ Журн., LXXXVII, 347. Семень Гавриловичъ Зоричъ-Черноевичъ и основанное имъ Шиловское благородное училище. Статья посвящена воспитанникамъ 1 московскаго кадетскаго корпуса.

ричь. Были произведены справки, и изъ разсмотрѣнія списковъ оказалось, что Зоричъ былъ не генералъ, а майоръ. По совершеніи размѣна плѣнныхъ, Зоричъ представлялся Императрицѣ, которая предложила ему вопросъ о причинѣ, заставившей его назваться русскимъ капитаномъ-пашою, т. е. генераломъ. „Виноватъ, Ваше Величество!“ отвѣчалъ Зоричъ, „для спасенія своей жизни и чтобы имѣть счастье служить Вашему Величеству и отечеству я назвалъ себя генераломъ“.—Будьте же вы генераломъ,—милостиво произнесла Екатерина,—турецкій султанъ хвалить васъ, и Я не сниму съ васъ чина, который вы себѣ дали и заслужили.

Особая прозорливость въ выборѣ людей, къ себѣ приближенныхъ, составляетъ одну изъ исключительныхъ способностей Великой Екатерины. Державинъ, Безбородко, Бецкой—каждый изъ нихъ вносилъ свою лепту въ сокровищницу славы Императрицы и содѣйствовалъ ея блеску. И Журналъ, какъ органъ патріотическій, не разъ возвращается къ этимъ именамъ, то посвящая имъ цѣлые біографическіе очерки, то передавая какую-нибудь подробность ихъ жизни.

Для примѣра приведемъ хотя бы анекдотическіе эпизоды съ Безбородко и Державинымъ.

Однажды Безбородко получилъ повелѣніе отъ Екатерины II написать указъ, но позабылъ объ этомъ и указа не написалъ; Императрица же помнила объ этомъ и на докладѣ спросила Безбородко, составилъ ли онъ указъ; несмущившійся Безбородко вынулъ изъ портфеля чистый листъ бумаги и прочелъ, какъ по писанному. Снисходительная Государыня милостиво простила забывчивость Безбородки ¹.

Другой эпизодъ касается Державина. Въ 1763 г. Шуваловъ собрался за границу. Къ нему явился Державинъ, ходатайствуя о томъ, чтобы онъ его взялъ съ собою; но узнавъ объ этомъ тетушка Державина написала ему письмо, что онъ будетъ лишенъ материнскаго благословенія, если отправится за море съ „фармазономъ“ ². Эпизодъ характеристиченъ какъ по взгляду тогдашняго общества на образованнаго Шувалова, причислявшагося къ франкмасонамъ, такъ и по тому стремленію къ образованію, которое проявилъ пѣвецъ Фелицы. Кстати, первая книжка Журнала открывается стихотвореніемъ Державина „Богъ“, которое въ громадномъ числѣ списковъ хранится среди франкмасонскихъ документовъ и бумагъ.

¹ Журн., IV, 13. Снисходительность Императрицы Екатерины Великой.

² Журн., СХХІХ, 516.

Гр. Ангальту, славному директору Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго корпуса, принадлежит идея написать поучительныя изрѣченія на стѣнкѣ сада и на стѣнахъ рекреаціоннаго зала; изрѣченія были собраны затѣмъ въ книгѣ „La muraille parlante à la salle de recreation“ ¹.

Какъ Екатерина Великая являлась истинной преемницей, по духу, Петра Великаго, точно такъ-же и Императоръ Александръ I въ образецъ себѣ взялъ царствованіе Своей Августѣйшей Бабки, о чемъ и объявилъ въ Манифестѣ при Своемъ вступленіи на престолъ.

Дмитріевъ привѣтствовалъ день коронованія Государя торжественной одой и восклицалъ ²:

„о вѣтвь, о кровь Екатерины!
при ней корабль нашъ чрезъ пучины
отважно къ счастью летѣлъ;
при ней россиянинъ, сынъ славы,
вселенной подавалъ уставы
и жребіемъ ея владѣлъ!“

Императоръ Александръ оправдалъ ожиданія пінты; по словамъ его біографа, „исторія царствованія Александра есть исторія Европы въ первой четверти XIX вѣка, обильной великими и грозными происшествіями, какихъ прежде того не случалось и въ цѣлыя столѣтія“ ³.

Громъ побѣды въ царствованіе Александра I разносился по всей Европѣ; цѣлая вереница русскихъ именъ стала достояніемъ всего свѣта. Журналъ, все время отводившій видное мѣсто біографическимъ матеріаламъ, сообщалъ своимъ читателямъ значительное число біографическихъ очерковъ, о которыхъ было мною упомянуто въ предыдущемъ, военномъ отдѣлѣ. Здѣсь дополню изложеніе лишь нѣсколькими новыми свѣдѣніями.

Имя Аракчеева приходитъ невольно на память при имени Александра Благословеннаго. Въ исторической литературѣ существуетъ два мнѣнія въ оцѣнкѣ государственной дѣятельности Аракчеева, но безспорно во всякомъ случаѣ, что онъ принесъ существенную пользу русской артиллеріи. Въ Тильзитѣ, въ 1807 г., генераль Ларибоа-серьеръ, увидя русскую артиллерійскую роту сказалъ гр. Кутайсову: „ваша артиллерія такъ хороша, что вамъ надобно избѣгать одного — перемѣнъ и усовершенствованій въ ней“ ⁴.

¹ Журн., I, 2. М. Ермоловъ. Біографія гр. Федора Евстафьевича Ангальта.

² Журн., X, 37.

³ Журн., I, 1. Н. Грець. Біографія Императора Александра I.

⁴ Журн., LXXX, 320.

Багратионъ, сподвижникъ Суворова, прославилъ также и царствованіе Александра I. Жизнью Багратиона дорожилъ каждый военный человѣкъ, и Кутузовъ, увидя 4 ноября 1805 г. приближающагося Багратиона, сказалъ: „о потерѣ не спрашиваю, ты живъ, для меня довольно!“¹.

Имя Дохтурова также общеизвѣстно. Очеркъ его жизни приводитъ Журналъ². Послѣ бородинской битвы, которая была „ничья“ въ кровавой игрѣ генія Наполеонова съ мудрою опытностью Кутузова, Дохтуровъ поѣхалъ къ Кутузову, который его встрѣтилъ весьма радушно со словами—„герой мой! поди и обними меня! чѣмъ можетъ Государь вознаградить тебя? Ыль ли ты что-нибудь сегодня?“, на отрицательный отвѣтъ, онъ велѣлъ подать наскоро холодное жаркое, самъ его рѣзалъ и потчивалъ гостя. Дохтурову принадлежитъ военное изрѣченіе: „на каждомъ ядрѣ и на каждой пулѣ написано кому ими быть раненымъ или убитымъ, и они виноватаго найдутъ“.

Памятникъ Императору Александру I (или такъ называемая Александровская колонна), составляющій украшеніе Петербурга, былъ открытъ 30 августа 1834 г. Жуковский передаетъ, что торжество этого открытія вызвало въ немъ „такое же чувство, которое потрясло его душу, когда представились ему въ первый разъ Альпы, когда онъ увидѣлъ Римъ посреди его запустѣвшей равнины, когда подходилъ къ храму св. Петра и остановился подъ его изумительнымъ сводомъ“³.

Кончина Императора Николая I и восшествіе на престолъ Царя-Освободителя вызвало къ жизни нѣсколько одъ. Ѳ. Бартоломей написалъ оду „Императору Александру“⁴, а гр. Е. Ростопчина— „18 февраля 1855 г.“⁵. Въ послѣднемъ стихотвореніи поэта воскликала:

„народъ!.. Россія!.. на колѣна!!
молись и плачь въ сей страшный часъ!..
упала молніей на насъ
вѣсть непостижной перемѣны!..“

Юбилей и кончина заставляютъ подвести итоги дѣятельности извѣстнаго лица и произвести ея оцѣнку. Среди такихъ произведеній „на случаи“ нужно, между прочимъ, остановиться на тѣхъ, которыя были посвящены Великому Князю Михаилу Павловичу.

¹ Журн., LIV, 215. Отступленіе Кутузова отъ Кремса.

² Журн., LXXXII, 328, Д. С. Дохтуровъ.

³ Журн., VIII, 31. Воспоминаніе о торжествѣ 30-го августа 1834 г.

⁴ Журн., CXIV, 454.

⁵ Журн., CXIV, 455.

28 января 1848 г. исполнилось пятидесятилѣтіе состоянія Великаго Князя въ званіи генералъ-фельдцейхмейстера. Журналъ привелъ данный по этому случаю Высочайшій рескриптъ, въ коемъ обращаются на себя вниманіе слова: „Я вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ, чтобы гвардейская артиллерія отдавала Вашему Императорскому Высочеству ту же самую честь, которая по уставу опредѣлена только Мнѣ“ ¹. Далѣе былъ приведенъ рядъ поэтическихъ трудовъ, въ большинствѣ случаевъ принадлежавшихъ перу воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Такъ, воспитанникъ дворянскаго полка Курочкинъ 2-ой высказывалъ пожеланіе ²,

„чтобъ жизнь Твоя, для славы зрѣя,
въ спокойномъ счастьи текла“.

Воспитанникъ 1 Московскаго Кадетскаго корпуса, унтеръ-офицеръ Хмыровъ 1-ый слагалъ четверостишіе ³:

„ты—братъ царя, но долгу вѣрный,
ты—подданнаго образецъ;
начальникъ, братъ и другъ примѣрный,
кадетамъ ты—родной отецъ!“

Наконецъ, Федоровъ писалъ ⁴:

„полѣвка, какъ пѣвецъ Фелицы
твое рожденіе воспѣлъ,
когда изъ отческой десницы
ты взялъ колчанъ громовыхъ стрѣлъ;
.....
ты былъ несчастнымъ покровитель,
сиротъ отецъ и бѣдныхъ другъ!“

Муза снова избрала предметомъ своихъ пѣснопѣній Великаго Князя по случаю его кончины.

Бывшій воспитанникъ 2 кадетскаго корпуса, скрывшійся подъ инициалами Б. Б., выражался про Великаго Князя:

¹ Журн., LXX, 279.

² Ib. На день юбилея Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. 28 января 1848 г.

³ Ib. Весьма любопытно отмѣтить, что въ своей автобіографической запискѣ, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ (1873, т. VII, 109), по поводу этого стихотворенія, Хмыровъ пишетъ: „началъ печататься подневольно, написавъ, по приказанію кадетскаго начальства, стихотвореніе на случай 50-ти лѣтняго юбилея службы (и жизни) великаго князя Михаила Павловича; стихотвореніе это, безъ согласія и даже вѣдома автора, тиснуто въ одной изъ книжекъ журнала военно-учебныхъ заведеній, за 1848 г.“

⁴ Ib.

„за падшихъ ходатай предъ царскимъ престоломъ,
соратникамъ вѣрный помощникъ въ трудъ“¹

Воспитанникъ лица Петръ Свѣчинъ пѣлъ:

„подпора трона, братъ Царя,
побѣдоносныхъ войскъ водитель,
строптивыхъ страшная гроза
и бѣдныхъ щедрый покровитель!“²

Кадетъ 2 кадетскаго корпуса Николай Кривоблоцкій патетически восклицалъ:

„Россія, плачь, не стало Михаила,
нѣтъ полной на небѣ звѣзды!“³

Особую отзывчивость на чужое горе, на чужія нужды подчеркиваетъ Лебедевъ⁴. По мнѣнію Лебедева, Михаилъ Павловичъ былъ тотъ,

„кто много въ жизни испыталъ
среди утратъ, среди лишеній,
чужою скорбью кто страдалъ,
зналъ бремя чуждыхъ огорченій,
кто жилъ для счастья другихъ,
считалъ своимъ—чужое горе,
кто переплылъ сей жизни море
въ заботахъ о дѣлахъ чужихъ,
былъ весь—добро, былъ весь—любовь!“

Бартоломей образно писалъ⁵:

„среди побѣдъ и торжества,
при ликованьи громкой славы,
съ небесъ вдругъ свѣтлая звѣзда,
скатась, исчезла средь Варшавы“.

Отношенія Михаила Павловича къ Царственному брату Марковъ характеризуетъ двустышіемъ⁶:

„сотрудникъ безукорный брата,
и лучшій подданный его“.

Не забыта и древняя Русь съ ея громкими именами, начинающими тускло свѣтить сквозь дымчатую грань прошлаго. Древняя Русь—это млечный путь историческаго небосклона Россіи.

¹ Журн., СХХХ, 517. Голосъ русскаго по случаю кончины Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.

² Ib. На смерть Великаго Князя Михаила Павловича.

³ Ib. На смерть отца.

⁴ Ib. Глазъ скорби о кончинѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. 28 августа 1849 г.

⁵ Ib. На кончину Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.

⁶ Ib. 28 августа 1849 г.

Иванъ Грозный... Его трагическая фигура, достойная шекспировскаго пера, не разъ служила темой и для историческихъ романовъ, и для историческихъ драмъ. Вспомните хотя бы почти современныхъ намъ Алексѣя Толстого, Мея, Островскаго... Въ журналѣ тоже не разъ приводятся отрывки изъ трагедій, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является первый русскій Царь Казанскаго Царства. Въ уста лица, обращающаго свою рѣчь къ Іоанну, авторъ вкладываетъ такую строфу ¹:

„ты во младенчествѣ—Самсонъ могучій!
ты въ отрокахъ—премудрый Соломонъ!
въ твоихъ рукахъ сросется, оживетъ
разбитый трупъ державы Ярославъ!
въ твоей Москвѣ воскреснетъ Византія,
имперія восточная возстанетъ
и третій Римъ законъ предпишетъ міру“.

Точно также трагична фигура Царя Василія Ивановича Шуйскаго, вышедшаго изъ-подъ плахи для царскаго вѣнца. Въ трагедіи, посвященной его личности и приводимой въ извлеченіяхъ въ Журналѣ ², встрѣчаются великолѣпные монологи. Такъ, Царь Шуйскій говоритъ:

„не я-ль велѣлъ моимъ гонцамъ
не знать ко мнѣ ни на—волю пощады?
гдѣ бъ ни былъ я, среди-ль семьи родной,
илъ на пиру, иль на одрѣ болѣзни,
зови, хотя бы я стоялъ у алтаря;
могу ль безпечнымъ быть и нѣжиться въ покоѣ,
когда взываетъ къ намъ отечество святое?
Охъ, ноша тяжела на плечахъ у царя
не зависти достоинъ царь—участья;
высоки! мы издали его привыкли видѣть,
а издали все гладко для очей!“

Встрѣчается любопытный діалогъ между Царемъ и Ляпуновымъ, который на полувопросъ царя

„что храбрость намъ безъ ратнаго искусства?

отвѣчаетъ сравненіемъ—

„какъ порохъ безъ ружья!“

Нѣкоторую чрезмѣрную бравадою, отдающею крикомъ о забросаніи Европы шайками, звучитъ четверостишіе Ляпунова:

¹ Журн., I, 200. Отрывокъ изъ трагедіи Вояринъ Федоръ Федоровичъ Басенокъ.

² Журн., XII, 45 и XLIV, 174. Соч. Ободовскаго.

„вотъ, вотъ начертано: Европа! вотъ она
вотъ неуклюжія тщедушныя землицы!
что пользы въ нихъ? нѣтъ! намъ не надо ихъ;
стволомъ владѣемъ мы -- не надо тощихъ сучьевъ!“

Про зародившееся желаніе объ избраніи на царство Михаила
Федоровича, положившее конецъ тяжкому московскому раззоренію,
передаетъ разговоръ Ляпунова съ князьями. Вотъ этотъ отрывокъ.

Ляпуновъ:

„я признаю Романовыхъ законность;
По старшинству наслѣдья Филаретъ,
какъ ближній родственникъ царицы незабвенной,
и могъ бы царствовать надъ русскою землею...
Но онъ неволею постриженъ Годуновымъ,
и суетъ мирской онъ келью предпочелъ.“

Кн. Илья Петровичъ:

„Господь благословилъ его достойнымъ сыномъ.
смиранный Михаилъ цвѣтетъ въ монастырѣ
Ипатьевскомъ, близъ Костромы.“

Кн. Воротынскій:

„и слышно.
что кротостью, смиреніемъ привязалъ
сердца костромитянъ“.

Ермакъ, давшій толчекъ движенію Россіи на Дальній Востокъ,
конечно, тоже составляетъ крупное историческое имя. Безспорно,
не онъ одинъ завоевалъ необъятную Сибирь, но онъ далъ выходъ
Россіи на востокъ, и Журналъ справедливо говоритъ про него ¹:
„Ермакъ нисколько не завоевалъ Сибири; онъ погибъ въ своемъ
предпріятіи, а отъ Искера оставалось еще большое пространство зе-
мель до пролива Дежнева и до береговъ Амура, которое надобно
было пройти и завоевать русскому народу, пока онъ могъ сказать—
Сибирь завоевана! Дежневу и Хабарову принадлежала честь въ пер-
вый разъ пронести имя русское между Америкой и Азіей и грозно
сказать его на берегахъ Амура, тревожа тѣмъ неподвижный Ки-
тай“. Какъ подобаетъ герою, и Ермакъ тревожилъ спокойствіе музы
поэзіи и про него Дмитріевъ, между прочимъ, пѣлъ ²:

¹ Журн., XXVII, 105. Историческіе акты о подвигахъ Ерофея Хабарова на
Амуръ въ 1649—1651 гг.

² Журн., III, 11.

„гдѣ обелискъ твой? мы не знаемъ,
гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ;
увы! онъ вепремь помираемъ,
или осякъ по немъ бѣжитъ
за ланю быстрой и рогатой,
прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой!“

Съ московскимъ лихолѣтьемъ тѣсно связано незабвенное имя князя Пожарскаго. Тотъ же историческій „пѣта“ Дмитріевъ образно выражался про освобожденіе Москвы ¹:

„уже гремѣть въ поляхъ кольчуги,
„далече пыль встаетъ столбомъ,
„идутъ Россіи вѣрны слуги,
„несетъ ихъ вождь, Пожарскій, громъ“.

Журналъ приводитъ любопытный подлинный историческій документъ, касающійся князя Пожарскаго, — письмо его отъ 20 іюня 1612 г. къ императору Матіасу ²: „такъ какъ мы заботимся о томъ, чтобъ московитская земля не погибла совершенно, то покорнѣйше просимъ ваше римское императорское величество не оставить насъ своею милостію; когда же Богъ дастъ нашей землѣ придти въ прежній миръ и дастъ намъ Государя, тогда мы пришлемъ къ вашему римскому императорскому величеству большаго посла“; грамота была написана изъ „высокохвальнаго“ Ярославля.

Малороссійскій гетманъ Хмѣльницкій, осуществившій, строго говоря, идею объединенія Россіи, тоже личность крупная и выдающаяся. Его пѣснопѣвецъ передаетъ его рѣчь въ такихъ выраженіяхъ ³:

„направо степь, налѣво степь кругомъ,
нигдѣ преградъ природа не дала
намъ отъ враговъ; задумали—и разомъ,
какъ воды къ намъ текутъ со всѣхъ сторонъ!
границы наши—буквы на песокъ;
повѣялъ вѣтръ—и ихъ, какъ не бывало!..
.....
и мы, и наша праведная вѣра
отъ иноземцевъ много потерпѣли,
пора бы намъ и отдохнуть немного
а тутъ Господь спасенье шлетъ съ небесъ;
московскій царь, родной, единовѣрный,
согласенъ насъ и праведную церковь
на вѣкъ подъ свой покровъ высокій взять!“

¹ Журн., VIII, 30.

² Журн., XXVIII, 109.

³ Журн., XLIV, 175. Стихи Гребенко.

Къ свѣтлымъ личностямъ русскаго прошлаго принадлежитъ, между прочимъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, этотъ типичнѣйшій и просвѣщенный меценатъ.

Подробностямъ его жизнеописанія журналъ посвящаетъ рядъ очерковъ.

Въ одномъ изъ нихъ ¹ взято эпиграфомъ выраженіе Батюшкова: „мы забудемъ со временемъ однофамильца Шувалова, который писалъ остроумные стихи на французскомъ языкѣ, который удивлялъ Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученыхъ и неученыхъ парижанъ любезностью, веселостью и учтивостью, достойною временъ Людовика XIV, но того Шувалова, который покровительствовалъ Ломоносову, никогда не забудемъ; имя его навсегда останется драгоценно музамъ отечественнымъ“. Въ этой статьѣ передается случай, давшій Ломоносову поводъ написать свой извѣстный трудъ о пользѣ стекла. „На одинъ изъ Шуваловскихъ обѣдовъ Ломоносовъ явился во французскомъ кафтанѣ съ большими стеклянными пуговицами, какія тогда нашивали. Кто-то изъ гостей замѣтилъ, что стеклянные пуговицы давно вышли изъ моды. Ломоносовъ съ обыкновенною своею горячностью и нѣкоторымъ педантствомъ, которое теперь кажется страннымъ, но тогда было въ большомъ ходу, сталъ возражать, что онъ не перестанетъ носить ихъ изъ уваженія къ стеклу, что сіе послѣднее гораздо лучше металловъ приносить великую пользу и проч. Хозяинъ тотчасъ воспользовался случаемъ и попросилъ Ломоносова изложить все сказанное въ стихахъ. Такъ произошло извѣстное письмо о пользѣ стекла:

„неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
которые стекло чтутъ ниже минераловъ“.

Другой очеркъ ² заключается двустихіемъ Державина:

„онъ жилъ для всенародной льготы и покровительства наукъ“.

Здѣсь приводится письмо Вольтера къ Даламберту отъ 19 ноября 1773 г., гдѣ, между прочимъ, великій писатель шутливо замѣчалъ: „встрѣча съ русскими постоянно убѣждаетъ меня, что Атилла былъ человѣкъ пріятный и что сестра Императора Гонорія поступила благоразумно, рѣшившись быть его супругою“.

Кстати объ отношеніи Шувалова къ Вольтеру. Послѣднему было поручено написать исторію Петра Великаго, конечно, на французскомъ языкѣ. Первый томъ былъ представленъ въ скоромъ времени для

¹ Журн., СХХІХ, 515.

² Журн., СХХХ, 517.

поднесения Императрицы Елизаветы, которая, однако, „была почти постоянно нездорова и вѣроятно Шуваловъ не находилъ удобнаго случая доложить ей о книгѣ Вольтера. Не получая долго отвѣта, сей послѣдній писалъ къ Шувалову (отъ 10 янв. 1761 г.): „я старѣю, здоровье мое плохо, и можетъ статься, что я умру, не докончивъ воздвигаемаго вами зданія. Но мнѣ тяжело будетъ умереть, не узнавъ, почтила ли достойная дочь Петра Великаго благосклоннымъ вниманіемъ своимъ трудъ, совершенный во славу ея родителя. Я льщу себя надеждою, что, благоговѣя передъ его памятью, она низойдетъ хотя на мгновеніе съ высоты, на которую возвело ее Небо, и поручить вашему превосходительству извѣстить меня, довольна ли она сколько-нибудь моею работою. По крайней мѣрѣ такъ благоволятъ обыкновенно поступать наши государи, даже относительно подданныхъ“. „Безъ сомнѣнія“, замѣчаетъ авторъ жизнеописанія Шувалова, „императрица милостиво одобрила книгу Вольтера. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль, которую имѣли въ виду, приглашая Вольтера писать исторію Петра Великаго, достигнута была вполнѣ, сочиненіе его разошлось по Европѣ, и на модномъ языкѣ того времени расточены были похвалы русской имперіи. Намъ нечего говорить о настоящихъ достоинствахъ сочиненія Вольтера. Не можемъ пропустить здѣсь одного замѣчанія Екатерины II. Уже вступивъ на престолъ, въ одномъ письмѣ своемъ къ Вольтеру, она говоритъ, что, если бы ему пришлось писать исторію Петра Великаго въ ея царствованіе, она доставила бы ему гораздо больше матеріаловъ. Конечно, это сказано не въ упрекъ Шувалову, ибо чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе открывалось новыхъ свѣдѣній, тѣмъ многочисленнѣе становились матеріалы. Изъ писемъ Вольтера видно, что Шуваловъ много работалъ надъ просмотромъ его труда, что сей послѣдній во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ проходилъ чрезъ его цензуру; не говоримъ уже о томъ, что онъ постоянно посылалъ Вольтеру разнаго рода матеріалы, письма Петра Великаго, письма Лещинскаго, бумаги о Персидскомъ походѣ и проч.“. „Второй томъ исторіи, точно такъ-же, какъ и первый, былъ просмотрѣнъ и дополненъ Шуваловымъ въ черновомъ видѣ. Вольтеръ писалъ его впрочемъ гораздо медленнѣе, нежели первый, будучи отвлекаемъ другою большою работою, изданіемъ сочиненія Корнелия, который онъ печаталъ въ Женевѣ съ своими примѣчаніями, въ пользу дочери знаменитаго трагика. Это было великолѣпное изданіе, съ гравюрами. Вольтеръ открылъ на него подписку, и по просьбѣ его императрица Елизавета Петровна и Шуваловъ подписались на нѣсколько экземпляровъ. Въ концѣ 1761 года Вольтеръ съ прежнею

ревностью принялся за оставленный трудъ. Въ теченіе осени онъ писалъ къ Шувалову почти каждую недѣлю, испрашивая совѣтовъ, указаній, разрѣшенія своихъ сомнѣній (его особенно затрудняло дѣло царевича Алексѣя Петровича), возражая на замѣчаніе и требуя скорѣйшихъ отвѣтовъ“.

„Но въ это время Шувалову было уже не до Вольтера. Въ жизни и судьбѣ его готовилась рѣшительная перемѣна. Весь конецъ 1761 года болѣзнь императрицы постоянно усиливалась, такъ что не оставалось болѣе надежды на выздоровленіе. Наконецъ, совершилось событіе, такъ долго грозившее петербургскому двору рѣшительнымъ переворотомъ: въ день Рождества Христова, послѣ тяжкихъ и мучительныхъ страданій, Елизавета Петровна скончалась на 53 году отъ роду. Во дворцѣ, въ городѣ и въ цѣломъ государствѣ произошла рѣшительная перемѣна“¹.

Имя Миниха—тоже крупное имя русской исторіи. Любопытна его записка, поданная предъ поступленіемъ его на русскую службу. Имѣя много данныхъ для того, чтобы начать эту записку съ перечисленія своихъ знаній и положительныхъ качествъ, Минихъ сперва излагаетъ все то, чего онъ не знаетъ.

Вотъ эта записка, датированная 14—25 марта 1721 г.:

„1. Въ семъ прекрасномъ флотѣ и въ отношеніи къ морскимъ судамъ не могу служить Его Величеству, не имѣя по сей части никакихъ познаній.

2. По артиллеріи равномѣрно не могу служить, не зная ее въ подробности и умѣя распоряжаться ею только при атакѣ и оборонѣ крѣпостей и въ сраженіяхъ.

3. По кавалеріи не могу оказать большихъ услугъ Его Величеству, ибо всегда служилъ въ пѣхотѣ.

4. По части гражданской архитектуры могу оказать только посредственныя услуги, хотя и построилъ въ Германіи и въ Польшѣ зданія, имѣвшія счастье заслужить общее одобреніе людей со вкусомъ.

Напротивъ, вотъ предметы, по коимъ я могъ бы служить Его Величеству съ увѣренностью.

По пѣхотѣ я рассмотрю военные артикулы, регламенты, экзерциціи, дисциплину и хозяйственную часть и буду исполнять повелѣнія Его Величества и его генераловъ со всею точностью, къ какой способенъ вѣрный офицеръ.

¹ Журн., СХХХ, 516.

² Журн., XXXI, 131. Записка, поданная Минихомъ предъ вступленіемъ въ русскую службу.

2. Въ военной архитектурѣ, въ построеніи укрѣпленій, въ атакахъ и оборонѣ крѣпостей. Находившись при многихъ осадахъ, я изслѣдовалъ силу и слабость всѣхъ укрѣпленій, которыя, конечно, какъ опытъ показалъ, не способны къ оборонѣ. Я представлю средства ихъ исправить по новой системѣ. Вотъ главный пунктъ, по которому я надѣюсь удовлетворить ожиданіямъ Его Величества и оказать важныя услуги Его государству.

3. По обученію Великаго Князя, внука Его Царскаго Величества, математикѣ, фортификаціи и военному искусству“.

Не забыты и русскіе писатели, эти первые сѣятели на нивѣ народной.

Журналъ сообщаетъ біографію Державина ¹ и ключъ къ его произведеніямъ и приводитъ стихотвореніе Ознобишина на открытіе памятника Карамзину, знаменитому русскому историографу ²:

„насъ спросятъ—это кто? мы гордо скажемъ,—тотъ,
кому привѣтливо внималъ Благословенный
среди царственныхъ заботъ!
кто время Грознаго, безстрашный и свободный,
дѣляя темныя потомству передалъ;
впервые намъ раскрылъ языкъ простонародный,
Русь міру указалъ!“

Перепечатывается краткая эпитафія Батюшкова самому себѣ ³:

„не нужны надписи для камня моего,
пшшите просто здѣсь—онъ былъ и нѣтъ его!“

Помѣщаются біографическія черты забытаго теперь писателя — кн. И. М. Долгорукова ⁴. Самъ про себя Долгоруковъ писалъ:

„я—мелкая кроха князей тѣхъ крупныхъ, славныхъ,
изъ коихъ на Руси одинъ во дняхъ недавныхъ
Великому Царю велику правду рекъ,
не мнѣ чета былъ князь и громкій человѣкъ“.

Онъ признавалъ занятіе стихосложеніемъ лучшимъ утѣшеніемъ въ жизни для автора и писалъ: „я стихотворство почитаю цѣлитель-
лемъ моего унынія, товарищемъ въ скукѣ, способомъ наипрѣятнѣй-
шимъ коротать нечувствительно время, когда досада и злосключенія
изъ минутъ дѣлаютъ намъ годы“. При открытіи Владимірской гим-
назіи онъ сложилъ оду:

¹ Журн., I, 3. Изъ Московскаго Телеграфа за 1832 г.

² Журн., LVIII, 132. Открытіе памятника Карамзину.

³ Журн., XLVII, 188.

⁴ Журн., XCII, 365. Князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ и его сочиненія.
М. Дмитріевъ.

„но плодъ наукъ и прилежанья,
смирня буйственны желанья,
творить изъ насъ честныхъ людей,
Царю, отечеству полезныхъ,
своимъ согражданамъ любезныхъ,
надежныхъ твердостью мужей“.

На разоренный двѣнадцатый годъ Долгуроковъ откликнулся
отдѣльнымъ произведеніемъ ¹:

„Россія! ты—колоссъ, когда Москва свободна,
Россія! ты—раба, когда Москва въ плѣну!“

Запнимаясь литературой, Долгуроковъ считалъ себя далекимъ отъ
жизни и суетныхъ ея тревогъ:

„мнѣ нужны нѣтъ, гдѣ миръ, гдѣ драка,
куда полки бѣгутъ солдатъ,
который баринъ скушалъ рака,
какому данъ вельможѣ мать“ ².

Состоя на административныхъ должностяхъ, онъ не отличался
корыстолюбіемъ и эту свою черту изобразилъ въ четверостишіи:

„.... сдѣлавъ обыскъ самый вѣрный,
увидать ясно, безъ очковъ,
что мой достатокъ безпримѣрный
наростъ на языкѣ лжеца.“ ³

Каждая черточка въ жизни великаго человѣка—драгоцѣнна и
важна, какъ освѣщающая ту или другую сторону его характера и
поднимающая предъ нами тотъ или другой край завѣсы.

Дѣлая опыты для разслѣдованія причины грозы, Ломоносовъ
чуть не поплатился за свою любознательность жизнью, а профессоръ
Рихманъ, работавшій совмѣстно съ нимъ, былъ убитъ на смерть.
Ломоносовъ писалъ по этому поводу письмо Шувалову: „что я нынѣ
Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того что
мертвые не пишутъ“ ⁴.

Журналъ приводит двѣ любопытныхъ записочки Жуковского
одной бѣдной дѣвочки, случайно встрѣтившей въ ней покровителя ⁴.

„Помни всегда, что въ тотъ день, когда ты родилась на свѣтъ,
всѣ веселились и радовались,—писалъ Жуковский въ одной запискѣ,—
а ты одна плакала; помни это и живи такъ, чтобъ въ тотъ день,

¹ Плачъ надъ Москвой.

² Журн., ХСII, 366.

³ Журн., I, 4. Письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову.

⁴ Журн., CXVI, 462. Черта изъ жизни В. А. Жуковского.

когда ты будешь умирать, все плакали, а ты бы радовалась“. Другая записка гласила: „я странствовалъ среди чужихъ народовъ; я видѣлъ прекрасную природу, встрѣчалъ вездѣ гостепріимныхъ добродѣтельныхъ людей, но радость никогда не заглядывала въ мое сердце, въ немъ не было для нея мѣста, потому что его наполняло только одно чувство—тоска по родинѣ; помни, милое дитя, святое правило—послѣ любви къ Богу ничто на свѣтѣ не должно быть священнѣе любви къ отечеству“.

Судьба Ломоносова, изъ сына простого рыбака обратившагося въ извѣстѣйшаго ученаго и писателя, отдаетъ какой-то сказкой. Поэтому весьма понятно то удивленіе, которое испытываетъ всякій при чтеніи о скрытномъ оставленіи Ломоносовымъ-мальчикомъ своей родины и его, можно сказать, бѣгствѣ въ Москву. „Куда идетъ этотъ бѣдный безумецъ, безъ друзей и безъ денегъ,—пишетъ его біографъ,¹—противъ воли отца, безъ родного благословенія? О, не останавливайте его! не держите орла на привязи! пускай идетъ! у него хорошій провожатый: его судьба! пускай идетъ! это—шествіе генія къ его далекой, невѣдомой цѣли. И кто разгадаетъ это таинственное шествіе, кто пойметъ эту невидимую силу, которая такъ неодолимо влечетъ избранника судьбы?“

Великіе „мужи“ науки, расширившіе научные горизонты и обогатившіе міръ своими открытіями, также останавливали вниманіе журнала.

Приводится біографія знаменитаго астронома Тихо-де-Браге, повторившаго въ предсмертномъ бреду фразу—„*nonne frustra vixisse videor*“ (не напрасно ли я жилъ на свѣтѣ)².

Смерть Гете, философа-писателя и создателя безсмертнаго Фауста, нашла откликъ въ литературахъ всѣхъ странъ, и Баратынскій писалъ³:

„...старецъ великій смежилъ
орлиныя очи въ покоѣ,
почилъ безмятежно, зане совершилъ
въ предѣлѣхъ земномъ все земное!“

Бюффонъ—великій естество-испытатель. По словамъ его біографа⁴, изъ четырехъ великихъ людей XVIII вѣка (Руссо, Вольтера и Монтескье), Бюффонъ послѣднимъ „оставилъ свое земное по-

¹ Журн., XXIX, 115. Воейковъ. Ломоносовъ.

² Журн., LVII, 229. Тихонъ Браге.

³ Журн., LIII, 211. На смерть Гете.

⁴ Журн., CXXIX, 474. Нѣсколько словъ о Бюффонѣ.

прище"; онъ скончался 16 апрѣля 1788 г., и это былъ послѣдній день этого вѣка. Въ жизнеописаніи Бюффона обращаетъ на себя невольное вниманіе его фраза, заключающая глубокую мысль: „я не хочу продолжать разговора съ человѣкомъ, который, подумавши одинъ разъ въ жизни о предметѣ, позволяетъ себѣ возражать тому, кто имъ занимается цѣлую жизнь“. Эту же мысль можно выразить изрѣченіемъ: искусство (т. е. творчество, созиданіе) трудно, а критика (вѣрнѣе псевдо-критика) легка.

Имя кардинала Меццофанти теперь извѣстно всему міру: онъ владѣлъ болѣе чѣмъ тридцатью языками. Знаніе иностранныхъ языковъ вообще составляетъ продуктъ позднѣйшаго времени, а въ древности Энній съ гордостью говорилъ, что у него три сердца, такъ какъ онъ могъ изъясняться на трехъ языкахъ. Любопытно прослѣдить количество языковъ, на которыхъ была печатана молитва Господня въ одномъ сборникѣ. Грамме, въ 1622 г., напечаталъ Отче нашъ на 100 языкахъ, Джонъ Чемберлейнъ, въ 1715 г.,—на 122-хъ, Гесснеръ, въ 1746 г.,—на 200-хъ, а испанскій іезуитъ Лоренсо Гervasъ-и-Пандуро, въ 1787 г.—на 307-и. Рѣдкій случай, въ смыслѣ знанія многихъ языковъ, представляетъ защита Кричтопомъ своей диссертациі въ Парижѣ, приглашавшимъ дѣлать возраженія на 12 языкахъ ¹.

Наполеонъ, имя котораго долго будетъ красоваться въ лѣтописяхъ военной исторіи, конечно, привлекалъ особое вниманіе Журнала.

Съ гордостью могъ говорить этотъ великанъ-полководецъ, что подъ нимъ убито 18 или 19 лошадей ². Съ удивленіемъ можетъ повторять каждый его біографъ, что ко времени перехода имъ Нѣмана въ 1812 году его владычество признавали 85 миллионовъ человѣкъ, иначе говоря, ему повиновалась половина христіанскаго населенія; его повелѣнія исполнялись на пространствахъ въ 19 градусовъ широты и въ 30 градусовъ долготы ³.

Но жизнь—не сказка, и ея суровая дѣйствительность не любить сказочныхъ богатырей. Наполеонъ былъ военный геній, но чрезмѣрное честолюбіе его сразило. Развѣ не чрезмѣрностью его желаній и замысловъ полонъ его приказъ разстрѣлять плѣннаго генерала Винценгероде и жестокое обѣщаніе идти на Петербургъ и сбросить этотъ городъ въ Неву? ⁴ Братъ Наполеона такъ характеризо-

¹ Журн., СХХVI, 501.

² Журн., LXV, 258.

³ Журн., XC, 358. Походъ Наполеона въ Россію.

⁴ Журн., XC, 359. Походъ Наполеона въ Россію.

валъ его въ 1806 г. ¹: „я не вижу въ моемъ братѣ полного совершенства. Ему недостаетъ истиннаго величія: честолюбіе кружить ему голову и сбиваетъ его съ толку. Онъ ставитъ лишь самого себя крайнею цѣлью всѣхъ своихъ плановъ, колоссальныхъ предпріятій и изумительныхъ побѣдъ. Извѣстное изреченіе Людовика XIV давно уже не даетъ ему спать спокойно. Я бы простилъ ему пожизненное консульство, потому что эта маска обманывала республиканскую Францію, не подозрѣвавшую подъ нею скрытой королевской власти, и не внушала особенныхъ опасеній монархической Европѣ. Но имперія была грубою ошибкою съ его стороны... Это значило открыть борьбу между двумя началами, по самой натурѣ своей несомѣстными между собою: то или другое изъ нихъ должно погибнуть. Къ чему послужило присоединеніе Генуи, Пармы, Піаченцы, Піемонта и другихъ земель къ Франціи? Оно лишь произвело опасное раздраженіе умовъ и обратило противъ насъ общее мнѣніе. Не лучше ли было бы, безкорыстно увеличивъ Италіянское королевство присоединеніемъ къ нему всѣхъ этихъ земель, дать ему въ государи туземнаго принца и тѣмъ навсегда обезпечить будущее этой благой и несчастной страны? Да, я повторяю, мой братъ есть лишній членъ въ составѣ Европы; она до тѣхъ поръ не будетъ спокойна, пока онъ не исчезнетъ вовсе съ политической сцены“.

Двѣнадцатый годъ—годъ гибели Наполеона. Прибытіе Кутузова къ арміи измѣнило положеніе дѣлъ: до Кутузова русская армія была рука съ растопыренными пальцами, а послѣ его прибытія къ войскамъ—армія обратилась въ руку, сжатую въ кулакъ ².

Двѣнадцатый годъ привелъ Наполеона къ заточенію на островъ Елены. Журналъ даетъ описаніе жилища Наполеона на этомъ островѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его кончины ³. По словамъ Вилькса, посѣтившаго островъ, почти всѣ окна въ зданіи были разбиты, наружныя стѣны обвалились; билліардная полна грязи и нечистоты; стѣны ея исписаны углемъ; во второй комнатѣ, площадью въ 15—16 кв. фут., служившей столовой, помѣщалось маховое колесо и вѣяло; полъ былъ покрытъ соломой и мякиной; въ этой комнатѣ скончался Наполеонъ; библіотека отведена подъ кухню и кладовую; ванная, спальная и уборная обращены въ конюшни, а парадный залъ, гдѣ лежалъ трупъ Наполеона, былъ раздѣленъ на восемь стойлъ.

¹ Журн., CXV, 460. Жозефъ Бонапартъ въ Италіи и въ Испаніи.

² Журн., XXII, 88. Прибытіе Кутузова къ арміи (изъ „Очерковъ Вородинской битвы“).

³ Журн., LIX, 233. Лонгвудъ въ настоящее время.

Насколько Наполеона любили французы и насколько онъ самъ любилъ Францію, слѣдуетъ изъ двухъ анекдотовъ: Австріецъ и французъ заспорили о томъ, кто выше—Наполеонъ или эрцгерцогъ Карлъ; спорящіе приводили всякія качества, которыми въ равной мѣрѣ обладали и Наполеонъ, и Карлъ; наконецъ, австріецъ спросилъ, куритъ ли Наполеонъ.—Никогда!—отвѣчалъ французъ.—Вотъ то-то и есть, а эрцгерцогъ Карлъ считается у насъ первымъ курильщикомъ арміи; значитъ, у него однимъ хорошимъ качествомъ больше.—Французъ не потерялся отъ этого аргумента и возразилъ: Наполеонъ хотя и не куритъ трубки, такъ за то онъ мастеръ обкуривать другихъ своимъ порохомъ. Другой анекдотъ приписываетъ Наполеону фразу, что первая нація въ Лондонѣ—англичане, въ Вѣнѣ—австрійцы, въ Берлинѣ—пруссакіи, но въ Европѣ—французы ¹.

Такимъ образомъ Журналъ въ своемъ біографическомъ отдѣлѣ останавливался также и на иностранцахъ, какъ бы слѣдуя изреченію эрцгерцога Карла—„слава заставляетъ меня забывать всякое различіе націй, она есть принадлежность всемірная“ ².

Изъ предыдущаго, хотя бы и эпизодическаго, изложенія слѣдуетъ, что исторіи Журналъ отводилъ особо-выдающееся мѣсто, помѣщая значительное число біографическихъ очерковъ, что—опять повторяю—является удачнымъ педагогическимъ приѣмомъ. И если по своимъ специально-военнымъ статьямъ, техническаго или бытового характера, Журналъ являлся органомъ военнымъ, то по богатству біографическаго отдѣла о жизни замѣчательныхъ людей Журналъ въ полной мѣрѣ заслуживаетъ названіе педагогическаго. Какъ бы въ оправданіе этого обилія біографическаго матеріала, въ Журналѣ имѣется изреченіе, взятое эпиграфомъ къ одной изъ статей—„арабъ, калмыкъ, кафръ и бедуинъ равно поютъ своихъ героев“ ³. Но это оправданіе излишне: на знакомствѣ съ прошлымъ своей родины и ея первыми людьми основывается благородная и сознательная любовь къ отечеству, являющаяся лучшимъ и культурнѣйшимъ качествомъ человѣка.

Приведу адѣсь выдержку изъ воспоминаній А. Д. Сатина ⁴, доказывающую, насколько сильное впечатлѣніе производило на тогдаш-

¹ Журн., СХХ, 478.

² Журн., СХХ, 478. Воспоминанія о Шенбрунскомъ замкѣ.

³ Журн., XXXVI, 141. Ивашевъ. Матеріалы для исторіи вѣка Екатерины.

⁴ Истор. Вѣстн., 1890, май, 590—591.

нихъ читателей-кадетъ чтеніе героическихъ очерковъ русской исторіи. Статья Журнала произвела на него впечатлѣніе на всю жизнь.

„Богъ сжалился надо мною — пишетъ Сатинъ,—и я прозрѣлъ. Читая „Журналъ военно-ученыхъ заведеній“¹, я попалъ на описаніе взятія Царемъ Петромъ старинной русской крѣпости Орѣшекъ, отнятой у насъ шведами. Князь Михайлъ Михайловичъ Голицынъ первымъ полѣзъ, по приставленной лѣстницѣ, на штурмъ крѣпости и, когда уже былъ на половинѣ ея, прибѣжалъ денщикъ царя съ приказаніемъ отступить.—„Скажи Царю, что я теперь принадлежу Богу“, молвилъ Голицынъ, полѣзъ дальше и взялъ крѣпость“. Черезъ четыре года послѣ этого чтенія, въ чинѣ мичмана, Сатинъ былъ на борту „Трехъ святителей“; Нахимовъ велъ флотъ въ Синопъ. Началась пальба. Сатинъ вздрогнулъ. Имя М. М. Голицына мелькнуло у него въ головѣ, онъ перекрестился и, предавъ себя волѣ Божіей, былъ почти покоенъ. „Много, съ тѣхъ поръ, пролетѣло пуль, картечи и ядеръ надъ моей головой,—заканчиваетъ воспоминанія Сатинъ,—но каждый разъ, когда я видѣлъ первый клубъ дыма, я крестился и вспоминалъ незабвенное для меня имя блаженной памяти князя Михаила Михайловича Голицына“.

¹ Такимъ названіемъ Сатинъ называетъ журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній.

III

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ

Уроки дѣтства вырѣзываются на камнѣ; уроки зрѣлаго возраста исчезаютъ, какъ птичьи гнѣзда.

Журн., CI, 404.

Не на всякой почвѣ все можетъ расти: на одной—хорошо растетъ рожь, на другой—виноградъ.

Вирилій.

Патріотическія статьи.—Отечественовѣдѣніе; сосѣди Россіи.—Природовѣдѣніе.—Успѣхи знаній; суевѣріе.—Назидательныя статьи; церковныя рѣчи.—Веллетристика; авторы-кадеты.—Афоризмы.—Заключеніе.

Переходя къ статьямъ Журнала, которые можно сгруппировать въ одинъ научно-литературный отдѣлъ, слѣдуетъ прежде всего остановиться на такихъ, каковыя относятся къ публицистикѣ. Если квасной патріотизмъ, со своей дѣтской угрозой закидать всю Европу шалками, не выдерживаетъ соприкосновенія съ жесткой дѣйствительностью, то одновременно жалокъ и нищъ своимъ духомъ народъ, не обладающій чувствомъ любви къ родинѣ и лишенный сознанія своей силы и пониманія своего мірового положенія. Статьи Журнала публицистическаго характера имѣютъ цѣлью подогрѣть въ сердцахъ будущихъ воиновъ эту святую и благородную любовь къ отечеству.

Въ любопытныхъ діалогахъ Кантеміра со своими собесѣдниками ¹, первый русскій сатирикъ оспариваетъ предположеніе иностранца о томъ, что „всѣ усилія исполинскаго царя ², все, что онъ ни сотворилъ желѣзною рукою, все разрушится, упадетъ и исчезнетъ“. По мнѣнію Кантеміра, вѣрившаго въ будущность русскаго государства, „Россія пробудилась отъ глубокаго сна, подобно баснословному эпимениду; заря, освѣтившая нашу землю, предвѣщаетъ прекрасное утро, великолѣпный полдень и ясный вечеръ“. Указаніе своего противника на бѣдность русской природы и суровость сѣвернаго климата Кантеміръ разбиваетъ горячею рѣчью: „иностранцы, говоря о нашемъ отечествѣ, полагаютъ вообще, что Московія покрыта вѣчными снѣгами, населена—дикими; они забываютъ, что въ то время, когда житель влажныхъ береговъ Бѣлаго моря ходитъ за куницею на быстрыхъ лыжахъ своихъ, счастливый обитатель устьевъ Волги собираетъ пшеницу и благодатное просо; самый сѣверъ не столь ужасенъ взорамъ путешественника, ибо онъ даетъ все потреб-

¹ Журн., XIII, 51. Вечеръ у Кантеміра. Батюшковъ.

² Здѣсь, очевидно, подразумѣвается Петръ Великій.

ное воздѣлывателю полей; съ успѣхами людскости¹ и просвѣщенія, сѣверъ безпрестанно измѣняется и, если смѣю сказать, прирастаетъ къ просвѣщенной Европѣ; скажите, когда Тацитъ описывалъ германцевъ, думалъ ли тогда Тацитъ, что въ дикихъ лѣсахъ ея возникнутъ города великолѣпные, что въ древней Панноніи и Норикѣ родятся свѣтильники ума человѣческаго“.

Въ патріотическомъ стихотвореніи „врагамъ Россіи“ авторъ-кадетъ² въ звучныхъ строфахъ пишетъ:

„забывъ походъ нашъ чрезъ Балканы,
куда шагнулъ побѣдный строй,
насъ дерзко вызвали османы
на грозный, на послѣдній бой“.

Исходъ борьбы для автора предопредѣленъ, и его онъ разрѣшаетъ вопросомъ:

„сразить ли Порты Русь святую,
коль въ ней погибъ Наполеонъ?“

и вспоминаетъ годъ отечественной войны:

„слыхали-ль вы про грозный годъ,
когда, презрѣвъ племя угрозы,
сломиль Европу нашъ народъ?“

Громаднѣйшее пространство Россіи, въ которомъ только за самое послѣднее время люди, имѣющіе особый способъ мышленія, видѣли залогъ русскаго безсилія, всегда будетъ составлять и всегда составляло видимый знакъ мощи. Въ нѣсколько ходульных, но по мысли правильныхъ, строфахъ Кукольникъ обрисовываетъ „пространственность“ Россіи³:

„не семь холмовъ, а семь морей—
подножіе святой Державы,
три части свѣта—доже сѣ,
полміра—мѣра русской славы!
И, будто дома, рыжій финъ
могилу роетъ Митридата,
съ товаромъ тащится литвинъ
отъ Арарата до Карпаты,
съ Амуръ въ Калишъ нашъ солдатъ
идетъ прогулкой на парадъ!“

¹ По современному географическому термину, съ увеличеніемъ плотности народонаселенія.

² Журн., CVIII, 429. Авторъ—воспитанникъ Дворянскаго полка Василій Пото.

³ Журн., XXXIX, 155. Имперія. Кукольникъ.

Другой поэтъ писалъ про Россію ¹:

„гдѣ предѣлы ея границамъ?
нѣтъ числа ея войскамъ!
гдѣ соперники столицамъ—
златоглавымъ городамъ?
Но Россія испытала
много, много горькихъ золь...
Отъ поляковъ пострадала
и громилъ ее монголъ...
Вдругъ далекій небосклонъ
омрачился облаками,
и со многими полками
къ намъ пришелъ Наполеонъ,
и вскипѣла непогода!
Русскій царь всю Русь поднялъ!
Брань двѣнадцатаго года
помнить будетъ вѣчно галль!
гдѣ полки его дѣвались?
гдѣ плоды его побѣдъ?
снѣгъ и вьюга разыгрались,
въ тылъ врагамъ своимъ помчались,—
и простылъ французовъ слѣдъ!“

Племенной составъ Россіи довольно разнообразенъ, но это обстоятельство не мѣшаетъ быть Россіи сплоченной: „нѣмецъ-ли, татаринъ-ли, подѣ русскимъ небомъ, да въ русскомъ снѣгу, все закаливается въ булатное и мягко-русскій“ ².

Тютчевъ, тонкій мыслитель, выражался, что Россію нельзя мѣрить общимъ аршиномъ, что у нея особенная статья. Но эта особенная статья не мѣшаетъ Россіи быть европейскимъ государствомъ. Приобщеніе Россіи къ Европѣ произошло при Петрѣ Великомъ; по удачному выраженію Погодина ³, „Россія есть часть Европы“, и она „должна раздѣлить судьбу ея и участвовать въ ея движеніи, какъ планета повинуется законамъ своей солнечной системы; волей и неволей она должна была подвергнуться вліянію Европы, когда концентрическіе круги западнаго образованія, распространяясь далѣе и далѣе, приблизились къ ней и начали ее захватывать“.

Любя Россію, нельзя не любить Москвы. Это—ея сердце. „Предпринимая говорить о Россіи, не должно ли начать Москвой, а, говоря о Москвѣ, не надлежитъ ли прежде всего сказать о Кремлѣ, семъ палладіумѣ славы и величія царства русскаго“, говоритъ статья

¹ Журн., LIV, 215. Россія.

² Журн., XLVI, 182. Солдатское сердце или бивуаки въ Соволакѣ. Военные анекдоты изъ финляндской кампаніи. Полевой.

³ Журн., XXXIV, 133. Петръ Великій. Погодинъ.

Журнала ¹ и, вспоминая при этомъ слова Наполеона—„не будь Кремля!“, слова, не приведенныя въ исполненіе—„но Кремль стоитъ священный!“

Москвѣ посвященъ рядъ стихотвореній, и Журналъ ихъ охотно перепечатываетъ. Для примѣра укажу на извѣстнѣйшее стихотвореніе Глинки ², вошедшее во многія хрестоматіи, съ его извѣстнѣйшими строфами:

„городъ чудный, городъ древній,
ты вмѣстилъ въ свои концы
и посады, и деревни,
и палаты, и дворцы;
оюсанъ лентой пашень,
весь пестрѣешь ты въ садахъ,
сколько храмовъ, сколько башень
на семи твоихъ холмахъ!“

Приводится стихотвореніе Бенедиктова ³:

„хоть старушка, хоть сѣдая,
а все пламенная,
свѣтозарная, святая,
златоглавая, родная,
бѣлокаменная!“

Москва—многотерпѣливая, многострадальная Москва...

Москва, дѣйствительно, заслуживаетъ эпитета многострадальной. Помимо московскаго пожара во время французскаго нашествія, сколько разъ она горѣла по собственной неосторожности, сколько иноземныхъ ратей она видѣла подъ своими стѣнами, сколько повальныхъ болѣзней являлись къ ней непрошенными гостями. Московскій моръ въ царствованіе Екатерины II былъ одною изъ тяжелыхъ эпохъ въ исторіи первопрестольной столицы. Издатель журнала „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, въ своихъ запискахъ, пишетъ про этотъ моръ ⁴: „я самъ видѣлъ, и волосы поднимались дыбомъ, какъ фурманщики въ маскахъ и воцаныхъ плащахъ, воплощенные дьяволы, длинными крючьями таскали трупы изъ вымороченныхъ домовъ, другіе подымали на улицѣ, клали на телѣгу и везли за городъ, а не къ церквамъ, гдѣ оныя прежде похоронялись и гдѣ уже было запрещено хоронить ихъ; у кого рука въ колесѣ, у кого—

¹ Журн., LI, 203. Историческій очеркъ Кремля и его соборовъ (изъ сочиненія Свинына—картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ей народовъ).

² Журн., XXX, 119. Москва. Глинка.

³ Журн., XVI, 64. Москва. Бенедиктовъ.

⁴ Журн., I, 3. Моимъ дѣтямъ. Подшиваловъ.

нога, у кого—голова черезъ край висить и, обезображенная, безобразно болтается; человѣкъ по двадцать разомъ вваливали на телегу“.

Въ справедливомъ сознаніи того, что любовь къ отечеству можетъ укрѣпиться лишь при знакомствѣ съ нимъ, Журналъ печаталъ свѣдѣнія о различныхъ частяхъ и городахъ русскаго государства.

Построенный на финскихъ болотахъ, въ мракѣ сѣвера, почти близъ чужеземной границы, Петербургъ получилъ главенство надъ Москвой. Отношенія обоихъ городовъ полны трагизма и не разъ служили темой и публицистическихъ статей—вспомните хотя бы Гоголя—и стихотворныхъ произведеній.

Петербургъ

„всталъ, красавецъ полуночи,
на землѣ полужужой,
гордо глянулъ міру въ очи,
опоясался Невой;
и у ногъ его сердито
волны финскія кипятъ;
весь онъ въ латахъ изъ гранита
съ головы до самыхъ пятъ;
держитъ онъ въ рукъ могучей
богатырское копьё
и горитъ его за тучей
золотое остріе“¹.

Между прочимъ, журналъ сообщалъ о скромномъ подвигѣ крестьянина Телушкина, который, при позолотѣ адмиралтейскаго шпица, въ виду дороговизны строительныхъ лѣсовъ, предложилъ „одинъ, лично, произвести всѣ исправленія въ крестѣ и ангелѣ, безъ пособія лѣсовъ, прося платежа только за матеріалы, которыхъ требуетъ работа, награду же трудовъ своихъ предоставляя усмотрѣнію начальства“². Предпріятіе Телушкина увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Крымъ, этой жемчужинѣ русской короны по выраженію Екатерины Великой, Журналъ отводитъ также рядъ замѣтокъ и описываетъ знаменитый Георгіевскій монастырь, „гдѣ, по увѣренію Страбона, Геродота, Плинія и другихъ древнихъ писателей, стоялъ тотъ самый храмъ Діаны, изъ котораго аргонавты похитили золотое руно“³.

Пишетъ статью о Крымѣ и Всеволожскій⁴. „Я вѣзжаю въ Тавриду или Крымъ,—пишетъ онъ,—гнѣздо, изъ котораго столько

¹ Журн., XXIII, 90. Городъ. Прокоповичъ.

² Журн., XIV, 53. Петропавловскій соборъ въ С.-Петербурѣ.

³ Журн., LI, 204. Монастырь св. Георгія въ Крыму.

⁴ Журн., XXII, 87. Крымъ и Одесса.

вѣковъ хищные татары, какъ саранча, влетали въ предѣлы Россіи, жгли села, города наши, грабили, убивали мирныхъ жителей пограничныхъ губерній и уводили женъ и младенцевъ въ плѣнъ“. У колодца около Демирджинской скалы Всеволожскій припоминаетъ, что „близъ сего мѣста въ сраженіи противу турокъ генераль-маіоръ Михаилъ Кутузовъ, что послѣ былъ фельдмаршаломъ и княземъ Смоленскимъ, раненъ въ глазъ“.

Финляндія, сѣверная оконечность Россіи, со своей суровой природой, являетъ противоположность нѣжному Крыму. „Я видѣлъ страну,—писалъ Батюшковъ въ 1809 г.,—близкую къ полюсу, соседнюю гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ“¹. Въ этой странѣ, фразы—„онъ круглый годъ ѣстъ чистый хлѣбъ“ и „онъ немовѣрно богатъ“ значать одно и то же². Бѣдность страны общепзвѣстна: одинъ путешественникъ, посѣтивъ крестьянскую хижину, увидѣлъ возлѣ печки нѣсколько нанизанныхъ на шестахъ темно-желтыхъ кусковъ внутренняго слоя еловой коры, похожихъ на лоскутья желтой кожи; на вопросъ, что это такое, хозяинъ отвѣчалъ: „добрый господинъ, изъ этого будетъ хлѣбъ!“

По описанію Финляндіи Баратынскимъ³,

„на горы тамъ
поверглись каменные горы;
тамъ холмъ очей не веселить,—
онъ лавой каменной облитъ;
главу одѣвши въ мохъ игольный,
угрюмымъ сторожемъ стоитъ
на немъ гранить пирамидальный“.

На сѣверо-западѣ—другіе инородцы; это—эсты и ливы. Описывая ихъ нравы, Журналъ приводитъ рядъ мѣстныхъ пословицъ и загадокъ⁴: „старая дорога—старый другъ; что подымается безъ крыльевъ? (пухъ); одна бочка, а двухъ сортовъ пиво въ ней? (яйцо); красная собачка лаетъ за костянымъ заборомъ! (языкъ); снизу одушевленно, сверху одушевленно, а посрединѣ—неодушевленно! (лошадь съ сѣдломъ и всадникомъ).“

Мудрая пословица—не купи села, а купи сосѣда—въ отношеніи къ печатному органу предписываетъ знакомиться съ чужими краями.

¹ Журн., I, 3. Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи.

² Журн., XXIV, 96. О природѣ финляндской, о нравахъ и образѣ жизни народа во внутренности края.

³ Журн., XXX, 118. Финляндія.

⁴ Журн., LXXXIX, 354. Нравы и обычаи эстовъ.

Въ письмахъ объ Испаніи ¹ Боткинъ передаетъ рядъ цѣнныхъ подробностей объ испанскомъ бытѣ и о прошломъ этой страны кастаньетъ, боя быковъ, торреадоровъ, этого края Маріи Пречистой. Нищенство развито въ Испаніи въ самой высокой степени: „въ каждомъ селеніи делижансѣ окружали толпы нищихъ, дѣти въ лохмотьяхъ, дѣти вовсе голыя, старый и малый,—все просятъ милостыню“. Хвастовство испанцевъ порою напоминаетъ рассказъ Крыловскаго лжеца объ огурцѣ. Хозяинъ одной гостиницы, гдѣ останавливался Боткинъ, увѣрялъ послѣдняго, что тамъ останавливался и ночевалъ Донъ-Кихотъ. Сообщаетъ также Боткинъ, что арабы, во время своего владычества въ Испаніи, были очень учены; въ одной арабской Испаніи было семьдесятъ публичныхъ библиотекъ; должность управителя главной библиотеки въ Кордовѣ почиталась наипочетнѣйшею; эта библиотека была такъ велика, что каталогъ ея состоялъ изъ 44 томовъ по 50 листовъ каждый.

Другая южная страна — страна апельсиновъ; это — „Италія, отчизна вдохновенья“ ². „Земля здѣсь,—писалъ про Италію Яковлевъ ³,—убрана цвѣтами, какъ жертва на языческомъ праздникѣ“.

Не забыть и далекій сосѣдъ Россіи, съ которымъ пришлось ей въ XX вѣкѣ вести тяжелую борьбу. Я подразумеваю Японію.

„Микадо перемѣняетъ мѣсто не иначе, какъ несомый на плечахъ своихъ вѣрныхъ слугъ — читаемъ въ Журналѣ ⁴—и никогда не является взорамъ непосвященныхъ. Волосы и ногти остригаютъ ему немного только во время сна такъ, чтобы онъ этого не чувствовалъ. Все, что онъ ни употребляетъ изъ платья, посуды или другихъ вещей, ежедневно ему подается новое и затѣмъ немедленно истребляется, потому что никто не достоинъ пользоваться этими вещами и даже остатками отъ трапезы послѣ того, какъ они были освящены прикосновеніемъ Микадо. Японскіе солдаты вовсе не имѣютъ воинственнаго вида нашихъ и недостатокъ настоящей выправки стараются замѣнить на ученьяхъ и смотрахъ, придавая свирѣпое выраженіе своимъ лицамъ“. Но это было полъ вѣка назадъ и составляетъ для настоящей минуты японскую старину, отошедшую въ вѣчность.

Излагаются обстоятельства русскаго посольства въ Японію камергера Рязанцева въ 1804 г. ⁵ Японія отвергла предложенія

¹ Журн., LXX, 277. Письма изъ Испаніи.

² Журн., LVI, 221.

³ Журн., XCI, 364. Письмо изъ Италіи.

⁴ Журн., CVII, 425. Японія и японцы.

⁵ Журн., VII, 28. Русское посольство въ Японію.

Россіи на установленіе постоянныхъ съ нею сношеній. „Потребности Японіи не велики,—отвѣчали японцы,—и произведенія иностранныя для нея мало нужны; если небольшое количество предметовъ истинно-полезныхъ не достаетъ въ японскомъ государствѣ и если привычка сдѣлала для Японіи необходимыми нѣкоторыя потребности, торговля съ голландцами и китайцами достаточно доставляетъ все это, а дальнѣйшая роскошь не есть такое дѣло, которому должно покровительствовать“.

Любопытную справку о народонаселеніи большихъ городовъ Европы представляетъ таблица, выражающая число жителей въ тысячахъ: Лондонъ—1.560; Парижъ—900; С.-Петербургъ—440; Константинополь—380; Неаполь—358; Москва—336; Вѣна—320; Лиссабонъ—240; Берлинъ—230; Мадридъ—200; Римъ—150; Туринъ—122; Копенгагенъ—119. За шесть десятилѣтій населеніе Петербурга почти утроилось ¹!

Журналъ не проходилъ мимо иностранныхъ писателей, сохранившихъ порою пристрастныя, но въ общемъ драгоценныя свѣдѣнія о Россіи XVI—XVII вѣковъ. Изъ нихъ Контарини писалъ ²: „главнѣйшій недостатокъ ихъ есть пьянство, которымъ они, впрочемъ, хвалятся и презираютъ тѣхъ, кои не слѣдуютъ ихъ примѣру“.

Обращаясь къ естественно-историческимъ статьямъ, отмѣчу, что помѣщеніемъ ихъ Журналъ желалъ пополнить учебный кадетскій курсъ.

Изъ весьма многочисленныхъ очерковъ этого рода, перечисленіе коихъ завело бы меня слишкомъ далеко, упомяну лишь о нѣсколькихъ.

Говоря о естественной исторіи, нельзя не упомянуть о Бюффонѣ, творцѣ оригинальной зоологической системы, по которой животныя распредѣляются по степени пользы, приносимой ими чело-вѣку ³.

Животный міръ издавна привлекалъ къ себѣ изслѣдователей, но способы наблюденія древнихъ и точность ихъ опытовъ были примитивны, чѣмъ и должна объясниться неправильность ихъ выводовъ; такъ, Плиній полагалъ, что жемчугъ образуется изъ капли росы, упавшей въ створку раковины, а Эллианъ его происхожденіе объяснялъ дѣйствіемъ молніи ⁴.

¹ Журн., XII, 45. Народонаселеніе главныхъ городовъ.

² Журн., III, 11. Иностранные писатели о Россіи.

³ Журн., CXIX, 474. Нѣсколько словъ о Бюффонѣ.

⁴ Журн., CLI, 603 и слѣд. Очерки животной жизни.

Изъ описаній отдѣльныхъ животныхъ, Журналъ останавливается въ особенности на лошади, имѣющей столь большое примѣненіе въ военномъ дѣлѣ ¹. Лучшій кормъ для лошади—ячмень, что кратко выражается арабской пословицей—„давай ячменя и изнурай“. Приводится также анекдотъ о томъ, какъ одинъ всадникъ нагоняетъ другого и между ними завязывается діалогъ; первый спрашиваетъ второго: „твоя лошадь пахала когда-нибудь?“ и получаетъ въ отвѣтъ: „она пахала четыре дня“, на что первый радостно вскрикиваетъ: „а моя никогда не пахала; клянусь головою Пророка, я теперь увѣренъ, что тебя настигну“; иначе говоря, кавалерійская лошадь должна быть исключительно верховою, и въ кавалеріи не можетъ быть мѣста коню, про котораго говорится, что онъ возитъ и воду, и воеводу. Совѣтуется кормить лошадь вечеромъ: „ячмень, съѣденный утромъ, очутится въ навозѣ; ячмень, съѣденный вечеромъ, очутится въ тѣлѣ лошади“. Поить лошадь слѣдуетъ взызданной, кормить—осѣдланной: „вода—съ уздой, ячмень—съ сѣдломъ“.

Собака въ древности употреблялась въ человѣческую пищу ². По Гиппократу, греки ѣли собакъ, а римляне считали ихъ нѣжнымъ кушаньемъ, что откормленный молокомъ песъ былъ необходимымъ блюдомъ на ихъ парадныхъ обѣдахъ. Въ свою очередь и собаки поѣдали людей. По Гомеру, Гекторъ общалъ своимъ собакамъ тѣло Аякса. Собаки употреблялись на войнѣ. Послѣ побѣды Марія надъ кимврами его легіоны должны были выдержать второе кровопролитное сраженіе противъ женщинъ и собакъ побѣжденныхъ.

Слоны также употреблялись въ древности въ войскахъ ³. Въ битвахъ они причиняли вредъ непріятелю дѣйствіемъ своихъ хоботовъ; на ихъ спинахъ помѣщались иногда цѣлыя башни.

Долголѣтіе орловъ доказывается справкою, приводимую Журналомъ; въ 1844 г. во Франціи былъ застрѣленъ орелъ съ золотымъ кольцомъ, на которомъ была сдѣлана надпись: „Caucas patria, Fulgur nomen, Radinski dominus mihi est“ (Кавказъ—мое отечество, Молнія—мое имя, Радинскій—мой господинъ) ⁴. Слѣдовательно, этому орлу было почти сто лѣтъ.

Изъ птицъ особымъ уваженіемъ пользовался аистъ, по имени котораго древне-греческій законъ объ обязанности прокормленія своихъ родителей назывался аистовымъ. Насколько значительные по-

¹ Журн., CI, 404. Арабская лошадь.

² Журн., LXXI, 283. Черты изъ жизни собакъ.

³ Журн., LVIII, 231. Военная исторія слоновъ.

⁴ Журн., LVIII, 229. Замѣчательный орелъ.

леты совершались аистами, доказываетъ полетъ одного изъ нихъ, которому въ Польшѣ было подвязано желѣзное кольцо съ надписью— *ciconia ex Polonia* (аистъ изъ Польши); выпущенный аистъ прилетѣлъ чрезъ нѣсколько времени обратно въ Польшу съ золотымъ кольцомъ— „*India ciconiam cum donis remittit Poloniae* (Индія съ подаркомъ возвращаетъ аиста Польшѣ) ¹.

Растительный міръ также описанъ Журналомъ. Распредѣленіе растений по земной поверхности претерпѣло значительное измѣненіе вслѣдствіе расселенія человѣческаго племени. „Какъ не улыбнуться какому-нибудь весельчаку, когда съ высотъ Іоганисберга онъ обозрѣваетъ прирейнскую область и пьетъ рюдесгеймское вино во славу благороднѣйшей изъ нѣмецкихъ рѣкъ, какъ не улыбнуться ему, когда при этомъ онъ вспомнить слова Рапита, что на Рейнѣ не можетъ расти вишня и тѣмъ болѣе виноградъ“; но въ то же время— „гдѣ роскошная растительность питала когда-то многочисленное еврейское народонаселеніе, тамъ теперь почти пустыня, убійца не нашелъ бы теперь священной рощи Поссейдона, чтобы скрыться и подстерегать пѣвца, идущаго на праздникъ“ ².

Въ древности особымъ почетомъ пользовался лавръ. Светоній пишетъ, что изъ всѣхъ наградъ, коими наградили римляне Юлія Цезаря, самую пріятною для него было право постоянного ношенія лавроваго вѣнка; Августъ носилъ такой же вѣнокъ въ предохраненіе отъ молніи; Гезіодъ увѣрялъ, что онъ сталъ поэтомъ, поѣвъ лавра; по общему древнему повѣрью, лавровый вѣнокъ подъ изголовьемъ давалъ счастливые сны ³.

Чай, столь распространенный въ Россіи напитокъ, появился въ Европѣ лишь въ началѣ XVII вѣка: его сталъ употреблять Людовикъ XIII въ 1636 г.; въ Англію одинъ фунтъ чая былъ впервые ввезенъ лордомъ Арлингтономъ; знаменитый шведскій ботаникъ Линней получилъ чай изъ Китая въ 1763 г., а въ 1765 г. онъ уже цвѣлъ у него въ Упсалѣ ⁴.

Отмѣчаетъ также Журналъ всѣ техническія открытія человѣчества и всѣ его культурныя преуспѣянія.

Желѣзной дорогѣ посвящено отдѣльное стихотвореніе, гдѣ имѣется, напримѣръ, четверостишіе:

¹ Журн., LXV, 258. Птицы, обитающія въ жилищахъ человѣческихъ.

² Журн., LXXXII, 325 и слѣд. Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія проф. Шлейдена.

³ Журн., CXLI, 561. Лавровое дерево.

⁴ Журн., LXIX, 275.

„лягте горы, встаньте бездны,
покоряйся намъ земля,
и катится путь желѣзный
отъ Невы и до Кремля“¹.

Приводятся любопытныя привѣтствія, которыми обмѣнялись взаимно президентъ Американскихъ Штатовъ и англійская королева по случаю открытія дѣйствія „атлантическаго океана“. 4/16 августа 1858 г. королева сообщала президенту: „Королева жалаетъ поздравить президента съ удачнымъ окончаніемъ великаго международнаго дѣла, къ которому она питала самое искреннее сочувствіе; королева увѣрена, что президентъ, подобно ей, питаетъ столь же справедливое желаніе, чтобы электрическая проволока, соединяющая нынѣ Великобританію съ Соединенными Штатами, послужила новою связью между народами, дружба которыхъ основана на ихъ общихъ интересахъ и взаимномъ уваженіи; королева радуется, что можетъ такимъ образомъ переписываться съ президентомъ и возобновить выраженія своего желанія и процвѣтанія Соединеннымъ Штатамъ“. Въ своемъ отвѣтѣ президентъ писалъ: „президентъ отъ всего сердца отвѣчаетъ на поздравленія Ея Величества королевы съ счастливымъ исходомъ великаго международнаго предпріятія, которымъ увѣнчались наука, искусство и непобѣдимое терпѣніе обѣихъ сторонъ; это торжество славнѣе всѣхъ когда-либо пріобрѣтенныхъ полководцами на полѣ битвы, потому что оно благотѣльнѣе для человѣчества; дай Богъ, чтобы атлантическій телеграфъ, подъ покровительствомъ Неба, сталъ новымъ залогомъ мира и дружелюбія между родственными націями и орудіемъ, избраннымъ Провидѣніемъ для распространенія по всей землѣ страха Божія, образованности, свободы и закона; потому всѣ народы христіанскаго міра не согласятся не объявить атлантическій телеграфъ навсегда нейтральнымъ и среди враждебныхъ дѣйствій считать священными депеши, посылаемыя черезъ него“².

Посвящаются особые очерки историческому прошлому учебныхъ заведеній, напримѣръ, законоспасской академіи; эпиграфомъ для послѣдней статьи взяты золотыя слова митрополита газскаго Паисія Лигарида, посѣтившаго Россію въ XVII вѣкѣ³: „если бы меня спросили, какіе столпы церкви и государства, я бы отвѣчалъ, во-первыхъ — училища, во-вторыхъ — училища и въ-третьихъ — училища“.

¹ Журн., ХLI, 163. Желѣзная дорога. Шевыревъ.

² Журн., СXXXV, 539. Исторія атлантическаго телеграфа.

³ Журн., СXXXVIII, 551. Законоспасская академія.

Человѣческій умъ склоненъ къ суевѣрію, и каждый человѣкъ суевѣренъ по своей природѣ. Но суевѣрію отмежевывается все меньшее и меньшее мѣсто въ человѣческой жизни съ развитіемъ и укрѣпленіемъ точныхъ наукъ. Журналъ не могъ, конечно, пройти молчаніемъ суевѣріе и наивную астрологию прошлыхъ вѣковъ. Приводитъ Журналъ разсказъ о томъ, какъ Котонъ успокаивалъ римлянина, видѣвшаго сонъ, что крысы съѣли ночью его сандалін, словами: „успокойся, другъ мой, потому что случай, который ты рассказываешь, не предвѣщаетъ ничего худого; вотъ было бы другое дѣло, если бы сандалін твои съѣли крысы“; очевидно, древній Котонъ подсмѣивался надъ легковѣрнымъ собесѣдникомъ. Другой случай касался Людовика XI; онъ, желая удостовѣриться въ точности предсказаній своего астролога, позвалъ послѣдняго къ себѣ, укрывъ предварительно двухъ воиновъ, долженствовавшихъ убить человѣка, съ которымъ станетъ разговаривать Людовикъ; астрологъ явился на приглашеніе и на вопросъ Людовика, когда онъ, Людовикъ, умретъ, догадавшись объ ужасной истинѣ, отвѣчалъ: „за три дня до твоей смерти“; остроумнымъ отвѣтомъ астрологъ избѣжалъ смерти ¹.

Привычки и обычаи мѣняются безпрестанно. Мѣняется взглядъ на употребленіе въ пищу тѣхъ или иныхъ продуктовъ. Между прочимъ, журналъ приводитъ повелѣніе Императора Льва о неупотребленіи въ пищу колбасъ ²: „дошло до нашего свѣдѣнія, что кровь укладывается въ кишки, точно какъ въ мѣшки, и въ такомъ видѣ, какъ обыкновенное кушанье, употребляется въ пищу; мы не можемъ далѣе допускать, чтобы честь нашего государства оскорбляема была столь нечестивымъ изобрѣтеніемъ единственно по плутовству прожорливыхъ людей; кто приготовляетъ кровь въ пищу, тотъ подвергается жестокому позорному бичеванію до тѣхъ поръ, пока не сойдетъ кожа, и затѣмъ навсегда будетъ изгнанъ изъ отечества“.

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ назидательныхъ, нравственныхъ произведеній. Журналъ справедливо полагалъ, что добрыя нравственныя начала должны быть привиты съ малолѣтства; въ этомъ отношеніи журналъ оправдывалъ педагогическое изреченіе— „молодую вѣтвь можно безъ труда выпрямить, но толстый сукъ никогда не выпрямится“ ³.

Журналъ настойчиво проводилъ мысль о необходимости трудолюбія. Приученіе къ труду—основной мотивъ воспитанія. Журналъ

¹ Журн., CXLV, 580. Темная сторона человѣческаго ума и чувства.

² Журн., LXXII, 285. Гоненіе на колбасы.

³ Журн., CI, 404.

въ образецъ трудолюбія приводитъ извѣстіе о томъ, что слѣпой англичанинъ Сандерсонъ написалъ книгу о цвѣтахъ и планетахъ, а глухонѣмой французъ Сабуре, выучивъ семь восточныхъ языковъ, занимался ихъ преподаваніемъ ¹. Трудолюбіе необходимо человѣку: „животное едва родится, все уже знаетъ, что ему нужно; не надобно учиться соловью пѣть, пчелѣ—извлекать изъ цвѣтовъ медъ, бобру—строить удивительныя свои жилища“ ². Трудолюбіе—врагъ бѣдности.

„чѣмъ же бѣдность гонять?
только трудомъ и трудомъ!..
трудъ-хоть куда молодецъ, и какое село онъ zalюбитъ —
тамъ и житье! отъ его богатырскаго посвиста бѣдность,
злаясь, бѣжитъ и, назадъ озираясь, зубами целкаетъ“ ³.

Трудолюбіемъ можно укрѣпить память, неоцѣнимое человѣческое качество. Предѣлы же памяти весьма широки: Сенека могъ безошибочно повторять нѣсколько сотъ стиховъ, которые слышалъ въ первый разъ; Гуго Гроцій удерживалъ въ памяти имена солдатъ нѣсколькихъ полковъ, которымъ только разъ дѣлалъ смотръ ⁴.

Но трудъ долженъ тратиться производительно и направляться на полезное дѣйствіе. Журналъ высмѣиваетъ такое излишнее трудолюбіе, или вѣрнѣе лжетрудолюбіе, которое расходуется бесполезно на совершеніе чего-либо ненужнаго. „Я знаю,—пишетъ отецъ къ сыну-кадету ⁵,— что нѣкоторые изъ васъ убиваютъ по нѣсколько часовъ на то, что какую-нибудь пустую тетрадку, на которой никогда ничего не будетъ написано, сшиваютъ и перепиваютъ, обрѣзываютъ, разлиновываютъ, росписываютъ кудрявыми заглавіями и пр.; ужели это нужно дѣло? другіе имѣютъ необходимую охоту рѣзать перья и заготовляютъ ихъ такъ много, какъ будто за одинъ присѣсть хотятъ переписать цѣлые томы; потомъ начинается проба этого запаснаго оружія и повтореніе тѣхъ же операцій; это—тонко очинено, у того—разрѣзъ длиннѣе, то—мягко очень; а какъ посмотришь на почеркъ художника, такъ поневолѣ скажешь: не о перьяхъ хлопотать, а писать бы надо лучше!“ Письмо трактуетъ о томъ добромъ старо-кадетскомъ времени, когда дѣйствовали гусенныя перья, давно отошедшія въ область преданій, но отцовскій совѣтъ понятенъ и примѣнимъ также и къ настоящему времени.

¹ Журн., LXIV, 253. До чего доходитъ трудолюбіе.

² Журн., XXXII, 126. Мысли и отмѣтки (Изъ соч. Ястребцова „Исповѣдь или собраніе разсужденій“).

³ Журн., XXXVI, 141. Бѣдность и трудъ.

⁴ Журн., LXXVII, 308. Память.

⁵ Журн., XLV, 180. Письмо отца къ сыну-кадету.

Воспитаніе должно идти вперед образованія; оно доминируетъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Еще Екатерина Великая, этотъ философъ-публицистъ-сатирикъ-педагогъ, писала князю Н. И. Салтыкову ¹: „языки и знанія суть меньшая часть воспитанія Ихъ Высочествъ; добродѣтели и добронравіе, состоянію и рожденію ихъ приличныя, составлять должны главнѣйшую часть ихъ наставленія“. Воспитаніе должно лечь краеугольнымъ камнемъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Отсюда—и огромное значеніе назидательныхъ статей въ журналѣ.

Молодость—горяча. Не даромъ въ двестишѣхъ излагается ²:

„въ море на всѣхъ парусахъ, юноша бодро несется;
скромно, на утлой ладѣ, въ гавань вступаетъ старикъ“.

И эту горячность, пылъ юношества, ея порывъ къ широкому полету возможно сдержать воспитаніемъ.

Журналъ приводитъ слова Іоанна Златоуста ³: „есть у тебя свитокъ, въ который ежедневно вносишь расходы твои; равнымъ образомъ, пусть совѣсть будетъ у тебя свиткомъ, въ которомъ записывай ежедневные грѣхи твои“. Журналъ приводитъ слова Іеронима ⁴: „посмотри, я собралъ для тебя удивительныя мѣста изъ святаго писанія и я, такъ сказать, сплелъ тебѣ душистый вѣнокъ покаянія изъ лучшихъ евангельскихъ цвѣтовъ; возложи его на чело твое, прими кроткій духъ и крылія голубицы и полети искать покоя и примиренія у Господа, сего столь милосердаго отца“.

Смерть... Старая штука смерть, а всякому—вновь,—говорилъ на своемъ великолѣпномъ языкѣ Тургеневъ. Но она неизбежна. Еще Державинъ, перефразируя, быть можетъ, изреченіе Шекспира о томъ, что „человѣкъ—блюдо для червей“, писалъ ⁵:

„ничто отъ роковыхъ когтей,
никая тварь не убѣгаетъ;
монархъ и узникъ—снѣдь червей“.

Образно выражался о смерти кн. Г. П. Гагаринъ ⁶:

„прохожій! ты идешь, но ляжешь такъ, какъ я:
постой и отдохни на камнѣ у меня;
взгляни, что сдѣлалось со тварью горделивой;

¹ Журн., XI, 43. Инструкція Екатерины Великой. О языкахъ.

² Журн., XXXVIII, 150.

³ Журн., XI, 159. О ежедневномъ испытаніи себя.

⁴ Журн., XIV, 53. Муравьевъ. Письма о богослуженіи восточной католической церкви.

⁵ Журн., XXXI, 121. На смерть князя Мещерскаго.

⁶ Журн., XVI, 61. Эпитафія кн. Гагарина, имѣ. самимъ сочиненная.

гдѣ дѣлся человѣкъ? и прахъ заросъ крапивой!
сорви-жь былиночку и вспомни обо мнѣ;
я—дома, ты—въ гостяхъ, подумай о себѣ!“

И, быть можетъ, военное воспитаніе должно заключаться въ приученіи юношей къ мысли о смерти...

Что посеешь, то и пожнешь. Эта пословичная мудрость оправдывается и въ отношеніи къ воспитанію. Каковы сѣмена, таковы и всходы. Нужно прилагать особое попеченіе о доброкачественности этихъ сѣмянъ и о воздѣлываніи почвы для ихъ воспріятія. „За утромъ, украшеннымъ вѣрою, не можетъ послѣдовать и сумрачный день“ ¹.

Къ назидательнымъ и религіозно-нравственнымъ статьямъ слѣдуетъ причислить и многочисленныя рѣчи, произнесенныя духовными лицами на различныхъ кадетскихъ торжествахъ. Перепечатанныя въ журналѣ, эти рѣчи составляютъ драгоцѣнный памятникъ нашей проповѣднической литературы. Указывать всѣ помѣщенныя въ Журналѣ рѣчи было бы чрезчуръ обременительно. Укажу лишь нѣкоторыя: рѣчь при выпускѣ въ офицеры воспитанниковъ Дворянскаго полка ² въ 1842 г.; рѣчь, произнесенная тамъ же 13 августа 1843 г. ³; рѣчь: произнесенная въ церкви 1 кадетскаго корпуса окончившимъ воспитаніе кадетамъ, при присягѣ ихъ на чинъ прапорщика, 22 марта 1838 г. ⁴; рѣчь, произнесенная тамъ же 17 августа 1843 г. ⁵; слово на освященіе храма въ 1 московскомъ кадетскомъ корпусѣ 7 сентября 1846 г. ⁶.

Беллетристическихъ статей въ Журналѣ весьма много. Редакція усердно печатала отрывки изъ сочиненій наиболѣе выдающихся русскихъ писателей. Здѣсь помѣщены, напримѣръ, многія басни Крылова, стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Дѣтство и Отрочество гр. Л. Толстого, Семейная хроника Багрова внука Аксакова ⁷, и т. д. Поэтому литературный отдѣлъ составляетъ прекрасную хрестоматію, не утратившую своего значенія даже для настоящаго времени.

Языкъ—эволюционируетъ. Онъ вѣчно въ движеніи, воспринимая чужеземныя слова, измѣняя свою грамматику, перемѣняя значеніе

¹ Журн., XIV, 53. Часы благословенія. Утро.

² Журн., XXXVIII, 149. Рѣчь священника Іоанна Рождественскаго.

³ Журн., XLIV, 174. Рѣчь его-же.

⁴ Журн., XXXII, 126. Рѣчь священника Николая Раевского.

⁵ Журн., XLIV, 175. Рѣчь его-же.

⁶ Журн., LXV, 257. Слово Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго.

⁷ Журн., CXXIII, 490 и 491.

словъ. Этимъ объясняется существованіе исторіи языка. Журналъ приводитъ любопытныя свѣдѣнія о словахъ, измѣнившихъ свое значеніе. Босой, по древнему, значитъ голодный: въ словѣ о полку Игоревѣ встрѣчается выраженіе—„и скопчи Игорь босымъ волкомъ“. Строгий, по древнему, значитъ острый, а отсюда—острога, остругать; Ломоносовъ выражается: „ступаетъ по вершинамъ строгимъ, презрѣвъ глубоко дно долины“¹. Напрасно, по древнему, значитъ вдругъ: „напрасно судія прійдетъ и коегождо дѣянія обнажатся“².

Объяснялъ также Журналъ происхожденіе нѣкоторыхъ русскихъ словъ и собственныхъ названій. Слово Кремль произошло отъ кремня, отличающагося твердостью; дѣтинецъ—отъ дѣтскихъ или отроковъ боярскихъ, входившихъ въ составъ великокняжескаго двора³. Названіе города Твери произошло или отъ слова твердь (укрѣпленное мѣсто) или отъ слова дверь, каковою Тверь являлась для Новгорода, торговавшаго съ понизовыми городами⁴. Названіе Одесса произошло отъ греческой колоніи Одиссосы, что значитъ торговый путь⁵.

Въ началѣ своего существованія Журналъ отводилъ мѣсто на своихъ страницахъ исключительно подъ перепечатку статей, цѣлкомъ или въ извлеченіяхъ, наиболѣе извѣстныхъ и талантливыхъ авторовъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи Журналъ сталъ печатать также сочиненія самихъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Такой обычай, въ силу справедливости, не можетъ быть признанъ удачнымъ: журналъ, обращаясь изъ органа для чтенія воспитанникамъ въ изданіе произведеній самихъ воспитанниковъ, не могъ, конечно, придерживаться своей военно-педагогической программы, ясно обрисованной предыдущимъ его существованіемъ; этимъ невольно нарушалась цѣнность его матеріала; кромѣ того, печатаніе произведеній самихъ кадетъ въ журналѣ, игравшемъ въ нѣкоторой доли роль оффиціоза, составляло, пожалуй, нѣсколько рискованный пріемъ.

Кадетскія произведенія касались самыхъ различныхъ темъ. Сообщу, для иллюстраціи, заголовки нѣкоторыхъ статей: Бородино въ 1839 г., фельдфебеля Гренадерской роты 1 Московскаго кадетскаго корпуса Д. Пацукевича⁶; Письмо изъ Бородина, унтеръ-офицера 1 мушкатерской роты того же корпуса Л. Кавелина⁷; Молитва,

¹ Журн., XLV, 178.

² Журн., XXXVII, 146. О словахъ, измѣнившихъ свое значеніе.

³ Журн., IV, 13. Происхожденіе слова кремль.

⁴ Журн., XXVIII, 109. Взглядъ на древнюю Тверь. Коншинъ.

⁵ Журн., LI, 207. Первое пятидесятилѣтіе Одессы. 1794—1844.

⁶ Журн., XXI, 81. Здѣсь авторъ называетъ Бородино русскимъ Мараономъ,

⁷ Ib.

стихотвореніе воспитанника Главнаго Педагогическаго Института Лаговскаго ¹; Приѣмъ и отпускъ пословъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, воспитанника 3 спеціального класса Константиновскаго кадетскаго корпуса Ознобишина ²; Оставленіе русскими Смоленска, воспитанника 3 спеціального класса Константиновскаго военнаго училища Аккермана ³; Постепенный упадокъ панской власти отъ половины XIII до половины XV столѣтій, воспитанника 3 спеціального класса 1 кадетскаго корпуса Стрѣлковскаго ⁴; О русскихъ посольствахъ въ XVII в., экстерна Константиновскаго военнаго училища Васютинскаго ⁵; О вооруженномъ нейтралитетѣ, экстерна того же училища Шкуринскаго ⁶; Французскій комиссаріатъ, экстерна того же училища фельдфебеля Гойера ⁷; Клавдій Тиверій Неронъ, юнкера 3 спеціального класса Константиновскаго военнаго училища Гарткевича ⁸; Преподобный Несторъ, первый русскій лѣтописецъ, воспитанника 3-го спеціального класса того же училища Цивинскаго ⁹; Русское войско въ семнадцатомъ столѣтіи, воспитанника Константиновскаго кадетскаго корпуса Обезерскаго ¹⁰; Княженіе Ярослава I Мудраго, воспитанника 3 спеціального класса Павловскаго кадетскаго корпуса Баскова ¹¹.

Остается сказать послѣднее слово объ афоризмахъ, о тѣхъ краткихъ крылатыхъ словахъ, которыя такъ легко западаютъ въ память. Журналъ находитъ мѣсто и для нихъ.

Сколько глубокой мысли, сколько тонкой наблюдательности заключено въ этихъ маленькихъ, отшлифованныхъ, тщательно отточенныхъ фразахъ. Это—филигрань человѣческой мысли. Это—бездна мысли. Это—всемирная памятка.

„Тремъ вещамъ не вѣрь, не испытавши: храбрости, если не былъ въ битвѣ; мудрости, если тебя еще никто не обидѣлъ; другу, если ты не былъ еще въ нуждѣ“.

„Помни, что завтра скоро будетъ вчера“.

„О, человѣкъ. Я посылаю тебѣ богатство, ты предаешься радости и забываешь меня; посылаю тебѣ нужду, ты предаешься печали“.

¹ Журн., LXX, 280.

² Журн., LXXVIII, 510, 511 и 512.

³ Журн., CXLII, 567 и 568.

⁴ Журн., CXLII, 565, 566 и 567.

⁵ Журн., CXLII и CXLIII, 562, 563, 564 и 565.

⁶ Журн., CXLIII, 569, 570 и 571.

⁷ Журн., CXLIII и CXLIV, 572 и 573. Статья написана по сочиненію Durat-Lussalle.

⁸ Журн., CXLVII, 586, 587, 588.

⁹ Журн., CXXXIX и CXL, 556, 557, 558, 559, 560.

¹⁰ Журн., CXXVII и CXXVIII, 507, 508 и 509.

¹¹ Журн., 561, 562, 563 и 564.

и опять забываешь меня; Я пошлю тебѣ смерть, —ты Меня вспомнишь“ ¹.

„Кто уменъ, у того въ кошелькѣ всегда найдется горсть пшена, но кто уменъ и добръ, тотъ всегда подъ изголовьемъ найдетъ золотую монету“ ².

„Богъ знаетъ все, что есть на землѣ и на небѣ; если трое васъ разговариваютъ, онъ — съ вами четвертый, если четверо васъ сошлись, онъ — пятый“.

„Не говори злого объ отсутствующемъ: онъ — мертвый, если его нѣтъ передъ тобой, а дерзнешь ли ты ругаться надъ мертвымъ?“

„Не обвѣшивай ближняго истиною, и помни, что каждое дѣло и слово твое кладется на вѣсы передъ Богомъ“ ³.

„Сонъ — образъ смерти, истина — крѣпче стали, неисцѣлимая болѣзнь — глупость“ ⁴.

Изъ эпизодическаго очерка содержанія Журнала ясно усматривается его богатство, его пестрота, его разнообразіе. А отсюда можно сдѣлать выводъ о приносившейся Журналомъ пользѣ. Это былъ — полезный печатный органъ, и если въ 1215 г. графиня Анжуйская за одну книгу проповѣдей заплатила 200 овецъ, 5 кварталовъ пшеницы и столько же ржи и если во времена Гиббона книга библіи цѣнилась въ 400—500 кронъ ⁵, то Журналъ, пользуясь удешевленіемъ и техническимъ усовершенствованіемъ типографскаго дѣла, доставлялъ своимъ читателямъ сравнительно недорогой по подписной цѣнѣ, но цѣнный по содержанію печатный матеріалъ. Это былъ почтенный военно-педагогическій органъ, истинный *кадетскій журналъ*, возрожденіе коего, конечно, въ нѣсколько измѣненной формѣ, представляется желательнымъ каждому русскому человѣку, дорожащему военнымъ воспитаніемъ и военной журналистикой.

Изъ опасенія обвиненія въ голословности при наименованіи Журнала истинно кадетскимъ органомъ и при мнѣніи о его значительномъ вліяніи на военное юношество, приведу выдержку изъ воспоминаній нѣкоего М. А. Д. о Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ ⁶)

¹ Журн., XLI, 164. Правила мудрости изъ книгъ индійскихъ браминовъ.

² Журн., LIII, 210. Мысли китайцевъ.

³ Журн., LI, 208.

⁴ Журн., XLIV, 173. Вопросы и отвѣты арабскихъ мудрецовъ.

⁵ Журн., XXIII, 92. Книгопечатаніе.

⁶ Истор. Вѣстн., 1890, ноябрь, 453

Авторъ этихъ любопытныхъ для военно-педагогической старины воспоминаній говоритъ, что въ Дворянскомъ полку былъ преподавателемъ тактики полковникъ Клугенъ; слушая отвѣты нѣкоторыхъ воспитанниковъ по военной исторіи, онъ „перемѣнялъ гнѣвъ на милость“, когда ученическіе отвѣты содержали подробности „изъ Даничевскаго, Бутурлина и другихъ“; на вопросъ удивленнаго Клугена объ источникѣ знанія столь подробныхъ свѣдѣній, авторъ воспоминаній сообщилъ: „изъ журнала военно учебныхъ заведеній, прочитаннаго мною еще въ Полтавѣ“. Здѣсь же авторъ дѣлаетъ подстрочное примѣчаніе: „сколько помню въ этомъ журналѣ было не мало статей, охотно читаемыхъ кадетами; потомъ этотъ журналъ какъ и многое у насъ, замеръ“...

СОДЕРЖАНІЕ.

Введевіе	СТР. 3
--------------------	-----------

I. Военный отдѣлъ.

Значеніе военнаго отдѣла въ журналѣ.—Черты военнаго быта.—Суворовъ.— Кагулъ и Аустерлицъ.—Отечественная война и ея герои.—Скобелевъ.— Отдѣльные воинскіе подвиги.—Военные приказы.—Инвалиды.—Кадет- ская старина.—Военная старина.—Отставные.—Заключеніе	7
---	---

II. Историческій отдѣлъ.

Значеніе исторіи.—Петръ Великій.—Екатерина Великая и ея сподвижники.— Три Августѣйшихъ внука Екатерины Великой.—Древняя Русь.—Русскіе замѣчательные люди.—Русскіе писатели.—Великіе иностранцы.—Заключе- ніе	65
---	----

III. Научно-литературный отдѣлъ.

Патріотическія статьи.—Отечественовѣдѣніе; сосѣди Россіи.—Природовѣдѣніе.— Успѣхъ знаній, суевѣріе.—Назидательныя статьи; церковныя рѣчи.— Беллетристика; авторы-кадеты.—Афоризмы.—Заключеніе	101
---	-----
